

Для письменного сообщения.

Кравченко
Александрович
Ангела и др.

XI

Золотарёвские Чтения

А. Золотарев

Золотарев
Александрович
Золотарев

на 1/2 со стороны
Александровича, сибиряка
с Иваном Золотаревым на
1/2 со стороны.

Редакционная коллегия: **Н.П. Рязанцев**, д-р ист. наук (отв. ред.); **Ю.Г. Салова**, д-р ист. наук (отв. ред.); **И.Ю. Шустрова**, д-р ист. наук (отв. ред.); **Л.В. Барабанова** (отв. ред.); **А.В. Знаменский**

В сборнике опубликованы материалы докладов и сообщений, заявленных на очередные XI Золотаревские чтения, посвященные памяти семьи Золотаревых - известных просветителей, краеведов, общественных деятелей, внесших большой вклад в российскую науку и культуру. Конференция проводится Рыбинским государственным историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником совместно с Ярославским государственным университетом им. П.Г. Демидова.

Представленные материалы охватывают широкий круг тем, связанных с освоением богатого историко-культурного и природного наследия Ярославского края и соседних территорий. Большое внимание уделяется актуальным вопросам музейной деятельности и рыбинской краеведческой тематике.

Сборник может быть полезен специалистам, преподавателям, учащимся, а также всем интересующимся проблемами истории и культуры. XI Золотаревские чтения. Материалы научной конференции, 16 ноября 2006 г. / Под ред. Н.П. Рязанцева, Ю.Г. Саловой, И.Ю. Шустровой. - Рыбинск: Рыбинский музей-заповедник, 2006. - 236 с. Материалы опубликованы в авторском варианте. Редакционная коллегия: Н.П. Рязанцев, д-р ист. наук (отв. ред.); Ю.Г. Салова, д-р ист. наук (отв. ред.); И.Ю. Шустрова, д-р ист. наук (отв. ред.); Л.В. Барабанова (отв. ред.); А.В. Знаменский У Рыбинский музей-заповедник, 2006

XI Золотаревские чтения. Материалы научной конференции, 16 ноября 2006 г. / Под ред. Н.П. Рязанцева, Ю.Г. Саловой, И.Ю. Шустровой. - Рыбинск: Рыбинский музей-заповедник, 2006. - 236 с.

Материалы опубликованы в авторском варианте.

© Рыбинский музей-заповедник, 2006

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА СЕЛИВАНОВА

По сложившейся традиции материалы очередного сборника Золотаревских чтений начал редактировать и готовить к публикации доктор исторических наук, профессор А.М. Селиванов. К несчастью, начатое ему не удалось завершить... Внезапная смерть остановила эту работу. Представляя вашему вниманию этот сборник, мы посвящаем его памяти нашего наставника, коллеги и товарища А.М. Селиванова.

Александр Михайлович Селиванов родился 20 июня 1948 года в селе Могильницкое Курганской области. Интерес к истории сформировался довольно рано. Совсем не случайно после окончания средней школы № 2 г. Барабинска Александр Селиванов в течение одного года преподавал историю в школе своего родного села, а в 1967 году поступил на первый курс исторического факультета старейшего в Сибири Томского государственного университета, который пять лет спустя успешно окончил.

В 1972 году А.М. Селиванов стал аспирантом Томского университета. Научным руководителем Александра Селиванова был известный историк, доктор исторических наук, профессор Василий Сергеевич Флеров. В.С. Флеров вскоре переехал в Ярославль, где университет только создавался, и проблема кадров была достаточно острой. В ЯрГУ Василий Сергеевич возглавил кафедру истории СССР. Вслед за научным руководителем аспирант Селиванов попал в Ярославль, с которым оказался тесно связанным на протяжении следующих тридцати лет.

В 1975 году А.М. Селиванов успешно защитил кандидатскую диссертацию по истории местных органов государственной власти в 1920-е годы и начал свою преподавательскую деятельность в ЯрГУ. Многие поколения студентов-историков хорошо помнят его лекции по отечественной истории, спецкурсы по государственному строительству, исторической географии, историческому краеведению и т.д. В эти годы А.М. Селиванов подготовил и опубликовал целую серию исследований, посвященных социально-политической истории советской деревни, истории общественных и политических организаций крестьянства в 1920-е годы. В 1991 году А.М. Селиванов возглавил кафедру отечественной истории ЯрГУ, а в 1994 году успешно защитил докторскую диссертацию по теме «Социально-политическое развитие советской деревни в первые годы нэпа».

А.М. Селиванов был одним из инициаторов открытия на историческом факультете ЯрГУ новой специальности «Музеология». Он много сделал для ее становления и развития, ведь создание чего-то нового всегда предполагает путь поисков, связанный не только с чередой успехов... Он с 1996 года и до последних дней возглавлял кафедру музеологии и краеведения, которая стала ведущей кафедрой такого профиля во всем регионе Верхневолжья.

По инициативе А.М. Селиванова кафедра установила постоянные связи с ведущими музеями и аналогичными кафедрами Москвы, Петербурга, Нижнего Новгорода, Владимира, Тамбова, Иванова и Вологды. Кафедра

музеологии и краеведения была в числе организаторов таких конференций, как Золотаревские и Тихомировские чтения, конференций по культуре, образованию, православию, по истории высшей школы в крае и других.

А.М. Селиванов всегда вел очень интенсивную научную работу. Он является автором более 200 научных публикаций. Он был научным редактором таких трудов, как «Вглядись в минувшее бесстрастно» (1995 г.), «Ярославский край в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» (1996 г.), «Ярославский район: страницы истории» в трех частях (1997-1999 г.), «История Ярославского края с древнейших времен до конца 20-х гг. XX века» (2000 г.), «Служить Отечеству честь имею» (2002 г.), и других. В 2005 году он подготовил и издал серьезный обобщающий труд «Историческое краеведение». К сожалению, эта его книга оказалась последней...

Светлая память об А.М. Селиванове, добросовестном ученом и принципиальном человеке, прекрасном организаторе и терпеливом наставнике, дружелюбном коллеге и хорошем товарище навсегда сохранится в наших сердцах.

Тихомиров Н.В., канд. ист. наук
г. Ярославль

ИЗ ИСТОРИИ МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЫБИНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ЯРОСЛАВСКОГО ЕСТЕСТВЕННОИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Еще до того, как осенью 1909 г. в Рыбинске образовалось отделение Ярославского естественноисторического общества (ЯЕИО), основатели отделения начали думать о создании при нем музея с целью популяризации естественнонаучных знаний. «Мысль основать естественноисторический музей возникла среди членов-учредителей Рыбинского отделения Ярославского естественноисторического общества еще прежде, чем было разрешено открыть в Рыбинске филиал ЯЕИО. Но осуществление этой мысли, конечно, не могло произойти очень скоро...»¹ Музей не мог быть создан за короткий срок, но нужно указать на те благоприятные обстоятельства, благодаря которым этот срок уменьшился.

Возникновение Рыбинского Общества совпало с перемещением наследниками С.В. Михалкова тех культурно-исторических ценностей, которые собирались из поколения в поколение родом Михалковых. Большая часть этого собрания была отправлена в Академию наук, где и была размещена по разным отделам. В Рыбинске осталась лишь небольшая и наиболее разрозненная часть собрания. Основатели Общества тогда же обратились с ходатайствами в попечительский совет Рыбинского коммерческого училища и к его директору М.И. Черникову о предоставлении помещения для музея. Были сделаны также обращения в Геологический, Минералогический и Зоологический музеи Академии наук с просьбами предоставить для создаваемого музея Общества тех предметов из коллекции Михалковых, которые «окажутся лишними для музеев Академии». Наконец, было направлено ходатайство в рыбинское городское самоуправление о предоставлении музею Общества ранее переданных городу коллекций Михалковых. 11 февраля 1910 г. ЯЕИО получило письмо от своих коллег из Рыбинска, рассчитывавших на помощь в деле осуществления поставленных задач. В письме говорилось о том, что «Рыбинское отделение, организуя естественноисторический музей и библиотеку по естествознанию, имеет честь просить ЯЕИО о пожертвовании... изданий и трудов Общества со времени его основания, а также тех предметов и коллекций из музея ЯЕИО, которые могли бы быть переданы без ущерба для Ярославского музея Рыбинскому отделению для его музея. Помещение для музея дано в местном коммерческом училище»².

Эти просьбы были удовлетворены. На ходатайство о предоставлении Рыбинскому отделению бесплатного помещения для музея в Коммерческом училище, еще 18 декабря 1909 г. попечительский совет училища дал согласие, «но с тем неперменным условием, что, если бы это помещение понадобилось для нужд училища, то такое должно быть освобождено по первому о том заявлению»³. Попечительский совет училища разрешил использовать под музей большую и светлую угловую комнату на нижнем этаже здания.

Только к 17 октября того же года музей был приведен в такой вид, что уже можно было сделать объявление о его открытии. К тому времени в музее уже были коллекции частных лиц, частью пожертвованных, частью специально переданных для музея. При открытии музея в его состав вошли коллекции Михалкова, переданные его наследниками г. Рыбинску, большая минералогическая коллекция, дендрологическая, карпологическая и коллекция моллюсков, предоставленные во временное пользование музею, геологические коллекции, гербарии, коллекция препаратов в спирте и формалине по зоологии, эмбриологическая коллекция, коллекция картин на астрономические темы и рисунки, выполненные масляными красками, с видами Крыма, Кавказа, Ладожского озера и т.д. Своим появлением музей был обязан, прежде всего, А.А. Михайлову, Н.Н. Розову, Б.Г. Верди, Л.А. Альбицкому, Курбатову и другим специалистам. Руководящим органом Общества и музея считалось Правление, в состав которого входили А.А. Михайлов, Н.Н. Розов (заведующий музеем с 1910 до 1923 г.), Л.А. Альбицкий, К.С. Масленников, Д.И. Чмутов.

Таким образом, благодаря активному участию деятелей Рыбинского отделения ЯЕИО, было положено начало еще одному музею естественноисторической направленности в Ярославской губернии. Необходимо отметить, что ЯЕИО фактически не принимало участия в процессе его создания, но, как один из руководящих центров краеведческой работы в губернии, оно оказывало необходимое содействие своему Рыбинскому отделению в годы его существования. Кроме этого, ЯЕИО должно было иметь представление об истинном положении и состоянии всех дел и начинаний рыбинских коллег, в связи с чем уже в сентябре 1909 г. ЯЕИО просило Рыбинское отделение «известить его о составе Совета отдела и предоставить протокол первого общего собрания отдела»⁴. Так была введена определенная форма отчетности Рыбинского отделения перед ЯЕИО, которая

соблюдалась до момента образования самостоятельного Рыбинского научного общества. Рыбинский музей стал детищем исключительно рыбинских естественников-краеведов, оказавшихся весьма деятельными и инициативными учеными.

Музей Рыбинского филиала ЯЕИО обладал более полными, обширными коллекциями, чем другие аналогичные музеи края. С момента создания и в последующие годы он пополнялся преимущественно предметами природы, но все же мог принимать в свое собрание предметы, не имеющие прямого отношения к естествознанию: старинные монеты, бумажные деньги, орудия каменного века, предметы этнографического характера (например, китайские и японские вещи), военные трофеи и т.д. Впоследствии, в 1920 г. все предметы, не имеющие естественного научного характера, были переданы в Художественно-исторический музей и в музей здравоохранения.

Источники поступлений в музей были схожими с ЯЕИО – подчас случайные пожертвования научных организаций (например, Академии наук), а также частных лиц и членов Рыбинского Общества. Так, в 1912-1913 отчетном году музей пополнился коллекцией хлопчатника Ферганской области Н.И. Кунина, пучком ковыля из Уфимской губернии В.А. Михайлова, коллекцией, демонстрировавшей стадии развития саранчи (на булавках) Б.А. Пухова, коллекцией насекомых Крыма А.Г. Черняевой и др. Музей пополнялся и покупкой предметов, главным образом, чучел птиц и животных. Так, была куплена коллекция радиоактивных препаратов, ценная посуда для консервирования различных зоологических препаратов, а также чучела медведя, рыси, зайцев, ласки зимней, полярной совы, журавля и пр. Еще одним источником пополнения музейного собрания были экскурсии. Так, например, во время экскурсии на р. Курбицу в Рыбинском уезде Л.А. Альбицким были собраны образцы железной руды и почвы с места лесного пожара.

За весь период нахождения музея в здании Коммерческого училища, пополнение коллекций происходило непрерывно. В 1915 г. в музее уже можно было выделить 5 отделов: 1) минералогический, 2) геологический, 3) ботанический, 4) зоологический и 5) антропогеографический (орудия каменного века, карты, планы, фото, военные трофеи и т.д.).

В 1920 г. музей был переведен из здания Коммерческого училища в новое помещение в центре города, располагавшееся по ул. Пушкинская, дом № 30. С разрешения Рыбинского отдела народного образования в собрание музея поступили некоторые предметы из естественно-исторического кабинета расформированного Коммерческого училища.

Таким образом, обобщая наш краткий обзор, мы можем констатировать, что музей Рыбинского филиала ЯЕИО с момента своего появления занял очень видное место среди аналогичных учреждений в крае. Ученые, работавшие в нем, внесли неоценимый вклад в расширение знаний о природе края, в ее изучение, а коллекции музея стали важной частью культурного и природного наследия в губернии.

Примечания

1. Известия Рыбинского отделения Ярославского Естественно-исторического Общества. Ярославль, 1915. Вып. 1. С. 21.
2. Государственный архив Ярославской области. Ф. 1541. Оп. 1. Д. 72. Л. 64. (далее – ГАЯО).
3. Рыбинский филиал ГАЯО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 7. Л. 32. (далее – РФ ГАЯО).
4. РФ ГАЯО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

Спиридонова Е.В., канд. ист. наук
г. Ярославль

КЕРАМИЧЕСКИЕ ИГРУШКИ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА РЫБИНСКОГО МУЗЕЯ

Игрушка - одно из ярких проявлений массовой культуры, глубоко жизненное и народное. Уже в славянских курганных могильниках и, особенно, при раскопках древнерусских городов погремушки, свистульки и другие игрушки встречаются достаточно часто. Уже в X-XII веках существовало ремесленное производство игрушек в Киеве и Новгороде. Здесь при раскопках были обнаружены гончарные мастерские, в которых изготавливали глиняные игрушки. Археологические работы в Москве, Коломне и ряде других городов дали много нового для изучения глиняных игрушек XIV-XVIII веков.

Существует несколько классификаций игрушек. А.С. Хорошев делит игрушки на индивидуальные и коллективные. Индивидуальные автор в свою очередь разделяет на имитации (копии оружия, повозок), изобразительные (антропо- и зооморфные) и игрушки-забавы (погремушки, свистульки, трещотки)¹. А.М. Колызин предлагал разделить найденные при раскопках в Москве игрушки на 4 типа: зооморфные, антропоморфные, погремушки и прочие виды². В.А.Ткаченко и Л.И.Фёдорова делят игрушки на звуковые (свистящие и шумящие) и беззвучные³. Последняя классификация на наш взгляд не всегда удобна: при обнаружении, например, головы от птички или коника, невозможно сказать была данная игрушка свистулькой или нет.

Всего в археологическом фонде Рыбинского музея хранится 18 игрушек: 4 коника, 5 птички, 5 погремушек (из них 4 яйца-писанки), 3 игральных шарика и миниатюрный сосудик⁴. Воспользовавшись классификацией А.М. Колызина, описание начнем с зооморфных игрушек.

Коники представляют собой игрушки, как правило, небольшого размера (6-9 см), хотя встречаются и достаточно большие игрушки 12-15 см длиной. При изготовлении подобных игрушек делалась основа цилиндрической формы, затем путём налепов на цилиндр пластов глины мастер придавал изогнутость спине лошади, расширял круп. Голову, шею и ноги лепили отдельно, приделывая их затем к готовому туловищу. Швы заглаживались мокрой тряпкой, чтобы получилось впечатление, что конь вылеплен из одного куска глины. Благодаря подобному изготовлению очень частой находкой являются отколотые ножки и головы животных. Три рыбинских коника были найдены на территории города, все они красноглиняные, со сплошным туловом, на одном заметны следы зеленой поливы. У игрушек отсутствуют головы и ноги. Наиболее целым выглядит коник из шурфа 2 1996 года (рис. 1, 1), его длина 8,5 см. Датировать игрушки можно XVII – началом XVIII вв. Отдельно стоит сказать несколько слов о находке 1991 года с памятника Усть-Шексна. Это красноглиняная голова коника, покрытая желто-зеленой поливой с глубоко прочерченными удилами и гривой, и прилепленными глазами с четко прорисованными зрачками (рис.1, 2). Найдена она была на глубине 90 см и может быть датирована XVII-XVIII веками в соответствии с большим количеством поздней керамики в этом слое.

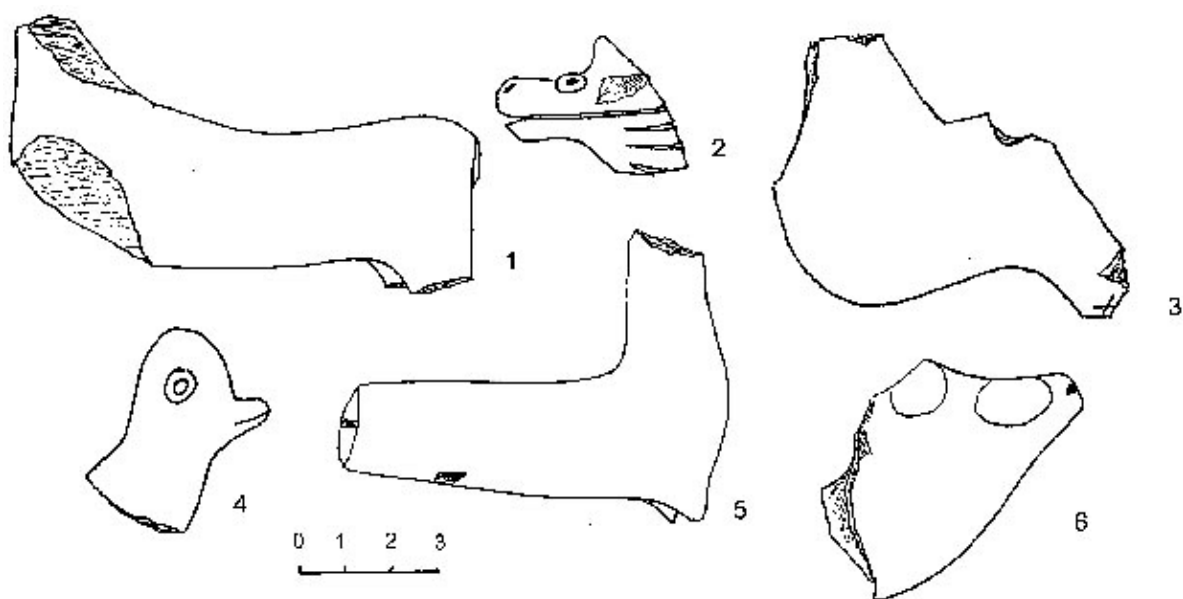

Рис. 1.

В Рыбинске были найдены три фрагмента красноглиняных птички. От одной игрушки до нас дошла только голова с глазами и ярко выраженным клювом (рис. 1, 4), соответственно, мы не можем с уверенностью отнести ее к свистулькам или погремушкам. Другая птичка – несомненно, свистулька – вытянутой формы, длиной 7 см, без головы, с двумя лапами, расположенными в передней части изделия (рис. 1, 5). На ней видны незначительные следы белого ангоба. Игрушка была найдена в 1994 г. в шурфе на ул. Урицкого. Вместе с ней найдена керамика XVII-XVIII веков. Вероятно, её можно датировать этими веками. Третья полая птичка-свистулька также дошла до нас во фрагментарном состоянии. Она красноглиняная с округлыми пятнами белого ангоба (рис. 1, 6). Примечательно, что подобный орнамент для ярославских, рыбинских и ростовских игрушек не характерен, в Москве такие изделия датируются XV-XVI веками⁵.

Условно к птичкам можно отнести полую белоглиняную игрушку, найденную в 2005 году. Она округлой формы, длиной 5,5 см, граненый «хвостик» опущен вниз. В верхней части тулова округлое отверстие (рис. 3). К сожалению, игрушка происходит из подъемного материала, что затрудняет датировку.

Следующая группа игрушек найдена на Усть-Шексне и происходит из слоев XII-XIV вв. Это погремушки, игральные шарики и миниатюрный сосуд.

В первую очередь следует сказать о так называемых писанках – игрушках яйцевидной формы. Подобные изделия встречались при раскопках Киева и Новгорода, нередко они украшались орнаментальной росписью. В Новгороде они датируются X-XII веками. Рыбинские писанки-погремушки красноглиняные, полые, покрыты желтой поливой без росписи. Их диаметр от 2,7 до 3,5 см, а высота 3,8 - 4,5 см. Сбоку имеется небольшое округлое отверстие (рис.2, 1). Все они найдены в 1998 году. В.А.Ткаченко и Л.И.Фёдорова называют такие игрушки яйца-гематушки.

Еще одна погремушка представляет собой круглый красно-глиняный шар с диаметром 4,5 см. Следы поливы или ангоба отсутствуют (рис.2, 2). Корпус подобных игрушек, как правило, выдавливался в форме сначала в виде двух полушарий, которые затем скреплялись. Примечательно, что у погремушки отсутствует отверстие, которое делалось для того, чтобы во время обжига игрушка не раскололась. Р.Л. Розенфельдт датировал такие игрушки XIV-XV веками⁶.

На Усть-Шексне были найдены также три игрушки, которые можно отнести к игральным шарикам. Они красноглиняные, один покрыт сильно пережженной зеленой поливой. Диаметр шариков 2-2,5 см. Два круглых, один чуть приплюснут по бокам (рис.2, 3). В.В. Федоров, описывая подобные, правда более поздние, изделия из Калуги, называет их «камешками» или «зернью». Опираясь на этнографические данные, он писал, что по преимуществу это была игра девочек: шарики подбрасывали вверх, а затем ловили в горсть⁷.

Последняя из игрушек представляет собой миниатюрный красно-глиняный лепной сосудик с округлым дном. Его диаметр 3 см, а высота – 2,5 см (рис. 10). Подобные изделия вряд ли изготавливались на продажу. Т.Г. Богомазова, например, предположила, что их могли делать даже не сами гончары, а их жены и дети⁸.

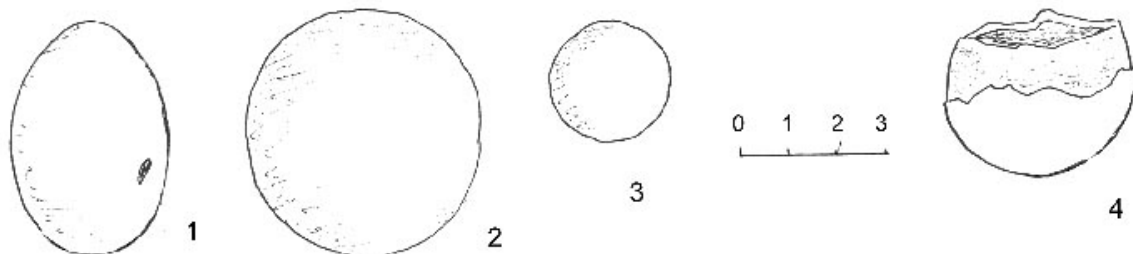

Рис. 2

Подводя итоги, следует отметить, что коллекция игрушек Рыбинского музея, хоть и не слишком многочисленна, но разнообразна, как по типам представленных изделий, так и по их датировке. К сожалению, мы не можем уверенно говорить о наличии здесь собственного производства, хотя и отрицать это тоже не следует. В частности, игральные шарики, например, слишком просты в изготовлении, чтобы возникла необходимость привозить их издалека. Возможно, привозной характер имели писанки. Поздние коники и птички представлены фрагментарно, и выявить на основании имеющихся экземпляров типичную лишь для Рыбинска специфику изделий не представляется возможным.

Примечания

1. Хорошев А.С. Хорошев А.С. Детские игрушки из Новгорода // Новгород и сопредельные территории. Новгород, 1998. Вып. 12. С. 83.
2. Колызин А.М. Колызин А.М. Керамические игрушки XII-XVII вв. из раскопок в Московском Кремле // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. 2002. С. 178.
3. Ткаченко В.А., Фёдорова Л.И. Звуковые и беззвучные игрушки города Калуги // Родная старина. Калуга, 1995. С. 19-24.
4. Автор благодарит А.Н. и И.И. Рыкуновых за возможность работы с коллекциями из раскопок Рыбинска и Усть-Шексны.
5. Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII-XVIII вв. /САИ. Е1-39. М., 1968. С. 21
6. Там же. С. 17.
7. Фёдоров В.В. Глиняные шары XVII-XX вв. из Калуги // Родная старина. Калуга, 1995. С. 25.
8. Богомазова Т.Г. О роли игрушки в передаче традиции: украинская народная игрушка // Народные игры и игрушки. РАН. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. СПб, 2000. С. 163.

Кисина Ж.В.
г. Рыбинск

ВИЗИТНЫЕ И РЕКЛАМНЫЕ КАРТОЧКИ В КОЛЛЕКЦИИ РЫБИНСКОГО МУЗЕЯ

В коллекции Рыбинского музея-заповедника представлены самые разные предметы. Среди них есть небольшая коллекция, которая сразу не бросается в глаза, но позволяет достаточно много рассказать не только о людях, некогда проживавших в Рыбинске, но и о том времени, в котором они жили. Это – визитные и рекламные карточки. Всего таких карточек в фондах насчитывается около 70 штук. Датируются они по времени концом XIX-XX вв.

Впервые визитные карточки появились в Китае примерно в III веке. Китайским чиновникам специальным указом вменялось в обязанность иметь карточки на красной официальной бумаге, где не было ничего лишнего, лишь имя, фамилия и должность.

Первые визитные карточки в Европе появились во Франции во времена Людовика XIV. Они представляли собой игральную карту с информацией о посетителе. Позже «визитные билеты» стали напоминать витиевато изукрашенную открытку.

В России визитные карточки появились при Елизавете, а в моду вошли во времена царствования Екатерины II. Как заимствование французского придворного этикета, они отличались от последователей гравированной орнаментикой и причудливыми гербами владельцев.

Визитные карточки в нашей коллекции делятся на:

1. Личные (имя, фамилия, иногда телефон)

2. Презентативные (инициалы, логотип, род занятий, контактные координаты)
3. Деловые (современные: подробная информация о представителе компании, в том числе телефоны, факсы, сайты и т.д.)
4. Рекламные (информация о магазине, лавке, фирме, компании)

Период, к которому относятся самые ранние наши визитные карточки, выделяется тем, что на рубеже XIX – XX вв. дизайн визитки усложняется: используются шрифты ручной работы, орнаменты, гравюры с эмблемами и т.д. Среди визиток Рыбинского музея можно выделить визитки Анны Дмитриевны Преображенской (РБМ 22461) и Надежды Афанасьевны Волковой (РБМ 13311/396), которые как нельзя лучше отражают описанный дизайн.

По форме визитные билеты также были весьма разнообразны. Дамские карточки выглядели изящнее и миниатюрнее, как, например, визитная карточка Марии Сергеевны Вольской (РБМ 13311/60). Мужские – наоборот, часто имели большие размеры, как, к примеру, визитка начальника станции Рыбинск Ивана Васильевича Босторина (РБМ 17832) или князя Алексея Алексеевича Ухтомского (РБМ 15733/13). Иногда мужские визитки достигали формата стандартного почтового конверта, как визитка Владимира Алексеевича Неопиханова-Кондратьева (РБМ 12428/5).

Уже в конце XIX века на визитках появляются рекламные тексты. Рекламные карточки, в отличие от визиток, имели гораздо большее разнообразие в художественном оформлении. В Рыбинском музее есть несколько подобных карточек. Например, карточка рыбинской купчихи Александры Лукиничны Беловой (РБМ 13311/385), которая вела торговлю скобяными, медными, железными и оружейными английскими товарами, или карточка Василия Федоровича Гончаренко (РБМ 12428/6), который содержал магазин золотых, серебряных и бриллиантовых вещей, карманных и стенных часов. Прежде всего, такая карточка несла в себе больше информации, чем визитка и выполняла сразу несколько функций: рекламного объявления фирмы и бухгалтерского документа – счета. По таким карточкам достаточно подробно можно проследить не только торговую жизнь Рыбинска, но и выявить рыбинских предпринимателей XIX века. До конца XIX в. в оформлении рекламных карточек преобладал тот же прием подачи информации, что и на вывесках лавок и магазинов.

В начале 1900-х гг. оформление рекламных карточек кардинально меняется. В оформлении начали применять цвет, а неотъемлемым атрибутом карточки становится изображение гербов, наград, а также товарных знаков предприятия. Как, например карточки магазина Е.Е. Эльтековой (РБМ 12388/2) и магазина В.А. Аксенова (РБМ 13311/392). Эти элементы композиции должны были способствовать созданию благоприятного впечатления о фирме и ее владельце, а также давать первичную рекламную информацию о товарах и услугах.

После 1917 года развитие художественного оформления визитных и рекламных карточек приостановилось. В советский период визитными карточками, в основном, пользовались деятели культуры и искусства, военные руководители, деятели науки. Эти визитки отличались своей лаконичностью и простотой исполнения, как и визитки последней четверти XIX века.

Среди визиток этого периода в Рыбинском музее в основном представлены визитки наших земляков. Это такие выдающиеся личности, как дважды Герой Советского Союза Павел Иванович Батов (НВФ 2453/1), лауреат Государственной премии СССР и Член Правления Союза Писателей СССР и РСФСР Лев Иванович Ошанин (РБМ 26462), народный артист СССР Владислав Геннадьевич Соколов (РБМ 22248), народные художники СССР Кукрыниксы (РБМ 14589/24), академик, основоположник химической физики Виктор Николаевич Кондратьев (РБМ 16806/1), магистрант Петроградского Университета, профессор института антропологии Давид Алексеевич Золотарев (РБМ 20262) и многие другие. Про каждого из этих людей можно рассказать много интересного, достаточно лишь взглянуть на надписи на визитных карточках.

Новый виток времени в распространении и развитии визитных карточек наступил с 1990-х гг., когда визитка стала обязательным атрибутом сотрудников фирмы, работающей с клиентами. В основном сейчас распространены деловые визитки, которые имеют вид черной печати на белом или сером фоне, что оставляет впечатление солидной фирмы с многолетним опытом. Визитки, которые еще называют «признаком солидности» – золото на черном, красном и др. позвоительно использовать лишь рекламным агентам, художникам, музыкантам, артистам. В фондах музея хранится подобная визитка Заслуженного артиста России, директора Рыбинского театра драмы Георгия Якубовича Эльнатанова (НВФ 5694).

Таким образом, визитная карточка представляет собой целую область полиграфического искусства, со своими шедеврами, канонами и табу. Но, каждая визитная карточка должна, в первую очередь информировать получателя, подносить информацию так, чтобы возникло желание ей воспользоваться. Исследователям визитная карточка дает возможность продолжить ее изучение не только с художественной, но и с исторической точки зрения.

Мызникова М.Д.
г. Рыбинск

ВИДЫ МОНАСТЫРЕЙ В КОЛЛЕКЦИИ РЫБИНСКОГО МУЗЕЯ

В собрании Рыбинского музея среди прочих гравюр имеется подборка видов русских монастырей. Монастырские виды – это, прежде всего, паломнические реликвии, в этом их прикладное значение. Однако большинство листов являются, кроме того, высокохудожественными произведениями русской печатной графики, т.е. имеют самостоятельное художественное значение.

Причины, породившие массовое увлечение видовой графикой общеизвестны: это, прежде всего, сентиментально-романтический культ природы и существовавшие одновременно идеалы классицизма с их гражданственно-патриотической нотой. Существенным фактором широкого распространения видовой графики является также появление и быстрое развитие литографской техники в начале XIX в.

Коллекция "Монастырских видов" насчитывает 41 произведение печатной графики (вместе с дублями). Все листы поступили из Югского монастыря, что позволяет сделать некоторые предположения, а именно: стихийно ли, целенаправленно ли, но в монастыре занимались собирательской деятельностью. А если учесть, что из Югской пустыни поступил также литографский камень, в частности, РБМ 3967 с изображением Адриановой Пошехонской пустыни, то можно предположить, что в монастыре существовала литографская мастерская, что для огромного первоклассного монастыря, каким была Югская пустынь, было естественно. В подтверждение вышесказанного можно привести еще факт наличия в рассматриваемой коллекции цензорского экземпляра (Кат. № 27, НВ 4621). С другой стороны известно, что храм Молченской иконы Божией Матери служил при советской власти хранилищем изъятых церковных ценностей. В целом, же вопрос об издательской деятельности монастыря требует дополнительных архивных изысканий.

Целью данного обзора является классификация коллекции по типологически-стилистическим признакам. Строится каталог по хронологическому принципу, структура разделов в соответствии с типом пространственного построения выглядит следующим образом: классическая резцовая гравюра: кат. №№ 2, 3, 4, 9; виды-топографические планы: кат. №№ 5, 6, 7, 12, 16, 18, 31; перспективные виды-панорамы: кат. №№ 8, 10, 11, 13, 15, 17, 23, 24, 32, 33; реалистическая литография: кат. №№ 22, 20, 21, 26, 29, 19, 30, 25, 34.

Объектом стоит первая группа листов, представляющая русскую классическую гравюру первой половины XIX в. Авторы этих листов И.В.Ческий (кат. № 2) и А.Г.Ухтомский (кат. №№ 3, 4, 9) – выученики гравировально-ландшафтного класса Академии художеств. Эти гравюры объединяет высокое техническое мастерство и соблюдение классицистической схемы построения пространства в прямой перспективе: затененный передний план с кулисами и трехслойное пространство с постепенным высветлением к линии горизонта. И даже среди этих вполне академических листов с условно-реалистической трактовкой пространства появляется так, называемая композиция «на облаках» с ангелами и святыми (кат.№ 9), что свидетельствует о влиянии средневекового иконописного типа пространственного мышления даже на художников с классическим образованием. Об этом же косвенно говорит и количественное преобладание листов примитивно-лубочного направления в нашей коллекции. Сразу следует оговориться, что наша классификация в дальнейшем не затрагивает качественно-стилевых особенностей произведений, хотя связь между академической манерой и прямой перспективой, а также лубочно-примитивной манерой и условными типами пространственных решений очевидна.

Первая подгруппа второй группы – топографические планы¹ (по терминологии Б.В.Раушенбаха) представляет планы монастырей с «птичьего полета», точнее говоря это симбиоз вида сверху (т.е. плана) и перспективы с условной передачей растительности и прочего стаффажа. Это наиболее информативный и цельный способ изображения. Для подобного типа построений характерны повороты плоскостей изображения, т.е. соединение в одном изображении вида сверху и боковой проекции. Например, на гравюре с видом Брянской Белобережской пустыни (кат. № 7) пруд и река показаны сверху, в то время как архитектура и деревья – сбоку. Кроме того, для листов этого типа весьма характерна разномасштабность. Особенно это касается «Виды Брянского Новопечерского Успенского Свенского монастыря» (кат. № 6), созданного художником совершенно свободным в своей наивности.

Вторая подгруппа представляет виды-панорамы с более низкой точки зрения, с преобладанием прямой перспективы, с разным соотношением рисуночных и чертежных методов, с разной степенью условности. В качестве примера можно привести гравюру с видом Пустынно-Рыхловского монастыря, представляющего фронтальную, совершенно плоскостную панораму с полным пренебрежением масштабности. Ближний же план этого листа с топографическими деревцами решен как вид сверху, точнее, в аксонометрии.

Весьма характерной особенностью почти всех листов (за редким исключением) является применение авторами такого иконописного приема построения пространства, как сечение или разрез. Имеется в виду уже упоминавшаяся композиция «на облаках», представляющая собой по сути условное (хотя и в формах вполне реалистических) обозначение мира невидимого, где облака являются границей.

Последняя группа листов – это вполне реалистическая литография середины и второй половины XIX века. Пространство строится исключительно в прямой перспективе, и достаточно скромная композиция «на облаках» имеет место только на одном листе с видом Оптиной пустыни 1850 г. (кат. № 25).

Таким образом, можно сделать предварительный вывод о постепенной эволюции (или инволюции) этого вида графики (как, впрочем, и иконописи) от знакового характера иконописного образа – к академическому пейзажу конца XIX века.

Примечания

1. Раушенбах Б.В. Пространственные построения в живописи. Очерк основных методов. М.: «Наука», 1980.

Тишинова О.Ю.
г. Рыбинск

К ИСТОРИИ СЕМЬИ БУХАРКИНЫХ

В 1998 году в Рыбинский музей поступили фотографии и документы из семьи Бухаркиных. Семья Бухаркиных – семья рыбинских мещан. Иван Федорович Бухаркин был мещанским старостой г.Рыбинска в середине XIX века¹. Бухаркины связаны со многими старинными ярославскими фамилиями: Серовых, Шихановых, Троицких, Розовых, Золотаревых². Эти материалы послужили основой создания фонда Бухаркиных. В 2004 году он пополнился альбомами семейных фотографий. Необходимость атрибуции снимков заставила нас провести исследовательскую работу, сделать сравнительный анализ уже имеющихся фотоматериалов и объединить все данные, связанные с историей этой семьи.

Чудом уцелел дом Бухаркиных – самый старый деревянный дом Рыбинска. Он был построен в 1811 г. по типовому проекту “Альбома фасадов 1809 г.”³. Находится он в Вознесенском переулке (№ 10). Более того – это усадьба, существовавшая со времен Рыбной слободы и дорегулярной застройки. Удивительно, что в центре Рыбинска до сих пор сохранился сад и огород, хозяйственные усадебные постройки⁴.

На протяжении 200 лет хозяевами дома являлись представители рода Бухаркиных и Шихановых. Ценность дома заключается также в том, что здесь находил приют в период гонений краевед и писатель Алексей Алексеевич Золотарев. Здесь хранилась часть его огромного архива, посвященного истории Рыбинска.

Алексей Алексеевич Золотарев приходился двоюродным дядей жене Павла Ивановича Бухаркина Александре Сергеевне Бухаркиной (урожденной Розовой). К тому же она была его крестницей⁵. Розовы, так же, как и Золотаревы, относились к духовному сословию. У Александры Сергеевны и Павла Ивановича было двое детей: Николай и Екатерина. Жена Николая Павловича Бухаркина Надежда Евгеньевна Бухаркина была последней представительницей семьи Бухаркиных - владельцев дома.

У Павла Ивановича Бухаркина была сестра Зоя и брат Федор, а также брат Михаил, умерший малолетним. Зоя Ивановна Бухаркина дружила с братьями Золотаревыми: Николаем, Алексеем и Давидом. Именно Зое Ивановне и оставил на хранение свой архив Алексей Алексеевич Золотарев⁶. Потом он по наследству хранился ее братом Павлом Ивановичем, а затем его родственниками. Впоследствии он был передан в Рыбинский музей.

Павел Иванович Бухаркин был младше Зои. Но он также подружился с А.А.Золотаревым. Их связывала краеведческая деятельность. Павел Иванович стоял у истоков создания Рыбинского музея. Он был членом Комитета музея, первым штатным сотрудником музея и библиотекарем по совместительству. Сохранились его воспоминания о том, как создавался музей, как формировалась его коллекция. Например, о поездке в Петроград, в Петроградские фонды за картинами. Очень интересно рассказывается о плавании в Иловну - усадьбу Мусиных-Пушкиных, за экспонатами⁷. Павел Иванович прожил долгую интересную жизнь. На пенсии он ухаживал за садом, выращивал клубнику и цветы. Умер он в 1974 г.

Более трагичной была судьба его брата Федора. Федор Иванович Бухаркин был одаренным человеком. Он был прекрасный охотник. Сам изготавливал чучела животных и птиц. Был фотографом и радиолюбителем. Увлечение радио его и подвело. В 1937 г. он был арестован за “шпионаж”. Якобы он прослушивал вражеские радиостанции и передавал секретные сведения. Безусловно, обвинение было надуманным. Но Федор попал под политическую 58 статью и был расстрелян⁸.

Зоя Ивановна замужем не была, жила до самой смерти в этом доме. Вероятно, у нее были какие-то личные взаимоотношения с А.А.Золотаревым, которые закончились конфликтом. Она написала ему письмо, что весь архив она сожгла. И бедный Алексей Алексеевич так и считал архив погибшим.

Рядом с домом Бухаркиных стоял деревянный одноэтажный дом, принадлежавший сестре их матери Елене Павловне Шихановой. Это был дом № 8. Он был утрачен не так давно, в 90-е годы. Елена Павловна Шиханова была очень интересным человеком. Она окончила Сорбонну – знаменитый университет в Париже. По тем временам это была большая редкость. Она получила образование на естественном факультете. В молодые годы ею был увлечен Алексей Алексеевич Золотарев. Несмотря на то, что Елена Павловна была его старшей. Ей он подарил фотографию с романтическим письмом и стихами. На фотографии он изображен в студенческой куртке. Фото 1901 года, когда он был студентом Петербургского университета. Но Елена Павловна отдала свое сердце брату Алексея – Николаю Золотареву. Именно за ним она последовала в Париж, куда тот вынужден был эмигрировать по политическим причинам. Она была его ангелом-хранителем и утешителем, помощницей. Однако Николай ее не любил, а считал просто добрым другом. В 1915 г. во время Первой мировой войны Николай Золотарев погиб, добровольцем сражаясь за Францию. Он был похоронен под Парижем на военном кладбище. Елена Павловна вернулась на родину в Рыбинск, привезя родственникам Николаю Алексеевичу сундучок с его личными вещами, в том числе офицерский мундир с Орденом Почетного Легиона – высшей наградой Франции⁹. Замуж она так и не вышла. По воспоминаниям Надежды Евгеньевны Бухаркиной, в старости она часто ходила в церковь, молилась за своего погибшего жениха. В советское время Е.П.Шиханова работала заведующей лабораторией при больнице им. Семашко.

Мать Елены Павловны Шихановой – урожденная Серова. Из рода Серовых происходит Елизавета Ефремовна Ливанова – последний оставшийся в живых член Рыбинского научного общества, ей уже 102 года. Судя по фотографиям семейного альбома Бухаркиных, дядя Елены Павловны (брат ее матери) был монахом Югского монастыря.

Вот те основные сведения, которые нам удалось собрать о семье Бухаркиных, их родственниках и окружении. История семьи Бухаркиных – это фрагмент истории нашего города и его культуры – частица истории России.

1. Золотарев А.А. Campo santo моей памяти. Зоя Ивановна Бухаркина. РГАЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Т. 15. № 311.
2. Троицкие, Розовы, Золотаревы – семьи духовного сословия, служившего в Ярославской епархии.
3. План дома Бухаркина. Личный архив Л.М.Марасиновой.
4. К сожалению, дом Бухаркиных был недавно продан частной фирме. Прежние хозяева выехали. Внутри дома проведен евроремонт, нарушена историческая среда старинного дома. На наш взгляд, дом должен быть поставлен на учет как исторический памятник. Он достоин внимания туристов и заслуживает сохранения и мемориальной доски.
5. Золотарев А.А. Письмо Шуре Бухаркиной (Розовой). Рыбинский музей-заповедник.
6. Золотарев А.А. Campo santo моей памяти. Зоя Ивановна Бухаркина. РГАЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Т. 15. № 311.
7. Бухаркин П.И. Воспоминания. Рукопись. Рыбинский музей-заповедник.
8. Золотарев А.А. Campo santo моей памяти. Федор Иванович Бухаркин. РГАЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Т. 6. № 167.
9. Письма Шихановой Е.П. Юлии Евлампиевне Золотаревой. Рукопись. Рыбинский музей-заповедник.

Смирнова Т.А.
г. Ярославль

МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ А.А. УХТОМСКОГО (ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ)

На протяжении ряда лет мы занимаемся изучением научного и творческого наследия нашего земляка А.А. Ухтомского (1875-1942). Ученый с мировым именем, выдающийся естествоиспытатель, открывший принципы доминанты и закон заслуженного собеседника, он оставил большое наследие в области социальных и этических проблем. Дань памяти ученому запечатлена в названиях улиц и экспозициях музеев. В г. Рыбинске открыт мемориальный дом-музей академика А.А. Ухтомского, ему посвящен раздел экспозиции музея Санкт-Петербургского университета. Работая в доме-музее А.А. Ухтомского в Рыбинске и размышляя о возможных путях и перспективах его развития, нас заинтересовала история возникновения мемориальных музеев, посвященных выдающимся деятелям России. Эта история оказалась достаточно интересна сама по себе, но не менее интересно рассмотреть ее через призму взглядов А.А. Ухтомского на проблемы нравственного и духовного развития общества.

Людям свойственно хранить в памяти героические события прошлого, чтить деятельность выдающихся представителей нации, поэтому наряду с историческими, художественными музеями возникали музеи, задача которых заключалась в увековечивании на памятном месте знаменательных исторических событий, а так же имен выдающихся государственных, политических деятелей, деятелей науки, техники и культуры.

Мемориальные музеи – это музеи особого рода. Они отражают исторический период, связанный с жизнью личности, которой они посвящены.

В каталоге на сайте www.museum.ru. в настоящее время представлен 491 мемориальный музей. Все они разнообразными средствами пытаются привлечь наше внимание к человеческой судьбе, показывая, как необыкновенные выдающиеся черты личности, так и обыкновенные их рядовые качества. Посещая такие музеи, мы часто наталкиваемся на мысль, что стало главной причиной активной творческой и интеллектуальной деятельности человека, как можно добиться таких высот. В отличие от всех остальных музеев мемориальный музей, как никакой другой, создан для общения. Общение по А.А. Ухтомскому отражает уровень нравственного сознания личности. Он выделяет два типа общения¹:

- Писательство, при утрате надежды на реального собеседника, т.е. общение через художественную литературу, живопись, музыку.
- Непосредственное общение.

На наш взгляд оба типа общения возможны в мемориальном музее: непосредственное общение с помощью реальных предметов, окружавших выдающуюся личность в его исторической эпохе (но здесь возникает трудность в умении чувствовать и погружаться в эпоху); и писательство через письма, творческие работы.

Идея создания мемориального дома-музея А.А. Ухтомского родилась еще в 50-е годы XX века, т.е. почти сразу после его смерти. Ученики и люди, близко знавшие академика, помогли в формировании фонда А.А. Ухтомского в Рыбинском историко-художественном музее заповеднике.

Большое значение ученый придавал воспитанию чувств человека, как основе его духовной культуры. Смысл жизни он видел в нравственном прогрессе человечества, который идет через неустанный процесс совершенствования каждой отдельной личности. А.А. Ухтомский писал: “Я думаю, что настоящее счастье человечества ... будет возможно в самом деле только после того, как будущий человек сможет воспитывать в себе эту способность понимания ближайшего встречного человека как конкретного, ничем не заменимого в природе, самобытного существа, одним словом, когда воспитывается в каждом из нас доминанта на лицо другого”².

Закон Заслуженного Собеседника, открытый А.А. Ухтомским – положительная доминанта, позволяющая человеку стать собеседником для окружающих людей и в них же обрести заслуженных собеседников. Закон Заслуженного Собеседника, по убеждению А.А. Ухтомского, дает человеку стимул к обогащению себя разнообразными сторонами внутренней жизни окружающих людей. При этом личность получает от дружественного общения новый импульс для собственного роста. П.В. Симонов, излагая взгляды ученого, говорит: “собеседник ценен для формирования личности минимум по трем причинам. Во-первых, он служит источником нового знания о людях. Обнаруживая в других то, что не присуще мне самому, я всматриваюсь в себя и задумываюсь над тем, как обрести, развить, усилить черты, привлекающие меня в облике другого. Во-вторых,

только другой Собеседник, а не другой Двойник создает возможность критического анализа своих мыслей, побуждений, поступков. Наконец, в-третьих, только уважение к Собеседнику, признание его права быть отличным от меня формирует терпимость и тем самым способствует объединению людей”³.

20 сентября 1990 года в г. Рыбинске был открыт Мемориальный дом-музей академика А.А. Ухтомского, первый филиал Рыбинского историко-архитектурного музея-заповедника.

За годы, прошедшие после открытия музея, он стал научно-методическим центром по освоению наследия академика А.А. Ухтомского в Ярославском крае. Работа на базе музея творческих групп по освоению наследия, консультации по написанию рефератов, курсовых и дипломных работ учащимися и студентами ярославских вузов, проведение научных конференций памяти академика А.А. Ухтомского, семинары, круглые столы – вот не полный список организуемых и проводимых музеем мероприятий.

На момент создания музея А.А. Ухтомского перед авторами стояла непростая задача – совместить историко-биографическую экспозицию с мемориально-бытовым интерьером. Отказ от обилия стендов, замена традиционных авторских текстов на цитаты из наследия А.А. Ухтомского, в которых он сам рассказывает о себе, своей жизни, любимых занятиях и пути в науку. Такой прием дает возможность одиночному посетителю стать собеседником ученого, понять смысл сложных философских тем, открытых А.А. Ухтомским (Закон Заслуженного Собеседника, Закон Двойника). Мемориально-бытовой интерьер гостиной подчеркивает, что в ней всегда собирались друзья, велись беседы. Следовательно, посетитель вновь становится Собеседником. Прошедшие годы показывают правильность выбранных средств. На базе музея работают творческие группы студентов и учащихся. В городе ежегодно проходит конференция памяти академика А.А. Ухтомского, в которой активное участие принимают работники музея, что также способствует воспитанию доминанты на лицо другого.

Если подробнее обратиться к истории создания и деятельности других мемориальных музеев, то в большинстве из них делается ставка на проникновение радостями и печалью, надеждами и мечтами, мыслями других людей. Основные принципы деятельности мемориальных музеев и учение А.А. Ухтомского о психической доминанте гармонично дополняют друг друга. Грамотно организованный мемориальный музей поможет обрести истинного Заслуженного собеседника, что позволит выстроить в душевном восприятии достаточный фундамент, который бы включал в себя не только узенькое самодостаточное “Я”, но и подразумевал “Мы”, чтобы человек ориентировался на окружающий мир, на то, чтобы стать полезным обществу и жить для людей.

А.А. Ухтомский – оригинальный мыслитель, у него талант быть Заслуженным собеседником. Рыбинск – небольшой город, туристов и посетителей в мемориальном доме-музее не очень много. Возможно увеличить количество желающих прикоснуться к духовному наследию великого ученого посредством виртуального музея, который хорошо бы так и назвать – “Заслуженный собеседник”. Писательское наследие Алексея Алексеевича, дошедшее до нас – это в большинстве письма, заметки на полях книг, небольшие записки. Они уже сами по себе как бы представляют обрывки диалога о жизни, о нравственности, о религии, об искусстве, о науке. Подобные темы волновали и будут волновать людей разного возраста, пола, национальности. Виртуальный музей “Заслуженный собеседник” поможет кому-то открыть для себя новое имя, а кому-то по-новому взглянуть на известные истины, а может быть ощутить высшую духовную радость, которая, по мнению А.А. Ухтомского, состоит в духовном единении каждого с каждым и всех со всем миром.

Поиск “заслуженного собеседника”, и ближнего и дальнего, и того Единого, внимающего всем и каждому, - вот что в итоге движет людьми, когда они безотчетно берутся за перо в подсознательной надежде получить отклик на свои мысли, мольбы, молитвы. Нравственный потенциал пишущего – будь то частное лицо, ученый профессор или автор художественных сочинений – определяет эффект столь доверительного неслышного разговора. Неисчерпаемый нравственный потенциал Алексея Алексеевича средствами новых информационных технологий возможно сделать объемнее и доступнее.

Примечания

1. Столбун Ю.В. Психическая доминанта академика А.А. Ухтомского. Тверь-Ярославль, 2002. С. 289.
2. Там же. С. 356.
3. Симонов П.В. Ухтомский и природа человеческого “я” // Журнал высшей нервной деятельности. Т. 41. Вып. 1. 1991. С. 3.

Барышникова Ю.Е.
г. Ярославль

ЭКСЛИБРИСЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ, СВЯЗАННЫЕ С ИСТОРИЕЙ ЯРОСЛАВЛЯ И ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ

В 2000-м году Музей истории г. Ярославля приобрел коллекцию экслибрисов в количестве восьми тысяч единиц. Она была собрана известным ярославским коллекционером Сергеем Александровичем Смирновым. Этот энтузиаст книжного знака являлся членом московского клуба экслибрисистов, топографом и художником-любителем. Он комплектовал свою коллекцию больше двадцати лет, начиная с 1960-х годов. Книжные знаки сгруппированы по хронологическому принципу, воспроизведены с оригинальных досок или являются авторскими оттисками. Они были подарены собирателю авторами, переданы в обмен коллекционерами в клубах экслибрисистов.

Коллекция в основном состоит из экслибрисов отечественных графиков конца XIX – середины XX века, встречаются и не столь многочисленные знаки авторов из Западной Европы. Особенно интересен с краеведческой точки зрения раздел из сорока книжных знаков, связанных с историей Ярославля и ярославской губернии второй половины XIX - начала XX века. Это гербовые, вензелевые экслибрисы, шрифтовые ярлыки и штемпели. Среди них встречаются и сюжетно-тематические миниатюры, выполненные в технике силюграфии, цинкографии, конгревного тиснения и типографской печати. Большинство знаков исполнено неизвестными авторами. Среди книжных знаков есть как владельческие знаки личных библиотек, так и корпоративные экслибрисы общественных библиотек, различных гражданских и военных учреждений, обществ, музеев, учебных заведений, издательств, магазинов. В сюжетных знаках варьируются элементы герба или вензеля в декоративных рисунках, но большинство из них приближается по внешнему виду к иллюстрациям с изображением внутреннего вида библиотек, книг и человека. Сюжетно-тематические экслибрисы данного раздела по жанрам можно разделить на портретные, общественно-исторические, архитектурные, пейзажные, мифологические, орнаментальные, символические. Все сюжетные знаки символизируют состав библиотек, отражают профессию и увлечения их владельцев.

Изучая книжные знаки можно узнать много интересного о жизни, интересах и содержании библиотек жителей Ярославля и ярославской губернии середины XIX – начала XX века. Анализ надписей, оставленных владельцами и коллекционерами на экслибрисах и паспарту, а также записи и исследования самого коллекционера С.А. Смирнова позволяют изучать или уточнять историю возникновения многих знаков. В своем докладе я остановлюсь на наиболее интересных или типичных экслибрисах представленного раздела коллекции.

Любопытен книжный знак 1903 года с сюжетом в орнаментальной рамке, исполненный неизвестным автором для жителя города Рыбинска, присяжного поверенного Григория Семеновича Константинова. Это изображение книг из домашней библиотеки Константинова, содержавшей более тысячи томов, главным образом юридического содержания. Часть библиотеки располагалась в Рыбинске, часть - в имении Шухлино Рыбинского уезда. Рисовал знак поморский художник, иконописец и иллюстратор рукописей Александр Васильевич Соловьев. Выразителен и другой, гербовый, экслибрис 1902 года «Из библиотеки Опочининых в селе Максимовском». Это художественный знак, представляющий сложную символическую и аллегорическую композицию. Одноцветный книжный знак геральдического типа исполнен на голубой или белой бумаге. В начале XX века Опочинины проживали в селе Максимовском Ярославской губернии. Все члены семьи Опочининых имели экслибрисы. Таков одноцветный, на серой бумаге книжный знак неизвестного автора с изображением герба Опочининых, лиры и двух пересекающихся пальмовых ветвей, изготовленный для Николая Степановича Опочинина. «Из книг Н.С. Опочинина». Экслибрис был выполнен в Москве в 1850 году. Интересным можно считать факт, что Николай Опочинин являлся инициатором издания Ярославского литературного сборника. Около двух тысяч экземпляров этого сборника хранилось в ярославской библиотеке Опочинина в 1842-1855 годах. Позже сборники были перевезены в библиотеку Опочининых в село Максимовское Рыбинского уезда.

Собрание книжных знаков также содержит шрифтовой книжный ярлык конца XIX века «Из книг Н.А. Некрасова» с указанием мест хранения книг (номера книги и полки, на которой она находилась). Ярлык был изготовлен в типографии Краевского для библиотеки Некрасова, содержавшей до пятнадцати тысяч томов разнообразного содержания. Подобные шрифтовые знаки называли ярлыками, потому что они содержат текст безо всяких украшений, иногда с указанием мест хранения книг: шкафа, полки. Такие ярлыки широко использовались в начале и редко использовались в середине и конце XIX века, на них указывалось лишь имя, отчество и фамилия владельца, нередко даже без упоминания «Из книг».

Сюжетные экслибрисы к началу XX века почти вытеснили гербовые и вензелевые. Любопытен одноцветный декоративный сюжетный книжный знак «Из библиотеки доктора В.Е. Строганова», исполненный в технике цинкографии. В типографии О.К. Фалька, в городе Рыбинске в 1903 году был изготовлен его литографский вариант. Строганов был доктором медицины, практикующим в Рыбинске врачом. Свообразен сюжет одноцветного декоративного экслибриса с изображением фигурной виньетки и четырех ангелов «Из библиотеки П.К. Эльтекова». Книжный знак выполнен автором в технике цинкографии. Известно, что заказчик знака, Кузьма Петрович Эльтеков в начале XX века жил в Рыбинске, а книжный знак изготовили в Москве в 1902 году по гравюру англичанина Филлипса 1748 года. К.П. Эльтекову принадлежало несколько экслибрисов, среди которых любопытным является сюжетный одноцветный знак «Из книг К.П. Эльтекова в Рыбинске» с изображением трех мужчин в старинной одежде на фоне усадьбы и сада.

Среди экслибрисов представленного раздела коллекции встречаются книжные знаки, созданные для библиофилов. Например, сюжетный знак 1907 года автора М. Панькова «Домашняя библиотека Г.В. Юдина» с композицией, включающей в себя изображение церкви, фасада дома, где проживал Юдин и его портрет. Геннадий Васильевич Юдин был известным в Ярославле библиофилом, действительным членом Ярославской Губернской Ученой Архивной комиссии в период с 27 сентября 1895 года по день своей смерти в июне 1912 года. Он имел обширную библиотеку, в которой весной 1897 года около двух месяцев работал В.И. Ленин, о чем свидетельствуют письма Ленину Марии Ильиничне Ульяновой из ссылки: «Вчера попал-таки в здешнюю знаменитую библиотеку Юдина, который радушно меня встретил и показывал свои книгохранилища. Он разрешил мне заниматься в ней... Ознакомился я с его библиотекой далеко не вполне, но это во всяком случае замечательное собрание книг».

Интересны книжные знаки начала XX века, принадлежавшие известным ярославцам, оставившим заметный след в культурной жизни города. Таковы экслибрисы, исполненные для ярославского головы, статского советника, краеведа и мецената Ивана Александровича Вахромеева. В Ярославле и губернии он владел многочисленными паровыми мукомольными мельницами, магазинами, лавками и складами. И.А. Вахромеев был

известным предпринимателем, миллионером, благодаря которому в Ярославле появились телефон, канализация и электрический трамвай. Для И.А. Вахромеева в конце XIX века было выполнено несколько экслибрисов, в основном, штемпелей. Среди этих книжных знаков встречается одноцветный знак на зеленой бумаге со штампованным по верхнему краю текстом: «Библиотека Ивана Александровича Вахромеева» и штемпели «Библиотека Ивана Александровича Вахромеева» с указанием места хранения книг (№ охран. каталогов, томов). Наличие разнообразных экслибрисов характеризует И.А. Вахромеева как всесторонне образованного человека.

Любопытен штемпель начала XX века, изготовленный для нотной библиотеки Анны Васильевны Саренко. Сестра блестящего губернского архитектора Григория Васильевича Саренко Анна Васильевна Саренко-Кучеренко была яркой личностью, закончила московскую консерваторию в классе у великого Рахманинова. Вместе с мужем Дмитрием Митрофановичем Кучеренко, который также был известным музыкантом, она основала в 1905 году в Ярославле первую музыкальную школу на Дворянской улице напротив Духовской церкви. В этой школе Анна Саренко-Кучеренко и Дмитрий Кучеренко преподавали, они внесли огромный вклад в развитие музыкальной культуры Ярославля.

В технике конгревного тиснения на плотной бумаге в начале XX века выполнен экслибрис для представителя известной ярославской купеческой династии К.Д. Голодухина, содержащий текст с его фамилией, именем и отчеством: «Константин Дмитриевич Голодухин». Купцы Голодухины имели за Романовской заставой дровяные склады, торговали москательным товаром и скобяными изделиями. Константин Голодухин и его родственники были известными в Ярославле меценатами и благотворителями: огромная сумма в пятьсот тысяч царских рублей была пожертвована на строительство городской больницы имени братьев Голодухиных (ныне бывшая больница «Автотранс» на проспекте Октября), жертвовались деньги на библиотеку ярославской ученой комиссии, которая имела отделение им. К.Д. Голодухина и на другие учреждения.

Среди экслибрисов, раскрывающих разные аспекты жизни Ярославской губернии второй половины XIX – начала XX века много корпоративных книжных знаков. Корпоративные экслибрисы изготавливались для редакций, библиотек, полков, музеев, магазинов. В данном разделе коллекции представлен лишь один сюжетно-тематический корпоративный книжный знак. Остальные подобного рода знаки – шрифтовые ярлыки с указанием места хранения книг или штемпели. Это знак 1902 года «Библиотека редакции «Вестника Рыбинской биржи», на котором кроме указания мест хранения книг содержится рисунок с изображением интерьера старинной типографии, наборщика и печатников. Знак исполнен типографией О.К. Фалька, основанной в Рыбинске в 1902 году, которая выпустила за время своего существования 356 томов словарей и справочников. Корпоративные книжные знаки чаще всего изготавливались для общественных библиотек. Среди корпоративных экслибрисов встречаются шрифтовые ярлыки с текстом без украшений, но с указанием места хранения книг. Таковы, к примеру, шрифтовые ярлыки начала XX века для ярославской библиотеки студентов медицинской академии,мышкинской земской публичной библиотеки, библиотеки 63-го пехотного Угличского полка. В ярлыках начала XX века для ярославской публичной библиотеки, фундаментальной библиотеки ярославской городской торговой школы, фундаментальной библиотеки ярославского естественноисторического общества (с обозначением номеров систематических и хронологических каталогов) типографский текст заключен в прямоугольную орнаментальную рамку. Подобные книжные знаки с текстом в орнаментальных рамках находятся на грани между сюжетно-тематическими и шрифтовыми.

Еще в конце XVIII века в России появились оттиснутые на книге экслибрисы. Сначала это были оттиски гербовых печатей, закопченных сажей, на титульных листах книг. С середины XIX века стали применять каучуковые штемпели, которые зачастую не украшали, а портили книги, так как ставились порой на тексте и иллюстрациях. На штемпелях встречаются тексты: «Библиотека такого-то», «Из книг такого-то». Они до сих пор ставятся на книгах в государственных и личных библиотеках. Интересен штемпель 1899 года «Библиотека имени П.И. Мизинова». Порфирий Иванович Мизинов - глубокий знаток истории и поэт, тридцать лет он собирал свою библиотеку. На книги тратил все деньги, которые экономил из скромного бюджета, выписывая книжные новости, скупал у букинистов старинные книжные издания и рукописи. П.И. Мизинов был владельцем одной из лучших библиотек Ярославля начала XX века. В его собрание входило до полутора тысяч томов русских и иностранных сочинений. В библиотеке был раздел, содержащий многочисленные номера еженедельника «Знания» конца XIX – начала XX века. После смерти Мизинова его библиотека была куплена владелицей табачной фабрики Е.Я. Дунаевой и передана Ярославской мужской гимназии. До сих пор во многих библиотеках Ярославля хранятся книги из его собрания, помеченные экслибрисом-штемпелем. П.И. Мизинов родился 9 сентября 1855 года в Ярославле. Учился в Ярославской гимназии, затем поступил на историко-филологический факультет Московского университета и окончил его в 1879 году. До 1887 года он преподавал историю в Иваново-Вознесенском реальном училище, гимназиях Брянска и Рыбинска. Затем более тридцати лет был преподавателем Ярославской мужской гимназии. Кроме мужской гимназии он преподавал в Мариинской и Екатерининской женской гимназиях, давал уроки в частной гимназии О.Н. Корсунской. В Ярославле П.И. Мизинов был известен не только как хороший педагог, но и как знаток местной старины, талантливый лектор. Его выступления опубликованы в сборнике «История и поэзия. Историко-литературные этюды», который был издан в 1900 году. Кроме выступлений, посвященных творчеству русских писателей и поэтов, в книгу вошли статьи исторического содержания. П.И. Мизинов известен также публикациями архивных документов, касающихся истории местного края. Сначала они печатались в «Ярославских губернских ведомостях», затем издавались отдельными сборниками. Так, в 1895 году была издана его книга «Мелочи ярославской истории XVIII и XIX веков». Публикация документов была основным, но не единственным направлением его краеведческих изысканий. Его статьи, заметки в газетах «Северный край», «Голос» касались различных сторон экономической, культурной жизни местного края. Он был одним из учредителей Ярославской ученой архивной комиссии, некоторое время исполнял обязанности правителя дел.

Коллекция экслибрисов содержит большое количество штемпелей начала XX века, повествующих о жизни Ярославля и ярославской губернии. По ним можно судить, какие библиотеки, училища и общества тогда функционировали. Это штемпели, исполненные для библиотеки ярославского древлехранилища, ярославской губернской ученой архивной комиссии, находившейся на Ильинской площади в помещении древлехранилища, библиотеки ярославской ученой архивной комиссии (отделение имени К.Д. Голодухина), библиотеки ярославского естественно-исторического общества на Ильинской площади в доме-усадебке Матвеевских, ученической библиотеки ярославской духовной семинарии на Которосльской набережной, рыбинской земской публичной библиотеки, библиотеки рыбинского коммерческого училища, педагогического музея при дирекции народного училища Ярославской губернии на Семеновском спуске, библиотеки Ярославской губернской гимназии, библиотеки ярославского кадетского корпуса, ярославской городской общественной пушкинской библиотеки на улице Большая Линия, библиотеки 79-го пехотного резервного батальона, библиотеки 181-го пехотного Остроленского полка, библиотеки романовского резервного батальона. Многие библиотеки, штемпели которых содержатся в коллекции экслибрисов упомянуты в путеводителе-справочнике по Ярославлю за 1916 года, составленном П. Критским.

Среди корпоративных штемпелей встречаются знаки ярославских магазинов начала XX столетия, например, музыкального и книжного магазина А.Т. Наумова в Ярославле и Нижнем Новгороде, музыкального магазина «Лира» С.М. Гельфона в Ярославле, магазина В.М. Яблова в Ярославле, ярославского магазина на Власьевской улице в доме № 36 (ныне – улица Свободы), где продавал ноты П. Веншау. Интересен сюжетный штамп с изображением закрытой книги с текстом на обложке переплетной и коробочной П.Н. Яковлева, существовавшей в Ярославле в начале XX века. Традиция, по которой для ярославских магазинов исполнялись экслибрисы, была продолжена ярославскими авторами сюжетных знаков в 1970-х годах. Таков, к примеру, один из многочисленных книжных знаков известного магазина «Букинист».

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, насколько исследование экслибрисов может оказаться полезным для различных исторических изысканий. Изучение знаков раскрывает биографии земляков, состав их библиотек, культурную и общественную жизнь Ярославля и ярославской губернии второй половины XIX – начала XX века. Гербовые экслибрисы также могут служить средством познания гербов, определения принадлежности отдельных книг и целых библиотек тем или иным владельцам, порой их углубленное изучение способствует уточнению генеалогического древа. Поэтому исследование книжных знаков из собрания музея истории г. Ярославля, в том числе знаков второй половины XIX – начала XX века, связанных с историей Ярославля и Ярославской губернии, будет продолжено. Некоторые книжные знаки представляют не только историческую, но и художественную ценность. Выразительны сюжетно-тематические графические миниатюры с уравновешенными и симметричными композициями, в которых текстовые сообщения гармонично объединены с изображением. Они демонстрируют разнообразие графических решений, стиливых и сюжетных находок их создателей и фантазию заказчиков. К тому же независимо от того, являются ли представленные книжные знаки гербовыми, вензелевыми, шрифтовыми ярлыками или штемпелями, они всегда четко отражают принадлежность книг.

Белова Е.М.
г. Рыбинск

Н.Н.ВЕНЕДИКТОВ – УЧИТЕЛЬ, МУЗЕЙЩИК, САДОВОД

Село Глебово на Волге интересно своей историей и многими замечательными людьми, которые жили и трудились в нем. Многие поколения глебовцев учили и воспитывали замечательные педагоги. Среди них Сергей Сергеевич Масленников, первый заведующий Глебовским 2-х классовым училищем, потомственный Почетный гражданин, корреспондент главной физической обсерватории России; Константин Сергеевич Масленников и Варвара Сергеевна Масленникова, заслуженные учителя школы РСФСР; Павел Ильич Лаптинский, заслуженный учитель школы РСФСР; Нина Васильевна Выжиговская, отличник народного просвещения, награжденная орденом Трудового Красного знамени и др.

Одним из выдающихся людей является Николай Николаевич Венедиктов, учитель санаторно-лесной школы¹, создатель школьного дендрария, организатор краеведческого музея. Николай Николаевич годился бы первым директору С.С. Масленникову в сыновья, т.к. относился уже к более молодому поколению педагогов. Но волею судьбы оказался родственником семьи Масленниковых.

Источниками по данной теме послужили личные документы Николая Николаевича, предоставленные его родственниками. Это послужной список, автобиография, трудовая книжка, по которым можно проследить документально его жизненный путь. Также воспоминания дочери и внучек, с которыми автору лично удалось встретиться, а также бесценны воспоминания живых людей лично знавших Венедиктова. Барханов А.А. директор Глебовской школы, учителя: Сушков А.Д., Виноградова М.Н., Лебедева А.Н., жители с. Глебово Бабаедова М.Н., Атаулова Г.Н., Багудина.

Родился Николай Николаевич в 1890 г. в с. Нефедьево Угличского уезда Ярославской губернии. Родители занимались торговлей в том же селе. Начальное образование получил в Нефедьевской сельской школе. По окончании ее поступил в Угличское городское училище, которое окончил в 1905 г., затем учился в Петербурге на политехнических курсах, после окончания которых в 1911 г. работал землемером землеустроительных комиссии Ярославской губернии².

Женился в 1914 г. на Елене Сергеевне Масленниковой, 20-летней учительнице Глебовского 2-х классного училища³. После женитьбы Николай Николаевич продолжал работать землемером до сентября 1915 г. Шла Первая мировая война и осенью 1915 г. его призвали в армию. С 1915 по 1917 г. находился на военной службе, мобилизован по болезни. В феврале 1918 г. поступил на работу в Ярославский губернский земельный отдел и работал в земельных органах в качестве землемера, а затем землеустроителя до 1926 г. В 1926 г. поступил в Московский межевой институт, по окончании которого работал с 1930 г. в Ярославском областном земельном управлении и потом в Ивановском.

Семья жила в Мышкине, Иванове, Ярославле. У Николая и Елены родилось двое детей. Старшая, Ольга, родилась в 1915 г.⁴ Сын Сергей – в 1919 г.⁵ В связи с болезнью в 1934 г. Николай Николаевич был признан инвалидом 2 группы, не работал до 1942 г. В 1943 г. вместе с женой возвратился в Ярославскую область, в с. Глебово, в дом родителей жены⁶.

В 1943 г. в Глебово, на Волге, по решению Советского правительства открыли санаторно-лесную школу для детишек, чье здоровье было подорвано войной. В автобиографии читаем: “Я поступил на работу в санаторно-лесную школу в качестве воспитателя. Это было для меня новой работой”⁷. На самом деле эта “новая работа” не была новой, т.к. Николай Николаевич, общаясь с братьями и сестрами своей жены, был в курсе многих школьных дел, да и, видимо, дремали в нем скрытые способности педагога. По воспоминаниям дочери Ольги Николаевны: “Отец был очень деятельным человеком и не мог сидеть без дел. А когда надо было в чем-то помочь, он отдавался новому делу с желанием и душой. Оказалось, в школе не было учителя немецкого языка, его уроки вызвался вести он. У папы была склонность к иностранным языкам еще с юности и он неплохо знал немецкий”. За 2 года он успешно прошел в Москве заочные курсы иностранного языка, а затем, когда из-за недостатка учителей пришлось одновременно преподавать и математику, в возрасте 55 лет тоже заочно окончил Рыбинский педагогический техникум. Любовь к детям и природе открыла в рядовом сельском учителе незаурядный талант естествоиспытателя. Разделяла его увлечение и трудилась с ним его жена Елена Сергеевна. Работая учителем, она всегда поддерживала все начинания мужа, приобщала к этому детей, а позднее и внуков. Они были первыми его помощниками.

В санаторно-лесной школе ребята не только учились, но и жили. В районе с.Глебово Волга прорезала отложения юрского и мелового периода в истории земли. Эти отложения хорошо просматривались в обнаженных волжских берегах и представляли богатейший материал для изучения далекого прошлого нашей планеты. Николай Николаевич всерьез увлекся геологией. Он взялся за изучение специальной литературы, проводил на обнажениях многие часы. Появились первые находки. Он стал проводить для детей экскурсии. “Экскурсии на берег Волги являются любимейшими у ребят. С каждой сменой учащихся мы проводим экскурсии на береговые обнажения под с.Глебовом, с.Ивановским, где более ясно видны и отложения мелового периода. Перед экскурсией проводились беседы на тему: “О чем говорят берега Волги” кратко знакомили детей с названными выше периодами истории Земли и с тем, что они увидят и какие находки могут сделать. Экскурсии способствовали пробуждению интереса у воспитанников к геологии⁸. Все собранное на экскурсиях хранилось в методическом кабинете.

Вскоре Николай Николаевич поставил перед дирекцией школы вопрос о создании краеведческого музея. Это предложение поддержали, и 8 декабря 1950 г. педагогический совет принял решение организовать музей. Никто из работающих в школе не остался равнодушным к созданию музея и принимал в этом участие. Но, безусловно, Николай Николаевич был главным организующим началом во всей работе. “Мы все были заняты интересной работой по музею, в которую вовлек нас дед. Мы оформляли стенды, рисовали, крепили бабочек, разных насекомых... Из дома уносили в музей все диковины природы, что годами складывалось на полки и в шкафы”, - вспоминает Ирина Васильевна⁹.

Николай Николаевич много работал по созданию музея. Он систематизировал весь имеющийся материал по фондам, создавал мини-коллекции, делал их описание, выбирал из них самые интересные экспонаты и оформлял их в экспозиции.

9 марта 1952 г. состоялось официальное открытие музея. Музей был сделан с большим знанием дела, на научной основе, поэтому есть основания назвать Николая Николаевича профессиональным музейным работником. Построение музея и его работа получила оценку. 14 ноября 1954 г. Ярославский областной отдел народного образования и институт усовершенствования учителей за работу по теме “школьный краеведческий музей” наградили учителя Венедиктова Почетной грамотой, а в трудовой книжке были сделаны благодарственные записи¹⁰.

Как создавался музей и какую помощь он оказывал в учебном процессе, Николай Николаевич описал в своей статье “Опыт организации школьного краеведческого музея”, изданной Ярославским пединститутом в 1955 г. На авторском оттиске статьи¹¹ сделана надпись: “Дорогому Константину Сергеевичу. Н.Венедиктов”. В этой краткой надписи сосредоточено внимание и любовь к одному из самых близких людей. Константин Сергеевич Масленников, заслуженный учитель РСФСР, брат жены, сам давно хотел организовать в родном селе музей, но не смог, поэтому принимал самое активное участие в создании музея, как никто другой радовался этому событию.

Музей был разбит на два отдела: 1) отдел истории с материалами дореволюционного и советского периода и 2) отдел природы с подотделами геологии, зоологии и ботаники. “Собранные материалы частью группируются в папки по темам: “Колхозы”, “С. Глебово и люди нашего села”, “Рыбинское море” и т.д. Всего заведено 36 папок. Это дает учителю и воспитателю всегда свежий местный материал. В музее собрано свыше 300 экспонатов. Наибольшими материалами располагает геологический подотдел, который является родоначальником музея. Ценными экспонатами являются зуб и бивень трогонтериева слона, предка мамонта”¹². В зоологической части

отдела было 30 чучел местных животных. В ботаническом гербарии лекарственных растений, сорняков. Некоторых растений субтропиков, пустынь. Здесь же каждый год висели диаграммы, говорящие о работе учащихся школы по сбору лекарственного сырья. В отделе истории оформлены стенды с портретами знатных земляков, участников Великой Отечественной войны.

Музей долгие годы являлся одним из лучших краеведческих музеев и уже имел далеко не местное значение. Ежегодно в музей на практику приезжали большие группы студентов – биологов, географов из Ярославского педагогического института. Музейные экспонаты оказали им неоценимую помощь в их учебе.

В октябре 1956 г. Николай Николаевич уходит на заслуженный отдых. Но он не сидит сложа руки. Еще по приезду в с. Глебово он начал потихоньку заниматься садоводством и огородничеством. Вместе с сыном Сергеем он посадил вокруг своего дома березы, сделал планировку сада, в котором начал высаживать яблони разных сортов, подбирая цветы. Он увлекся огородом так, что неожиданно для себя превратился в заядлого садовода. Благодаря труду и знаниям учительский огород превратился в красивый сад. Книги, труд, личный опыт сделали из Николая Николаевича большого специалиста по садово-парковому строительству. В лучшую пору здесь было до 50 видов цветов. Радовали глаз школьников и жителей села сортовые гладиолусы и георгины, канны и астры, пионы и гиацинты... До сада Венедиктова, пожалуй, в селе был только сад Сергея Сергеевича Масленникова.

“Мое знакомство с этим чудесным уголком природы было тем более удивительным, что хозяином и творцом его оказался не лесовод по профессии, и не ботаник. А бывший учитель математики и немецкого языка”¹³.

Кроме цветов, выращивал фруктовые деревья. Позже он передал свой опыт учительнице биологии Глебовской средней школы Нине Васильевне Выжиговской, которая организовала школьный питомник яблонь.

В 1965 г. 75-летний учитель Н.Н. Венедиктов заложил у себя в саду питомник древесно-кустарниковых пород для школьного дендрария. Количество саженцев довел до 60 единиц. В нем выросли из семечек, присланных ему с Дальнего Востока амурский орех, кедры. Выращенные кедры и орех были посажены на территории санаторно-лесной школы по всем правилам садоводства. Для этой работы он привлек молодых учителей. А.Н. Лебедева вспоминает: “Как гонял он нас каждый день и строго следил, чтобы правильно делали посадки, эта требовательность нам была на пользу, мы, не имеющие опыта учителя, многому тогда научились, это пригодилось потом в работе на школьной практике”.

Венедиктовские голубые ели посажены на площади с. Глебово около обелиска в память о павших героях Великой Отечественной войны 1941-1945 г. Высокий, худощавый человек, с острым, живым взглядом, добрейшей души человек, цель жизни которого была “украшать родную землю для будущего”. Таким он остался в памяти жителей села Глебово, которые к сожалению не сохранили созданное этим бескорыстным человеком.

Примечания

1. Санаторно-лесная школа. С 1908-1919 г. сельская ремесленная учебная мастерская имени А.Д. Воденикова. В 1920-е годы школа сельской молодежи. В 1930-е годы над ней шефствовал моторостроительный завод им. Павлова (НПО “Сатурн”). Летом до 1938 г. городские дети приезжали сюда как в пионерский лагерь. В 1941-1942 гг. военный госпиталь, затем санаторий для детей, больных туберкулезом. В данное время закрыта на ремонт.
2. Послужной список Н.Н.Венедиктова - Личный архив семьи Венедиктовых. Хранится у его внучки Федуловой И.В. в г. С.-Петербурге.
3. Елена Сергеевна Масленникова, дочь Сергея Сергеевича Масленникова и Марии Матвеевны, р. 18 апреля 1894 г. в с.Глебово (РФ ГАЯО. Ф. 419. Оп. 3. Д. 44). В ведомости личного состава Глебовского училища за 1912 г. Елена Сергеевна числится учительницей (РФ ГАЯО. Ф. 15,01. Д. 173).
4. Ольга Николаевна Венедиктова-Федулова (1915-2006 гг.), бухгалтер, работала в разных советских учреждениях г.Иванова, Ленинграда.
5. Сергей Николаевич Венедиктов (1919-1957 гг.), окончил Ленинградский горный институт, геолог, принимал участие в нескольких экспедициях на Памир, занимался подготовкой диссертации. Трагически погиб в экспедиции. Семья проживает в С.-Петербурге.
6. Дом в с. Глебово строили в 1918-1919 гг. Николай Николаевич вместе с Константином Сергеевичем, братом жены. Долгие годы члены семьи Масленниковых приезжали в этот дом из разных уголков СССР. Н.Н. Венедиктов проживал в нем с 1943 г. постоянно.
7. Автобиография Н.Н. Венедиктова - Личный архив семьи Венедиктовых. Хранится у его внучки Федуловой И.В. в г. С.-Петербурге.
8. Н.Н. Венедиктов “Опыт организации школьного краеведческого музея”. Ученые записки Ярославского пединститута. Выпуск XVII. Педагогика и методика. Ярославль, 1955 г. С. 287.
9. Ирина Васильевна Федулова (1941 г.), внучка Николая Николаевича Венедиктова. Учитель английского языка. Живет в г. С.-Петербурге.
10. Трудовая книжка Н.Н. Венедиктова - Личный архив семьи Венедиктовых. Хранится у его внучки Федуловой И.В. в г. С.-Петербурге.
11. Персональный фонд семьи Масленниковых. Фонд редкой книги РБМ 15642/65. Н.Н. Венедиктов “Опыт организации школьного краеведческого музея”. Ученые записки Ярославского пединститута. Выпуск XVII. Педагогика и методика. Ярославль, 1955 г.
12. Н.Н. Венедиктов “Опыт организации школьного краеведческого музея”. Ученые записки Ярославского пединститута. Выпуск XVII. Педагогика и методика. Ярославль, 1955 г. С. 285-293.
13. Курапин. Любовь к жизни. Северный рабочий. 1970 г. 11 июля.

Коновалова Н.Е.
г. Рыбинск

ОБРАЗЫ РОССИЙСКИХ САМОДЕРЖЦЕВ И ВОЖДЕЙ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ В ФАРФОРЕ (НА ПРИМЕРЕ КОЛЛЕКЦИИ РЫБИНСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА)

К теме отображения в декоративно-прикладном искусстве образов царских особ и лидеров коммунистической партии в последнее время обращаются различные исследователи, она востребована обществом и вызывает интерес у широкого круга людей¹. Среди других материалов декоративно-прикладного искусства фарфор обладает наиболее широкими возможностями в передаче замыслов художника. Пластичная фарфоровая масса подходит для камерных, небольших работ, лепных деталей ваз, рельефных медальонов, статуэток, в тоже время этот материал дает возможность достигать разнообразных результатов в создании скульптурных портретов. Белая поверхность фарфора позволяет выполнить на ней тонкую, подобную акварельной, портретную роспись с богатой палитрой оттенков.

На протяжении XVIII-XX вв. на фарфоровых предприятиях создавались различные изделия с портретами реальных персон, как идеализированных, репрезентативных, так и в виде карикатурных или наивных образов. В коллекции музея немало предметов с портретами военных, выдающихся исторических личностей и деятелей искусства, фарфоровых изделий с российской и советской символикой, надписями и лозунгами, все они заслуживают отдельного разговора².

Целью настоящего сообщения является рассмотрение фарфоровых и керамических предметов из собрания Рыбинского музея-заповедника (РБМ) с образами российских самодержцев и правителей Советской страны XX в. В музейной коллекции подобных предметов немного (ок. 20 ед. хр.). Однако, несмотря на малочисленность, среди рассматриваемых ниже предметов есть интересные образцы, немало ценных, высокохудожественных изделий русских фарфоровых фабрик XIX-XX вв. публикаций о которых по разным причинам еще не было. При обзоре данной части коллекции, предметы рассматриваются не в хронологическом порядке производства, а сгруппированы по персоналиям и объединены в группы в соответствии с тематикой и характером отображения образа.

Фарфор с первых лет его производства в России служил пропаганде мощи страны и личностей ею управлявших. Сильные мира сего использовали фарфоровые изделия для утверждения своего величия. Русские цари с момента основания покровительствовали Императорскому фарфоровому заводу (далее ИФЗ). С конца 1760-х гг., после присвоения фарфоровому заводу статуса придворного предприятия, фарфор маркировался клеймом с вензелем царствующего монарха. В свою очередь произведения из фарфора способствовали прославлению императоров, как властелинов огромной и богатой России. Они предназначались для убранства дворцов и резиденций, широко использовались в качестве пожалований приближенным и дипломатических даров.

Уже в XVIII в., при Екатерине II, был изготовлен ряд предметов из фарфора с изображением императрицы. Бюст Екатерины II по модели Ж.-Д.Рашетта³ с мраморного оригинала Ф.И.Шубина⁴ 1783 г. (ИФЗ, 1793 г.) отличается торжественностью, идеализацией, стилистически напоминая римскую пластику эпохи Августа. Этот бюст Екатерины II повторялся на ИФЗ несколько раз, в том числе и в 1862 г. к 100-летию её восшествия на престол. Один из бюстов с маркировкой «АII» находится в коллекции Рыбинского музея-заповедника, он дополнен постаментом в виде колонны с вензелем ЕII под короной в овальном медальоне в обрамлении лепной цветочной гирлянды из бисквита, поражающей тонкостью ручной работы безымянных мастеров Императорского завода (РБМ 2660, 2661).

В собрании Рыбинского музея-заповедника хранится также портретный бюст Екатерины II из бисквита Севрской мануфактуры, датированный 1908 г. (РБМ-3788). Он является повторением скульптурного портретного изображения императрицы, выполненного в бисквите по модели французского мастера Л.-С. Буазо⁵ на Севрской фарфоровой мануфактуре в 1779 г. В 1780-1790-е гг. по данной модели был выполнен фарфоровый бюст на заводе Гарднера (ГЭ).

Рассмотренные выше произведения показывают возможности бисквита как скульптурного материала. Гризайльная (монохромная) или полихромная надглазурная роспись – другая техника, применяемая для исполнения портретов на фарфоре. Работа по составлению палитры фарфоровой росписи очень сложна, особенно если речь идет о точном воспроизведении живописного портрета. На протяжении XIX в. на Императорском заводе создавались отдельные тарелки, чашки для подарков с портретами коронованных особ, прославленных полководцев и известных общественных деятелей того времени. Развитию живописного направления в деятельности завода в значительной степени содействовали приглашенные французские художники П. Будэ⁶ и В. Босэ⁷, воспитавшие целую плеяду талантливых русских мастеров картинной и цветочной живописи на фарфоре. Среди них особенно выделяются Ф.И. и К.Н. Красовские, А.Ф. Миронов, В.А. Столетов, В.Н. Корнилов, и В.Ф. Мещеряков⁸.

Ко времени работы этих мастеров относится тарелка с портретом императора Николая I из собрания Рыбинского музея-заповедника. Император изображен погрудно в белом с золотой отделкой мундире кавалергарда, в золотом шлеме, увенчанном двуглавым орлом, под портретом скрещенные лавровые ветви (ИФЗ, 1830-е гг. РБМ-3637).

В XIX в. тема прославления императоров нашла свое оригинальное воплощение и в деятельности частных фарфоровых заводов, использовавших портреты царских персон для декорирования своих изделий, в большом количестве изготавливались многочисленные «коронационные» стаканы в фаянсе. В Рыбинском музее-заповеднике хранится фарфоровая кружка «В память 50-летия освобождения крестьян» с портретом «царя-освободителя» Александра II (Завод товарищества М.С.Кузнецова в Рыбинске, 1911 г. РБМ-10115/17).

Совершенно иной случай воплощения данной темы в фарфоре – использование не парадного образа императора, с передачей портретного сходства, а создание образа-символа, к таким в нашей коллекции относятся фарфоровые предметы с изображением Петра I. Статуэтка «Петр I - законодатель», выполненная на заводе Миклашевского в середине XIX в., передает образ Петра I наивно-приблизительно, не отражая внешнее сходство и не раскрывая характер преобразователя России. Она показывает фигуру Петра I, стоящего возле стола в мундире офицера Преображенского полка, правой рукой придерживающего лежащий на столе лист с указом. На основании постамента статуэтки имеются надписи, позволяющие приблизительно определить дату создания статуэтки не позднее августа 1854 г. (РБМ-3934)⁹.

Даже в советский период изредка встречаются изображения российских императоров в фарфоре, чаще всего это воспроизведение образа «Петра-реформатора». Например, на Первомайском фарфоровом заводе в с. Песочном (далее ПФЗ) выпускаются вазы с изображением на тулове портрета Петра I в овальном медальоне (фарфор, деколь, ПФЗ, 1950-е гг. РБМ-25938). А на кружке с надписью «Память о Ленинграде» изображается памятник Петру I – знаменитый «Медный всадник» (ПФЗ, автор росписи Горбунов Ю.М., 1955 г. РБМ-9312).

После национализации в 1918 г. отечественные фарфоровые предприятия одно за другим включаются в работу по пропаганде новых идей и воспроизведению на своих изделиях портретов великих людей новой эпохи. Декрет В. Ленина «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг и выработке проектов памятников Российской Социалистической революции», побудил многих художников к созданию агитационных образов в фарфоре. В числе первых на Государственном фарфоровом заводе в Петрограде (быв. ИФЗ) были изготовлены бюсты К.Маркса, К.Либкнехта (скульптор В.Кузнецов), появились тарелки, бюсты и медали с портретами Ленина¹⁰. Самой ранней скульптурной работой этого времени в коллекции музея-заповедника является бюст В.И.Ленина. Это прижизненный портрет вождя, выполненный из тонированной глины, скульптором М.Я. Харламовым¹¹, 19[2]3 г. (РБМ-11220).

Среди фарфоровых изделий советского периода в Рыбинском музее наиболее ранним является декоративное блюдо 1934 г. с портретом одного из лидеров нового времени – всероссийского старосты М.И.Каплина (РБМ-3728), созданное для подарка «Пленуму Рыбинского горсовета от рабочих Первомайской фабрики». Сегодня его можно считать уникальным предметом, показывающим искусство мастеров портретной росписи по фарфору Первомайской фарфоровой фабрики 1930-х гг.¹²

Использование в репрезентативном фарфоре портретных изображений вождей новой Советской страны с 1920-х гг. продолжается до конца XX в. Предметы из фарфора предназначались для подарков от предприятий представителям власти к партийным конференциям, съездам, юбилейным датам. Многочисленные вазы с портретами И.В.Сталина изготавливались не только на Ленинградском фарфоровом заводе (далее ЛФЗ), но и заводах Дмитровском, Конаковском и др. Не оставался в стороне и Первомайский фарфоровый завод. Примером этого служит ваза с профильным портретом Сталина и надписями «ВКПб», «1879 // 1939», выполненная в 1939 г. (фарфор, монохромная роспись, ПФЗ, автор росписи Надулищев, РБМ-25926). Ваза имеет довольно простую, характерную для того времени, овальную форму с узким горлом. Портретное изображение в виде белого профиля на розовом фоне едва читается, оно вписано в основной декор тулова, состоящий из орнаментального пояса со снопами и веточками хлопка и золотых букв «ВКПб». Эта ваза небольшого размера и не имеет парадной торжественности, как другие известные и опубликованные вазы того же периода с портретами Сталина¹³.

Фарфор и керамика широко использовались для создания многочисленных образов «Ленинианы», занимавших огромное место в творчестве многих советских художников 1920-1980-х гг. – бюсты, статуэтки, медали и плакетки из бисквита, глазурированного фарфора, портреты Ленина на вазах, декоративных тарелках сохранились во многих коллекциях¹⁴. В собрании Рыбинского музея-заповедника представлены следующие изделия: медальон из бисквита «В.И.Ленин» (бисквит, ЛФЗ, 1970-е гг. РБМ 15622/66); блюдо с портретом Ленина (фарфор, фотопечать, ПФЗ, 1970-е гг. РБМ-25098); ваза «XXVI съезду КПСС» с портретом Ленина (фарфор, ручная роспись, ПФЗ, 1981 г. КПВХ-№1166/632¹⁵); кружка с изображением скульптурного памятника В.И.Ленину (фарфор, ПФЗ, автор росписи Ю.М.Горбунов, 1957 г. КПВХ-№1166/727).

В последней четверти XX в. портретная роспись на фарфоре продолжала применяться для создания подарочных ваз. Примером этого служат предметы из собрания музея: ваза с портретом Ю.В.Андропова (ЛФЗ, автор А.Волков, 1974 г. РБМ-14588/29) и ваза с портретом М.С.Горбачева (фарфор, полихромная роспись, ПФЗ, 1981 г. КПВХ-№1166/710). Первая – пример высокого профессионализма мастеров Ленинградского фарфорового завода. Классической формы ваза в виде амфоры, яйцевидное тулово которой в нижней части украшено острыми листьями аканта; по сторонам от узкого воронкообразного горла рельефные, изящно изогнутые бисквитные ручки с львиными головами. По центру тулова овальный медальон с портретом генерального секретаря КПСС Ю.В.Андропова. Ваза с портретом М.С.Горбачева, напротив, имеет простую цилиндрическую форму, и ее декоративное оформление очень скромное. Она выполнена к 50-летию со дня его рождения и была предназначена для подношения юбиляру от Ярославского обкома КПСС (о чем гласит надпись), но, вероятно, не понравилась заказчику.

И сегодня портретные росписи на фарфоре, и скульптурные портреты из фарфоровой и бисквитной массы продолжают применяться в качестве декоративного оформления репрезентативных подарочных изделий, и вызывает большой интерес не только у специалистов, но и у широкого круга общественности.

Примечания

1. Например, статьи «Все в порядке, Ворошилов – на лошадке». Журнал «Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования». № 4 (36) 2006. С. 30-34. См. также примечания 10, 13.

2. Коновалова Н.Е. К истории коллекции Первомайского фарфорового завода в фондах Рыбинского музея-заповедника (этапы формирования). X Золотаревские чтения. Материалы научной конференции. Под ред. А.М.Селиванова. Рыбинск: Рыбинский музей-заповедник, 2004. С. 27-31. Продукция Рыбинской фарфоровой фабрики. Краеведческие записки. Вып. VIII. Материалы 8 и 9 Тихомировских чтений. Ярославский музей-заповедник. Ярославль: Ремдер, 2005. С. 511-519. См. так же примечание 14.
3. Рашетт, Жан-Доминик (Rachette J.-D., 1744-1809) – французский скульптор, выпускник Копенгагенской королевской Академии искусств, с 1779 г. жил в России, возглавлял модельную мастерскую на Императорском фарфоровом заводе.
4. Шубин, Федот Иванович (1740-1805) – русский скульптор. Мраморный бюст «самодержицы российской», созданный Ф. Шубиным в 1770 г. в Риме, в бытность его пенсионером Петербургской Академии художеств, принес молодому скульптору заслуженную известность и звание академика.
5. Буазо, Луи-Симон (Boizot L.-S., 1743-1809) – скульптор французского неоклассицизма. С 1778 г. член Королевской Академии живописи и скульптуры. В 1773-1780 гг. возглавлял скульптурную мастерскую Севрской фарфоровой мануфактуры, где изготовлял модели для мелкой пластики.
6. Буде, Пьер (Pierre Boudet, 1800-1883) - французский живописец по фарфору. В 1853-1863 гг. работал на ИФЗ и на Петербургской гранильной фабрике. Исполнял преимущественно цветочные росписи.
7. Босэ, Виван (Vivant Beause, 1818-1876) - французский живописец и рисовальщик. Родился в Нолан'е. Умер в Париже. В 1853-1868 гг. работал на ИФЗ и на Петербургской гранильной фабрике. Исполнял рисунки для кофейных и чайных сервизов. С 1859 г. - почетный вольный общник СПб АХ. Работал пастелью и акварелью.
8. Русская керамика, фарфор и стекло XVIII-XX вв. в собрании Рыбинского музея-заповедника: Путеводитель по экспозиции / Авт.-сост. Е.А.Цешинская. Рыбинск, Рыбинский музей-заповедник, 2002 - 64 с., илл. (архив музея, на правах рукописи).
9. Ф.С.Петрякова. Фарфоровая скульптура завода с. Волокитино Черниговской губернии. Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1986. С. 425-433.
10. Самецкая Э. Главная тема агитфарфора. Журнал «Антиквариат, предметы искусства и предметы коллекционирования». № 4, 2002. С. 17-21.
11. Харламов, Михаил Яковлевич (1870-1930) – скульптор. Родился в Одессе, учился в Рисовальной школе Одесского общества изящных искусств, затем в Высшем художественном училище при Академии художеств (АХ). Работал в Петербурге в области монументальной и монументально-декоративной скульптуры (оформление здания Музея этнографии, СПб). Преподавал в Центральном училище технического рисования барона Штиглица. После революции принял участие (совместно со Ю.Н.Свирской) в конкурсе АХ на тему «Великая русская революция» 1919 г. – группа «Борцы за свободу» была удостоена третьей премии. По его проектам установлены памятники Я.М.Свердлову (1925), М.В.Фрунзе (1926), В.И.Ленину (1926, 1928). Ему принадлежит также ряд портретных бюстов политических деятелей и писателей.
12. Коновалова Н.Е. К истории коллекции Первомайского фарфорового завода в фондах Рыбинского музея-заповедника (этапы формирования). X Золотаревские чтения. Материалы научной конференции. Под ред. А.М.Селиванова. Рыбинск: Рыбинский музей-заповедник, 2004. С. 27-31.
13. Карлюченко Н. Портрет на вазе. Журнал «Антиквариат, предметы искусства и предметы коллекционирования». № 11, 2003. С. 42-45.
14. В собрании Рыбинского музея-заповедника также представлено большое количество фарфоровых изделий с надписями: «Ленин», «Ленин с нами», «Слава Ленину», «1870-1970 / 100 лет», с изображениями ленинских мемориальных мест «Ленинские горки», «В разливе», выполненных к столетию со дня рождения В.И.Ленина. Всего насчитывается около 60 ед. хр.
15. КПВХ-1166 – предметы, поступившие в Рыбинский музей-заповедник из собрания музея Первомайского фарфорового завода в 2001 г.

Цепляев С.Е.
г. Тула

МУЗЕЙНАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ И ПОСЕТИТЕЛЬ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТОЧЕЧНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Музеи занимают особое место среди других учреждений культуры, являясь хранителями исторической памяти человечества, художественных сокровищ и материальных свидетельств человеческой деятельности. Именно этим обусловлена особая роль музея в воспитании исторического сознания, эстетических, патриотических и гражданских чувств, передаче культурных традиций от поколения к поколению.

Для выполнения этих важнейших социальных функций музеи должны постоянно находиться в развитии, т.е. совершенствовать традиционные формы музейной деятельности.

Музеи всегда обращены к общественному сознанию, привлечению внимания широких масс посетителей, и поэтому совершенствование форм экспозиционно-выставочной работы, одного из основополагающих видов деятельности каждого музея, находится в центре внимания всех музейщиков.

Посетители являются залогом выживания музеев. Следовательно, их пребывание в нем необходимо сделать понятным, интересным и запоминающимся. Причем следует иметь в виду, что потребности и ожидания посетителя неуклонно изменяются и возрастают, поэтому работникам музея необходимо постоянно отслеживать мнения посетителей своего музея и учитывать их при формировании экспозиций.

Подобная работа уже была проведена сотрудниками музея “Куликово поле” перед созданием экспозиции, которая функционирует сегодня в селе Монастырщина. Рассматриваемая экспозиция носит научно-просветительский характер. Она расположена на месте легендарного захоронения русских воинов, погибших во время Куликовской битвы, и является частью мемориального комплекса, который включает храм во имя Рождества Пресвятой Богородицы, памятник Дмитрию Донскому и братскую могилу советских воинов, павших в районе Куликова поля осенью 1941 г.

В ходе проводимого социологического исследования выяснились мнения посетителей четырех музеев, входящих в состав Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника "Куликово поле", относительно необходимости создания новой экспозиции в селе Монастырщина, об основных тематических блоках, которые будут представлены на ней, а также о способах и методах подачи информации в экспозиции музея. Систематизированные мнения и пожелания посетителей учитывались при создании новой экспозиции.

Исследование, о котором идет речь в данной статье, по своей сути является продолжением предыдущего и направлено на определение того, насколько полно были учтены пожелания посетителей, а также на выявление предложений по совершенствованию экспозиции.

Цель исследования: изучение отношения посетителей к экспозиции в с. Монастырщина.

Задачи исследования:

- 1) выявление целей посещения экспозиции представителями разных возрастных групп;
- 2) определение степени удовлетворенности от посещения экспозиции;
- 3) выявление сильных и слабых сторон экспозиции;
- 4) изучение предпочтений посетителей экспозиции по ее усовершенствованию.

К социально-демографическим и социально-психологическим характеристикам исследования относятся следующие данные: в проводимом исследовании участвовали 316 человек, среди которых 36,4% составляют представители мужского пола, а 63,6% - женского, больше всего посетителей экспозиции составляют молодые люди в возрасте от 21 до 35 лет, большинство респондентов – люди, закончившие учреждения высшей школы. Основная группа опрошенных – жители Тульской (42,4%) области, а также Москвы (22,5%) и Московской (9,5%) области. Небольшой, но статистически значимый процент посетителей составляют приезжие из таких регионов, как Санкт-Петербург (3,2%), Рязанская (2,5%), Тюменская (2,2%), Липецкая (1,9%) и Тамбовская (1,3%) области. Остальные данные статистически незначимы.

Подводя итог данным, выведенным по полу, возрасту, образованию и месту проживания, можно заключить, что типичным посетителем экспозиции в с. Монастырщина является молодой человек в возрасте от 21 до 35 лет, имеющий высшее образование и проживающий в городах центральной России. Таким образом, мы составили социально-демографический портрет типичного посетителя экспозиции в летний период.

Проводимое исследование помогло выявить, что основную часть всех посетителей составляют люди, приехавшие в музей впервые (81%). Однако есть и такие, которые пришли повторно (10,4%) и даже были уже несколько раз (8,5%). Эта последняя группа посетителей, составляющая почти десятую часть от всех посетителей экспозиции, в маркетинговом исследовании была бы названа группой "промоутов", т.е. тех людей, которые не только сами активно посещают экспозицию, но также приводят сюда своих детей, родственников и вообще рекомендуют посетить экспозицию знакомым. Тем самым они являются одним из каналов, по которому продвигается реклама экспозиции в с. Монастырщина, а как показывают многочисленные социологические исследования, именно такая реклама имеет наибольший отклик среди населения.

Наше исследование также подтверждает подобную закономерность, поскольку среди всего многообразия каналов, по которым к населению поступает информация об экспозиции, лидирующее место занимают рекомендации со стороны друзей и родственников (48,7%).

Достаточно хорошо работающим рекламным каналом являются и придорожные указатели, которые помогают проезжающим мимо обратить внимание на экспозицию в с. Монастырщина. Помимо этих каналов рекламы неплохо используется и карта-схема музея на Красном Холме, которая также заставляет посетителей проявить интерес к новой экспозиции. Посильную помощь в дело рекламирования экспозиции вносят сотрудники музейного комплекса "Куликово поле", которые предлагают своим посетителям побывать в с. Монастырщина и увидеть там новую экспозицию.

В вопросе о цели посещения экспозиции 63,6% опрошенных ответили, что наиболее значимо для них получение новой информации. Результат анализа полученных данных сводится к утверждению, что в исторический музей посетитель идет "за наукой", рассчитывая получить профессиональную информацию как о проблемах культуры, так и об истории страны.

Если сравнивать результаты нашего исследования с исследованием 2003 года по вопросу о цели посещения музея, то можно увидеть, что они аналогичны, поскольку также более 50% респондентов в 2003 году определили цель своего прихода в музей как желание получить новую информацию. Подобный подход к историческому музею, а экспозиция в селе Монастырщина по своему предназначению имеет научно-исторический характер, закрепился в сознании посетителей, поскольку исторические музеи традиционно воспринимались как Музеи Знаний, как консультативные центры, в которых любой вопрос не должен остаться без ответа.

Основное предназначение исследования состояло в выяснении того, насколько создателям экспозиции удалось удовлетворить интересам ее посетителей. Соответственно экскурсантам были предложены вопросы, в которых они могли высказать свое мнение относительно того, что в экспозиции им понравилось больше, а что меньше всего.

Полученные ответы распределились следующим образом. Оказалось, что 44% опрошенных понравились сами экспонаты, 18,7% посетителей больше всего поразило дизайнерское решение залов, 12,7% - отдали предпочтение полученной информации, и, наконец, 24,7% посетителей понравилось абсолютно все.

Если говорить о разделах экспозиции то мнение респондентов разделилось. Оказалось, что большинство посетителей экспозиции отдали свое предпочтение макету "Атака засадного полка", второе и третье место по своему воздействию на посетителей занимают соответственно доспехи воинов и доспехи боевого коня. Результаты нашего исследования выступают подтверждением исследованием 2003 года, согласно которому акцент в получаемой информации в ходе посещения экспозиции следовало сделать на "ходе сражения". И

поскольку посетитель хотел увидеть *действие*, т.е. то, что могло бы затронуть его воображение, в новой экспозиции и была создана панорама Куликовской битвы, которая теперь так нравится посетителям. Что касается доспехов русских и ордынских воинов, то с ними наблюдается аналогичная ситуация. Посетители в 2003 году активно выступали за то, чтобы в новой экспозиции среди экспонатов были представлены и предметы облачения воинов. Следовательно, в этом плане можно с уверенностью сказать о том, что создателям новой экспозиции удалось удовлетворить интересы посетителей.

Данный вывод подтверждают ответы респондентов на вопрос, касающийся тех разделов, которые им показались не такими удачными, как все остальные. Так, 85,1% посетителей отметили, что им понравились все разделы экспозиции. По всей видимости, они находились под благоприятным впечатлением от экспозиции и поэтому им было сложно определиться с выбором раздела, который показался им менее привлекательным и интересным, чем все остальные.

Как нам уже известно, большинство посетителей приходит в музей для получения новой информации. Однако, как показало исследование, экспозиция не в полной мере отвечает своему предназначению с точки зрения предоставления информации для посетителей. Так более половины (63,6%) опрошенных хотели бы получить больше информации, чем им было предоставлено в ходе осмотра экспозиции. Посетителя интересовала информация об истории экспоната. Другими словами, экскурсанты хотели бы узнать, как данный экспонат появился в музее, при каких обстоятельствах и где он был найден. На втором месте стоит информация об особенностях изготовления экспоната. Данный блок информации также представляет немалый интерес для посетителей, поскольку позволяет сравнить две культуры в их особенности изготовления оружия, доспехов, предметов обихода и хозяйства и т.д. Подобные сведения позволяют экскурсантам ярче представить и понять разные уровни развития двух народов, причины поражения русского войска в XII в. и причины его победы в XIV в. Третье место в предпочтениях посетителей отводится информации о назначении экспоната (15,1%).

Что касается носителей этой дополнительной информации, то предпочтения посетителей выглядят следующим образом: 37% предпочитают классическое размещение информации т.е. этикетаж в витринах, 15% предпочитают для размещения информации специальные стенды, 26% готовы воспользоваться услугами сенсорного киоска, а 20% предпочли бы живое общение с экскурсоводом. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в целом посещение экспозиции производит благоприятное впечатление на экскурсантов. Выставленные экспонаты, а также неординарные способы подачи исторического материала, использование современных технических возможностей, творческий подход к оформлению каждого зала не могут оставить равнодушным ни одного посетителя.

Материалы по данному исследованию стали основанием для дальнейшей работы музея по усовершенствованию экспозиционной и экскурсионной работы.

Отт Л.В.
г. Рыбинск

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЫБИНСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ И ОБСЛУЖИВАНИЮ ТУРИСТОВ

Рыбинский музей ритмично начал принимать туристов с конца 1970-х годов. В основном, это были автобусные туры из Москвы и Ленинграда, посещавшие Рыбинск в выходные и праздничные дни. Туристов, прибывающих водным путем, в городе практически не было. Как известно, долгие годы Рыбинск оставался закрытым городом, лишь несколько лет назад круизные теплоходы стали швартоваться у Рыбинского причала.

Приемом гостей занимается «Рыбинский Центр Туризма», и с учетом того, что музей – это первый объект в городе, с которым должны знакомить туристов, РЦТ организует посещение музейных экспозиций, однако не в полном объеме. Со своей стороны, мы понимаем, что усилия сотрудников музея по привлечению туристов необходимы и должны быть направлены по нескольким векторам.

Во-первых, центральным звеном областной программы развития туризма на 2005-2006 годы, является маркетинг и продвижение туристских возможностей региона. Прежде всего, это относится к участию в ведущих международных музейных фестивалях и турвыставках, таких как: «Интермузей», «Отдых», «Подмосковье», «Отдых и туризм», «Интурмаркет» и многие другие. На ряде форумов музей работает самостоятельно на стенде, предлагая свои программы, знакомя туроператоров и потенциальных туристов и с городом, и с музеем. В ряде случаев мы готовим рекламные материалы и распространяем их через турфирмы или коллег – музейных работников Ярославской области. Системный характер носит работа на ежегодном Международном фестивале «Интермузей». В 2004 г. Рыбинский музей-заповедник был удостоен Диплома «За лучшую программу о культуре региона». Проект заключал в себе подготовку и издание серии брошюр по истории дворянских усадеб Рыбинского края. Автор старший научный сотрудник Г.Б. Михайлова.

В мае 2006 г. состоялся 8-й фестиваль. По традиции, музей представил заявки на участие по двум номинациям: «Музейные детские и молодежные центры» и «Наша профессия – музей». Работа сотрудников была отмечена специальным призом жюри и Дипломом «За многообразие научной деятельности музея». От Калининграда до Сахалина – такова широкая география около двухсот участников фестиваля.

Безусловно, известности музея способствует его участие в престижных выставочных проектах, к которым можно отнести выставку в Государственной Третьяковской Галерее (2001г.), в рамках программы «Золотая карта России»; экспонирование коллекции в Московской школе акварели Сергея Андрияки (2004 г.); выставку «Иконы

Рыбинского музея” в залах галереи искусств Зураба Церетели, которая закончила свою работу в марте текущего года.

Вторым вектором деятельности по привлечению туристов является издание рекламно-информационных материалов. Музей-заповедник ежегодно участвует в подготовке Туристского календаря событий Ярославской области, Сборника туристских программ, Каталога музеев Ярославской области, туристско-информационных проспектов, различных карт-схем.

В 2000 г. при поддержке фонда Дж. Сороса открылся сайт “Собрание Рыбинского музея”, который положил основу создания первого в Ярославской области регионального информационного ресурса. Известный портал Музеи России содержит три адреса (основного здания музея и двух филиалов: музея Мологского края и музея академика А.А.Ухтомского). По этим адресам доступна вся информация о месторасположении, режиме работы, всех наших мероприятиях и выставках. Кроме того, регулярно проводится обновление информационных материалов для официального туристского сервера администрации области (<http://tourism.adm.yar.ru>).

Продолжая развитие электронных информационных ресурсов, в текущем году, нами сформирована заявка на соискание гранта Губернатора Ярославской области, по созданию Визит-Центра Рыбинского музея-заповедника. По данным маркетинговых исследований, проводимых отделом приема посетителей музея-заповедника, за прошедшие 3 года, повысился интерес к городу и постепенно увеличивается доля неорганизованных туристов в общем потоке посетителей. Для создания комфортных условий приема данной категории туристов, необходима модернизация системы информационного обслуживания их и создание нового вида сервиса – оказание информационных, консультационных и организационных услуг, как дистанционно предоставляемых (через Интернет), так и предоставляемых на месте. Наиболее рациональной формой организации такого вида сервиса, на наш взгляд, является открытие Визит-Центра в Рыбинском музее-заповеднике. При этом имеется реальная возможность организации взаимодействия с Визит-Центром Переславль-Залесского музея-заповедника и соответствующими структурами других музеев, с целью выстраивания для неорганизованного туриста маршрута путешествия по городам области.

Проблема информированности и охвата массовой аудитории стоит перед музеем так же остро, как и перед любым производителем. Она еще более усугубляется, когда встает перед приезжим человеком, впервые посетившим Рыбинск. Наша концепция по размещению наружной рекламы включает установку рекламных щитов в Торговом центре города, и в местах прибытия туристов в Рыбинск. Впервые в 2002 г. нам удалось согласовать интересы музея с интересами администрации города, главного архитектора, главного художника, рекламного агентства “Мастер-график” и решить вопрос об изготовлении, установке и эксплуатации рекламного щита размером 3 на 6 м на углу улиц Крестовой и Кирова. В 2003 г. в сотрудничестве с рекламной фирмой “СВ-студия” удалось разместить биллборд таких же размеров на площади у железнодорожного вокзала. Через год у Рыбинского причала так же появился наш рекламный щит. Затем рекламный триптих с указанием генерального спонсора, закрыл большие окна на южном фасаде главного здания музея. И, наконец, в 2005 г. на окружной дороге, в районе развилки Копяево – санаторий им. Воровского, был установлен еще один биллборд.

Таким образом, на данный момент почти все места въезда и прибытия гостей города информируют их о месторасположении музея-заповедника.

Обслуживание туристов, требует моментального реагирования на любые изменения туристского потока. С этой целью с марта 2002 г. и по настоящий момент было проведено несколько маркетинговых исследований, которые показали, что за период с 2001 по 2005 годы количество туристов, посетивших музей-заповедник, увеличилось в 1,6 раза. Однако, наибольший рост (почти в 3 раза за 5 лет) отмечен не у категории “теплоходных групп”, а у категории, условно называемой “другие туристы”.

Летом 2005 г. ситуация складывалась следующим образом. В течение турсезона к Рыбинской пристани причалило 82 теплохода (в сезоне 2004 г. их было 78). РЦТ для посещения музея с экскурсионным обслуживанием было сформировано 78 групп (в 2004 г. - 65 групп). К категории туристов относятся группы организованные турфирмами Рыбинска, либо фирмами других городов, среди которых доминируют Москва и Ярославль.

Годы	Вид	Количество экскурсий	Количество экскурсионных посещений	Итого	
				экскурсий	человек
2001	Теплоходные группы	243	4527	354	5746
	Другие туристы	111	1219		
2002	Теплоходные группы	174	4251	278	5532
	Другие туристы	104	1281		
2003	Теплоходные группы	285	6262	415	7567
	Другие туристы	130	1305		
2004	Теплоходные группы	246	5797	430	9151

	Другие туристы	184	3354		
2005	Теплоходные группы	249	5874	418	9393
	Другие туристы	169	3519		

Следует отметить, что Рыбинск входит в состав так называемого “Большого Золотого кольца”, существует так же “Малое Золотое кольцо”. Статус малого и большого Золотого кольца не является официальным, это названия туров. Путешествуя по “малому кольцу”, можно посетить Переславль-Залесский – Ярославль – Кострому – Суздаль – Владимир и др., в основном областные центры, программа включает не более 5 городов. Общая продолжительность такого путешествия – от 2 до 5 дней. Поездка по “большому кольцу” (от 7 городов) включает посещение небольших городков с богатым историческим прошлым, к ним относится и Рыбинск. Длительность тура – от 4 до 8 дней, посещение Рыбинска входит лишь в дополнительную программу основных маршрутов.

Общее количество человек, посетивших музей в течение турсезона, выросло, несмотря на то, что сезон навигации пассажирских теплоходов открылся лишь 1 июня, а туристов, прибывающих водным путем, в мае 2005 г. было значительно меньше, чем в 2004 г. Слабый поток туристов в мае сбалансировали сотрудничеством с агентством “Каравелла” и “Рыбинским бюро путешествий”.

Часто, предлагая посещение Рыбинска, турфирмы других городов связываются с местными фирмами, которые, в свою очередь, предоставляют программу посещения и берут на себя сопровождение туристских групп по городу и в музей. Это фирмы: “Рыбинский центр туризма”, “Рыбинское бюро путешествий” и агентство “Каравелла” (активное сотрудничество с 2005 г.). Преимущество в сопровождении групп речных круизов на протяжении уже нескольких лет остается за “Рыбинским центром туризма”, остальные турфирмы сопровождают или организуют автобусные туры.

Музей, как основная достопримечательность города, мы надеемся, всегда будет востребована данной категорией. Уровень посещаемости в большой степени зависит от сотрудничества с турфирмами, активизация их деятельности приводит к повышению посещаемости музея туристами.

Программа посещения города туристами состоит из комплекса, который включает экскурсию по городу + музей-заповедник + музей Мологского края + шлюзы и дамба + ГЭС, программа корректируется в зависимости от предпочтений клиентов, но, так или иначе, ее фрагмент, включающий осмотр города и музея-заповедника почти всегда остается неизменным. Иногда турфирмы в связи с экономией времени исключали из программы осмотр музея Мологского края, оставляя упомянутое сочетание музей-заповедник + город. Данные посещаемости музея Мологи показывают, что такой прием в сезоне 2005 г. применялся значительно реже. В отличие от динамики посещаемости основного здания, где индивидуальных посещений всегда больше, чем экскурсионных, для посещаемости филиала характерно обратное. Самостоятельных посетителей здесь на порядок меньше, нежели экскурсионных. Рассмотрев подробнее экскурсионную посещаемость можно отметить, что повышение наблюдалось в августе и сентябре. Посещение музея Мологи, как части комплексной программы знакомства с Рыбинском, в сезоне 2006 г. стало более распространено. По-прежнему, серьезной проблемой остается посещение туристами музея А.А. Ухтомского.

Основная цель развития туризма – это создание и продвижение конкурентно-способного турпродукта. Проанализировав работу по обслуживанию туристов, мы пришли к выводу о необходимости создания новой интерактивной программы “И забавы, и труды ловецкой Рыбной Слободы”. Положив в основу маршрут гидовской экскурсии, в различных залах мы дополнили осмотр экспозиций анимацией.

Сидорова И.М., докт. филос. наук
г. Рыбинск

СФЕРА СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ УСЛУГ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Чтобы преодолеть социально-экономический кризис в России необходимо перейти на качественно более высокий уровень развития, связанный с интенсивными источниками роста, прежде всего с усилением роли человеческого фактора.

В то же время формирование профессионально грамотного, социально ответственного работника невозможно без развития сферы сервиса. Главная движущая сила современного информационного общества – человек, личность духовно развитая, творческая. Социальное развитие такой личности осуществляется в сфере социально-культурного сервиса.

Для создания развитой сферы социально-культурных услуг в России необходимо исходить из того, что услуги должны быть доступны каждому члену общества, а процесс их предоставления должен осуществляться на высоком организационно-правовом уровне. Именно поэтому сфера социально-культурных услуг должна стать приоритетным направлением государственного регулирования.

В настоящее время социально-культурные услуги связанные с духовным потреблением становятся узкоэлитарными. Во-первых, в силу высокой стоимости платных услуг, во-вторых, из-за их недостаточной общественной востребованности вследствие определенной социально-экономической политики государства.

Примерное сравнение сети предприятий сферы социального обслуживания в России и в странах Европы и США показывают, что рекреационных учреждений, музеев, клубов, гостиниц и т.д. в России в десятки раз меньше и они отстают по качеству организационно-технического и финансового обеспечения.

Многие виды обслуживания в нашей стране не получили развития или существуют в крайне примитивных формах. Так, в сфере отдыха и развлечений на начальной стадии развития находятся такие виды обслуживания как тематические парки отдыха, клубы здоровья, автоматические кинотеатры, кинотеатры для автомобилистов, кафе клубного типа, трейлерные парки, комплексы аттракционов на базе электронной техники. Во много раз меньше число теннисных кортов, бассейнов; массово недоступны телекоммуникационные системы информационного и развлекательного обслуживания на дому.

В апреле 2006 года на базе кафедры "Философии и социально-культурных услуг" был проведен опрос участников городского научно-практического семинара "Проблемы развития социально-культурного сервиса и туризма в г. Рыбинске" (основная аудитория – студенты РГАТА) на тему "Развитие сферы досуга и отдыха в г. Рыбинске". Вот его результаты:

1. Как, по вашему мнению, развита сфера отдыха и развлечений в г. Рыбинске?
 - 1) Хорошо – 3
 - 2) Удовлетворительно – 45
 - 3) Неудовлетворительно – 56
2. Какие учреждения культуры и отдыха представлены в недостаточном количестве?
 - 1) Музеи – 19
 - 2) Театры, кинотеатры – 59
 - 3) Спортивные клубы – 25
 - 4) Дискотекы – 31
 - 5) Гостиницы – 48
 - 6) Кафе, рестораны – 23
 - 7) Дворцы культуры – 19
 - 8) Парки отдыха – 86
 - 9) Игровые центры – 4
 - 10) Свой вариант: детские аттракционы; досуговые центры
3. С какой периодичностью Вы посещаете эти заведения?
 - 1) Один раз в год – 5
 - 2) Один раз в полгода – 10
 - 3) Один раз в месяц – 35
 - 4) Два и более раза в месяц – 21
 - 5) Каждую неделю – 24
 - 6) Несколько раз в неделю – 8
4. Какие культурные мероприятия Вы посещаете охотнее всего?
 - 1) Концерты – 54
 - 2) Спектакли – 26
 - 3) Соревнования – 13
 - 4) Городские праздники – 52
 - 5) Свой вариант: кино – 3; конференции – 1; дискотеки – 4; вечеринки – 2
5. Каким образом чаще всего Вы узнаете о предстоящих культурных мероприятиях?
 - 1) Реклама по телевидению – 44
 - 2) Объявления по радио – 28
 - 3) От друзей – 64
 - 4) Информационные стенды на улице – 38
 - 5) Получение листовок – 2
 - 6) Свой вариант: от родных – 1
6. Что, на Ваш взгляд, может содействовать развитию сферы социально-культурного сервиса и туризма в г. Рыбинске?
 - 1) Личная активность горожан – 43
 - 2) Заинтересованность администрации в проектах данной сферы – 86
 - 3) Культурно-историческое наследие – 11
 - 4) Спонсорская поддержка – 50
 - 5) Инвестиционная привлекательность – 36
 - 6) Свой вариант: убрать мусор – 2; работники СКСиТ с новыми идеями – 1
7. Чем можно привлечь туристов в г. Рыбинск?
 - 1) Архитектурными достопримечательностями, музеями – 31
 - 2) Посещением Рыбинского водохранилища, зеленой зоны – 48
 - 3) Интересной развлекательной программой – 42
 - 4) Посещением Дома отдыха, санатория, с/к Дёмино – 61
 - 5) Открытием новых развлекательных центров (аттракционы, игровые автоматы, аквапарк) – 35

6) Свой вариант: спортивная рыбалка, охота – 1; ухоженность города – 1; оригинальный брэнд – 1; открытие инновационных центров города – 1; экологические программы – 1

8. Что, по Вашему мнению, мешает развитию туризма в г.Рыбинске?

- 1) Отсутствие единой концепции развития туризма в городе – 44
- 2) Отсутствие финансирования – 69
- 3) Отсутствие необходимой рекламы города, нет туристического брэнда – 62
- 4) Отсутствие развитой туристской инфраструктуры – 50

5) Внешняя непривлекательность архитектурных зданий – 33

6) Свой вариант: административные барьеры – 1

9. Какими способами можно заинтересовать население в посещении заведений культуры?

- 1) Новые развлекательные программы – 24
- 2) Повышение качества обслуживания – 10
- 3) Повышение культурного уровня города – 3
- 4) Улучшение облика города – 6
- 5) Хорошая реклама, PR – 39
- 6) Сувениры – 2
- 7) Доступные цены – 8
- 8) Финансирование – 3
- 9) Информация о городе, культурных местах – 3
- 10) Активность горожан – 1
- 11) Новые турагентства – 1

10. Если бы Вы были иностранцем, посетили бы Вы в качестве туриста г. Рыбинск?

1) Да (почему?) – 14 (достопримечательности – 2; интерес к городу – 4; Молога – 1; ГЭС, шлюзы – 1; прелесть провинции – 1)

2) Нет (почему?) – 37 (город как после войны – 2; слабая инфраструктура – 3; малая известность города – 10; не привлекает – 5; не интересен – 8; нет брэнда – 1)

3) Затрудняюсь ответить – 49

11. Как, на Ваш взгляд, отразится подготовка специалистов в сфере социально-культурного сервиса и туризма РГАТА на социально-экономическом и культурном развитии региона?

1) Повысится уровень обслуживания на предприятиях сервиса – 57

2) Активизируется туризм – 25

3) В целом улучшится культурный облик города – 34

4) Молодежь гуманитарной направленности получит возможность получать образование в городе – 35

12. Что Вы хотели бы изменить в культурной жизни города?

1) Сделать платные виды отдыха доступными по цене – 36

2) Создание новых культурных мест по проведению досуга – 78

3) Улучшить качество оказываемых услуг в культурно-развлекательных учреждениях – 65

4) Ничего не менять, вас и так все устраивает – 1

5) Другие предложения: концерты классической музыки

13. Что, по Вашему мнению, мешает жителям города наилучшим образом проводить свое свободное время?

1) По-настоящему отдохнуть негде – 67

2) Свободного времени просто нет. Кругом работа – 8

3) На хороший отдых нет денег – 57

4) Отсутствие достаточной информации – 23

14. Согласно ли Вы с тем, что одной из наиболее значимых перспектив для развития города становится внутренний туризм?

1) Да – 74

2) Нет – 26

Результаты опроса свидетельствуют сами за себя. 54% опрошенных считают, что в городе негде отдохнуть. Еще 43% считают, что этот отдых недостаточно интересен и разнообразен. В качестве основного места отдыха молодежь предпочитает тематические парки, театры и кинотеатры, которых в городе либо нет совсем, либо они представлены в недостаточном количестве. К сожалению лишь 6% респондентов считают, что в городе не хватает музеев и дворцов культуры. При этом посещение развлекательных и досуговых учреждений и мероприятий происходит 1-2 раза в месяц 54%, в основном, это посещение концертов и городских праздников. 68% недостаточно развито в городе и информационное обеспечение культурно-массовых, досуговых мероприятий. В основном 36 % молодежи узнает о них от своих друзей или из рекламы по телевидению 25%. К сожалению, родители редко инициируют интерес своих детей к проведению культурного досуга: лишь 0,5% узнает информацию о культурном мероприятии от своих родных. Поэтому большинство респондентов отметило, что поднять интерес к посещению учреждений культуры можно за счет хорошей рекламы и ПР 39%. Также ощущается недостаток в новых развлекательных программах 24%. В качестве основных причин недостаточного развития сферы социально-культурного сервиса в городе были названы недостаточная активность администрации 38% и самих горожан 19%, а также низкая спонсорская и инвестиционная активность 38%. Для туристов РМО может быть привлекателен своими водными ресурсами, зеленой зоной, домами отдыха и т.п. (49%).

Развитию туризма в городе, по мнению респондентов, мешает отсутствие финансирования 27%, рекламы города 24% и развитой инфраструктуры 19%. К сожалению, большинство студентов не считают, что г. Рыбинск может представлять большой интерес для иностранцев 84%. В то же время студенты с оптимизмом относятся к своей будущей деятельности в городе в качестве специалистов по сервису и туризму, считая, что смогут в дальнейшем повысить уровень обслуживания, улучшить культурный облик города 60%.

Государственная «экономия» на социально-культурных услугах, в конечном счете, приводит к резкому падению общей культуры и духовности общества, потерям рабочего времени из-за болезни, усталости; психологическому напряжению, пьянству, наркомании, преступности и т.д. Например, в США общий объем расходов населения на товары и услуги рекреационного назначения (связанные с отдыхом) в 3 раза больше, чем расходы на алкогольные напитки, а в России наоборот, расходы на алкоголь в несколько раз выше, чем рекреационные затраты. Хорошо организованный досуг вытесняет пьянство, гармонизирует образ жизни, повышает уровень здоровья и качества труда, то есть коренным образом повышает качество жизни, влияет на духовное возрождение общества.

Салова Ю.Г., канд. ист. наук
г. Ярославль

БРАТЬЯ ЗОЛОТАРЕВЫ О РАЗВИТИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЭКСКУРСИЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ ЭКСКУРСАНТ»)

Одним из факторов, определявших развитие культуры в начале XX в. стало экскурсионное движение, захватившее все слои русского общества. Особенно бурно стали развиваться образовательные экскурсии, организуемые для учащихся различных учебных заведений. Ярославская интеллигенция активно включилась в процесс популяризации и организации экскурсий, привлекая к этому движению, прежде всего, учительство.

Большую роль в этих мероприятиях играли братья Золотаревы, которые стали постоянными авторами журнала «Русский экскурсант», созданного в Ярославле в 1914 году. Первая статья, посвященная организационным вопросам экскурсионного дела появилась уже в мартовском номере журнала. Она была посвящена, в том числе, и участию братьев Золотаревых зимой 1913 г. в работе съезда учительских обществ взаимопомощи им. К.Д.Ушинского, проходившего в С.-Петербурге. Одной из секций руководил С.А.Золотарев. На секции обсуждался вопрос об организации экскурсионной работы в школе. В докладе, посвященном образованию учительства, им был поставлен вопрос о повышении квалификации учителей, в том числе, и через образовательные экскурсии по России и за границу. Секция вынесла специальное решение уточняя, что экскурсии должны быть так организованы, «чтобы сообщали возможно полное знакомство с культурной жизнью посещаемых местностей и давали толчок к дальнейшему самообразованию»¹.

Доклад Д.А. Золотарева был посвящен участию учительства в изучении родного края. В нем, в частности, отмечалось, что при организации учительских курсов, на которых рассматриваются вопросы о методиках преподавания таких предметов как география, землеведение, этнография, по его мнению, помимо лекций важно устраивать экскурсии, которые знакомили бы учителей с методами исследования и приемами собирания различных материалов.

Д.А. Золотарев обращался и к проблеме теории и методики экскурсионного дела. В журнале он подробно проанализировал статью Г.Г. Шенберга «Цель и характер географических экскурсий»² с точки зрения организации дальних экскурсий в различные регионы страны. Основной вывод, сделанный автором, состоял в том, что на местах необходимо создавать экскурсионные бюро, главной целью которых должна стать помощь и содействие местным и приезжающим экскурсантам. Причем необходимо таких бюро, была очевидной как на губернском, так и на уездном уровне. По мнению автора, бюро можно организовать при местных научных обществах или при учебных заведениях, причем привлекаться к их работе могло бы, прежде всего, учительство. Образовательный характер экскурсий в этом случае становился бы доминирующим.

Д.А.Золотарев на страницах журнала поставил вопрос о связи экскурсионного движения с краеведением. В своей статье «Родиноведение и народный учитель»³ он подчеркивал, что устройство школьных музеев и экскурсий неразрывно связывают школу с родиноведением⁴. Прослеживая историю развития этого направления в России, автор отмечает, что в современных условиях чисто научные задачи изучения малой родины выдвигают «заботу об улучшении природных условия и жизни населения местного края».

Особая роль в развитии родиноведения, по его мнению, принадлежала и принадлежит учительству. Автор призывал учителей, особенно сельских, активнее включаться в процесс создания обществ по изучению местного края. Важно, чтобы это общество «выдвинуло своей задачей всестороннее изучение местного края и популяризацию научных сведений среди населения, а также получило право устраивать публичные лекции, организовывать экскурсии, участвовать в научных съездах, открывать музеи, опытные поля, печатать свои труды и т.д.»⁵. Именно такая деятельность будет способствовать сохранению культурного наследия России.

Занимаясь географией, антропологией, этнографией, Д.А.Золотарев особое внимание уделял преподаванию географии в средней школе. Именно поэтому он давал на страницах журнала информацию о важнейших мероприятиях в этой сфере, акцентируя внимание на экскурсионном методе преподавания предмета. В марте 1915 г. в Москве состоялся Первый съезд преподавателей географии, по результатам которого Давидом Алексеевичем был подготовлен доклад для Общества Землеведения при Петроградском университете⁶. Текст этого доклада был опубликован в журнале уже в мае того же года. Автор отмечал, что на съезде много

говорилось об экскурсиях, как в практическом, так и теоретическом плане. В резолюции, принятой съездом говорилось о необходимости введения льготных тарифов на транспорте, дававших возможность включать большее число школьников в экскурсионную работу, а также о необходимости организации домов-приютов для учащихся-экскурсантов.

В августе 1916 г. Министерство народного просвещения особым циркуляром рекомендовало делать экскурсии дополнительным элементом классного обучения. С.А.Золотарев вслед за этим публикует в журнале статью, посвященную литературным экскурсиям⁷, в которой предлагает использовать экскурсии на Кавказ, по рекам Волге, Оке, Белой для иллюстрации произведений Лермонтова, Гончарова, Аксакова.

В 1916 г. А.А.Золотарев на страницах журнала возвращается к проблеме работы экскурсионных комиссий⁸. В статье он предлагает экскурсионным комиссиям обратиться к организации в местных библиотеках специальных краеведческих разделов, в которых могла бы собираться литература по разным аспектам жизни края, а также созданию специальных библиографических отделов, которые должны заниматься составлением указателей. Еще одна проблема, которая, по его мнению, стоит перед экскурсионными комиссиями – издание хорошо подготовленных путеводителей с картами и планами, что будет способствовать развитию образовательных экскурсий.

Проблемы, поднимавшиеся братьями Золотаревыми на страницах журнала, довольно оперативно решались местными организациями, заинтересованными в развитии экскурсионного движения. Так, только в Рыбинске, стали организовываться гуманитарные экскурсии по городу, естественно-исторические на Волгу, особым направлением стала организация экскурсий для учителей на Кавказ. Таким образом, включение ведущих краеведов в процесс обсуждения роли учительства в краеведческой и экскурсионной работе, позволил им в дальнейшем предпринимать шаги к реализации высказанных идей в практике учебных заведений Ярославского края.

Примечания

1. Русский экскурсант. 1914. № 1. С. 9.
2. Там же. № 2. С. 5-10.
3. Там же. 1914. № 5-6. С. 6-14.
4. Там же. С. 6.
5. Там же. С. 11.
6. Там же. 1915. № 5. С. 266-275.
7. Золотарев С.А. Один из образовательных элементов экскурсий // РЭ. 1916. № 5. С. 6-8.
8. Золотарев А.А. Очередная задача экскурсионных комиссий // РЭ. 1916. № 6. С. 5-6.

Минькина Л.А.
г. Ярославль

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГУБЕРНСКИХ УЧЕНЫХ АРХИВНЫХ КОМИССИИ (НА ПРИМЕРЕ ЯРОСЛАВСКОЙ И КОСТРОМСКОЙ ГУАК)

Появление в конце XIX в. губернских ученых архивных комиссий было обусловлено катастрофическим состоянием провинциальных архивов, страдавших от перегруженности массой дел, не имевших к ним непосредственного отношения, и потому уничтожавшихся. В результате гибели документы большой исторической значимости. Назрела необходимость разбора и приведения в порядок архивов на местах. Идея создания комиссий, способных осуществлять функции, связанные с научной обработкой документов принадлежала одному из инициаторов развития архивного дела Н.В. Калачову. Во время проведения археологических съездов он попытался привлечь внимание научной общественности к проблемам архивов. На I археологическом съезде в 1869 г. им был прочитан доклад, где обосновывалось проведение реформы архивного дела, на следующих съездах снова поднимался этот вопрос. Заслугой Калачова является организация Археологического института, первым директором которого он стал.

В 1884 г. Петербургская Академия наук, поддержав идею Калачова, представила в кабинет министров проект положения о губернских исторических архивах и ученых архивных комиссиях¹. Согласно ему, комиссии, независимо от прямых обязанностей, связанных с разбором документов и организацией архивов, могли "включать в круг своих обязанностей разыскание, описание и объяснение всяких других памятников старины". Таким образом, уже изначально им отводилась роль местных исторических обществ. Научное руководство работой комиссий возлагалось на Археологический институт, что обуславливало их тесные связи с археологической наукой.

Археологическая деятельность комиссий развивалась по трем основным направлениям: сбор сведений о древних памятниках на территории края, проведение археологических раскопок и формирование коллекций для местных краеведческих музеев.

Члены Костромской комиссии И.Д. Преображенский, Н.М. Бекаревич, А.К. Голованчиков и др. неоднократно выезжали в уезды Костромской губернии с целью выяснения местонахождения городищ, курганов и других археологических памятников². Часто деревенские жители становились их проводниками, давали ценные сведения на этот предмет, выполняли вместе с ними "разведочные раскопки". Кроме того, Костромская комиссия разработала вопросный лист по археологическим древностям, который рассылался по всем уездам губернии и

включал такие вопросы, как: “Есть ли в данной местности курганы, возвышения, пещеры?”, “Как называются в народе?”, “Где находятся?”, “Были ли они раскопаны?”, “Было ли что-нибудь найдено там?” и т.п. В Государственном архиве Костромской области (ГАКО) хранится большое количество ответов на такие вопросные листы, присланных из многих местностей губернии³.

На заседаниях Ярославской комиссии также высказывалось мнение о том, что было бы полезно устно или письменно сообщать о новых историко-археологических материалах по Ярославской губернии, даже если они встречаются в текущей литературе, и указывать их первоисточник, т. к. “многое, часто весьма важное, но находящееся в посторонних, не посвященных Ярославской губернии изданиях..., не будучи отмеченным, легко забывается и остается неизвестным местным исследователям”⁴.

Необходимо отметить важный вклад членов ЯГУАК в дело сбора материала о древних памятниках Ярославского края. Так, например, И.В. Костоловский “из любви к археологии” ездил по маленьким деревням и селам и собирал сведения о местных памятниках старины: курганах, пустошах, церквях,кладах, предоставляя отчеты в комиссию⁵.

Важной частью работы ГУАК были археологические раскопки, проводившиеся, к сожалению, нерегулярно, в зависимости от наличия материальных средств. Тем не менее, ими было проведено большое количество археологических исследований на территории своего края.

Среди костромичей следует выделить В.Г. Пирогова, И.В. Миловидова, И.Д. Преображенского, Н.М. Бекаревича, которые проводили раскопки в своем крае. Ими было исследовано большое количество курганов и городищ Костромской губернии (только за период с 1891 по 1895гг. было открыто более 400 курганных могил в Каримовской, Ильинской, Минской, Кузнецовской и др. волостях⁶), сделан ряд публикаций, обобщающих сведения о древних поселениях и культурах разных эпох. Из ярославских ученых-археологов необходимо упомянуть И.А. Тихомирова и его наиболее значимые исследования курганов около с. Михайловское и д. Б.Тимирево, В.А. Городцова, проводившего раскопки могильника на Черной горе, а также Н.Е. Макаренко, Я.А. Ушакова и др. Результаты раскопок наиболее крупных археологических объектов были опубликованы⁷.

В 1903 г. И.А. Тихомиров составил справочное издание по доисторическим местным археологическим памятникам “Древности Ярославской губернии”. О необходимости подобных работ, ввиду их крупного научного интереса для археологии, не раз было сказано как в литературе, так и на всероссийских и областных археологических съездах. В 1905 г. вышла работа Н.М. Бекаревича, в которой были собраны сведения для составления археологической карты Костромской губернии⁸. В ней отмечалось местонахождение памятников, принадлежность их определенному периоду истории, давались сведения об основных находках.

Археологическая деятельность членов ГУАК, раскопки могильников и становищ создавали основу для широких научных обобщений, для выявления ареалов распространения отдельных культур и направлений их миграции. Особое внимание архивные комиссии уделяли проблеме заселения своих регионов. Археологические находки, наряду с пожертвованиями и покупкой предметов старины, составляли основу краеведческих музеев при архивных комиссиях.

Примечания

1. Положение об учреждении губернских архивов и ученых комиссий от 13 апреля 1884 г. // Полное собрание законов. Собр. 3. Т. 4. 1884.СПб., 1887. С. 226.
2. Государственный архив Костромской области (далее ГАКО). Ф. 179. Оп. 2. Д. 10, 35; Оп. 3. Д. 18.
3. ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 35-38.
4. Труды ЯГУАК. Кн. 3. Вып. 1. Ярославль, 1899. С. 55.
5. ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 174. Л. 18-28.
6. ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 27. Л. 210.
7. Городцов В. А. Раскопки могильника на Черной горе в окрестностях села Великого Ярославской губернии и уезда. Ярославль, 1898; Тихомиров И.А. Отчет о раскопках в Ярославской губернии и уезде под селом Михайловское // Извлечения из ЯГВ. Ярославль, 1898.
8. Бекаревич Н.М. Материалы для археологической карты Костромской губернии (Костромской уезд). Тверь, 1905.

Морозова Д.П., канд. ист. наук
г. Рыбинск

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ АРХИВЫ Г. РЫБИНСКА

11 октября 2006 г. исполнилось 85 лет со дня создания архива в Рыбинске - хранилища документальной истории нашего города. Именно в этот день на заседании коллегии Рыбинского губернского отдела народного образования было принято решение об открытии в Рыбинске губернского отдела Центрархива. Однако история архивного дела в Рыбинске начинается намного раньше.

В краеведческой литературе основное внимание уделено вопросам становления архивного дела в советское время¹, но упоминания об архивах отдельных городских учреждений встречаются в документах с начала XIX в. Эти сведения носят фрагментарный характер и не позволяют восстановить полную картину деятельности дореволюционных архивов в Рыбинске. В то же время они дают возможность рассмотреть отдельные аспекты их работы. Значительная часть материалов, хранящихся в современном архиве, - это документы из архивных фондов дореволюционных учреждений. В них отражены все стороны жизни города.

В России появление архивов относится к началу русской деловой письменности, когда возникла необходимость в собирании и хранении различных актов. По данным Д.Л.Самоквасова, в это время существовало “до 50 архивов при Московских приказах и до 1000 при провинциальных избах разных наименований”². В 1720 г. архивные документы в соответствии с 44 главой Генерального регламента были впервые официально отделены от текущего делопроизводства. Совокупность таких документов получила название – архив. Для хранения и обработки архивных документов впервые была введена особая должность – архивариус.

В период с XVIII до начала XX вв. делопроизводство центральных и местных учреждений значительно расширяется. В результате этого архивы при учреждениях стали увеличиваться в своих размерах. В 1884 г. был утвержден закон об организации губернских ученых архивных комиссий и исторических архивов при них. Основной задачей данных комиссий стал отбор материалов, имеющих научную ценность, причем из тех документов, которые предназначались к уничтожению. 15 ноября 1889 г. состоялось первое собрание членов губернской ученой архивной комиссии в Ярославле.

Дореволюционные архивы являлись собственностью того учреждения, документы которого хранились в архиве. В фонды таких архивов могли поступать материалы тех учреждений, которые прекращали свое существование. Архивы уездных учреждений не имели никакой связи между собой. Архив каждого учреждения обслуживал только свое учреждение и представлял собой, как правило, склад законченных делопроизводством документальных материалов. Основные задачи деятельности этих архивов состояли в обеспечении сохранности документов и предоставлении доступа к ним.

В Рыбинске были организованы архивы при Магистрате, Городской Думе, Полицейском управлении, Сиротском суде, Дворянской опеке, Мировом съезде, Городской управе, Земской управе и в других организациях и ведомствах. В период Первой мировой войны из Петрограда в Рыбинск были эвакуированы архивы Казенной Палаты, Пограничного жандармского Управления, Центральной Сберегательной Кассы, Монетного двора, Министерства финансов. К сожалению, все они погибли во время пожара винного склада в 1918 году. Кроме вышеперечисленных архивов, в Рыбинск поступили архивы школ и предприятий из других мест, полковые архивы³.

Сохранность архивных материалов напрямую зависела от места и условий их хранения. Начиная с XVIII в. выходит ряд указов, регламентирующих условия хранения архивных документов. А.И. Смирнов, в работе “Земский исторический музей”, рассматривая деятельность земских архивов, писал, что в “Высочайше утвержденном 2 января 1845 г. Учреждении Губернских Правлений (2 п.с. з.т. XX, № 8580) находится следующее постановление: “§ 284 – помещение архива должно быть просторное, сухое, со сводами, с каменными или кирпичными полами, с отдушниками для очистки воздуха и притом теплое, с духовыми, или иного устройства печами, которые топилась бы из подвалов, коридоров, или вообще вне самого помещения”⁴.

В значительной части это законодательство оставалось на бумаге. Условия хранения архивных материалов не отвечали требованиям. Так, например, во время пожара в Рыбинске 3 июня 1811 г., затронувшего здание Магистрата и Думы, сгорела часть архивных документов. В журнале Рыбинской Городской Думы от 6 июня 1811 г. записано: “...хотя старались дела вытаскивать, но всех спасти было не возможно, при всем том, будучи таскаемые в разные места и переносимы из одного в другое место, где только открывался случай к спасению, некоторые уповательно растрчены и теперь все что собрано, находится еще ... без разбору...”⁵ После осмотра спасенных материалов было установлено, что в наличии оказались дела, журналы и приходо-расходные книги с 1786 г. по 1808 г., на которые была составлена новая опись. Сами же дела поступили на хранение в архив Городской Думы⁶.

Положение других архивов государственных и общественных учреждений, организаций также не было идеальным. Дела магистрата долгое время хранились в двух палатках под Преображенским собором. В 1822 г. Рыбинский городской магистрат представил сообщение в городскую думу, в котором отметил, что одна из палаток обита тесом, и дела в ней хранить удобно, а вот второе помещение очень сырое, со стен летит вода, что приводит к гибели дел⁷. Архив земского суда располагался в здании биржи. В обращении в городскую думу было указано, что “перила на входной лестнице... выкачались и наклонены к падению, ... стекла в окнах обветшали...”⁸.

В 1830 г. Ярославское губернское правление осуществляло в Рыбинске ревизию присутственных мест. В числе недостатков было отмечено, что в “архиве ... нет порядочных описей, а где есть оные, то дела расположены по полкам кое-как – на обертках их нет №№ по описям следующих, при требовании дела архивариусы обращаются к отысканию по всем полкам не зная в которой связке отыскать дело...”⁹.

Нельзя сказать, что городские власти не пытались решать вопросы, связанные с обустройством ведомственных архивов. Так, например, на проведение ремонта в комнатах архива земского суда Рыбинской городской думой было выдано 13 руб. 45 коп.¹⁰. Кроме того, местные власти решали проблему размещения архивов городских учреждений, хотя на это и уходило довольно много времени. Вопрос о предоставлении места для хранения архива сиротского суда в помещении архива городского магистрата решался в городской думе с 1850 по 1857 год¹¹. Быстрее, всего в течение года, нашлось помещение для размещения уездного суда, дворянской опеки и их архивов. Этому способствовало распоряжение Ярославского губернского правления, в котором указывалось, что “...город Рыбинск имеет довольно количество зданий и ныне от воинского постоя находятся свободными”, их владельцы могли бы предоставить помещения под учреждения с архивами. Отмечалось, что дом должен быть “удобный и безопасный”¹². И такой дом был найден. Владелице его, Евдокии Ивановой, пришлось перед размещением в доме уездного суда и дворянской опеки с их архивами, произвести ремонт печей, так как во время их топки существовала возможность возгорания комнат¹³.

Состояние архивных дел зависело, во многом, и от хранителя архива – архивариуса. Как правило, архивариус совмещал несколько должностей, что отражалось на качестве ведения архивных дел. Например, заведующий архивом Рыбинской городской управы состоял на службе в Управе канцеляристом¹⁴. Архивариус Городской думы Тихомиров состоял в должности повытчика в этом же учреждении¹⁵. В отзыве, сохранившемся об Якиме Якиманском, архивариусе и копиисте полиции, значится, что: “По старости лет и по почерку письма с нуждою своею должность отправляет”¹⁶. При совмещении обязанностей архивариус не мог уделять должного внимания архивной работе.

Кроме того, незначительная оплата труда не привлекала на эти должности лиц, заинтересованных в установлении и поддержании порядка в архиве. В прошении Андрея Васильевича Ключкина о назначении его на должность заведующего архивом Сиротского суда указано, что, работая писцом в Сиротском суде и Городской думе, он получает 240 рублей в год, за работу же в архиве просит платить ему 110 рублей в год¹⁷.

Положение, сложившееся в архивном деле в Ярославской губернии, ярко охарактеризовано в отчете Ярославской губернской архивной комиссии. В нем указано: “Самое лучшее, что можно ожидать в подобном случае, судя по настоящему положению вещей, это довольно таки бесцветного прозябания, да и то лишь при условии, если найдутся люди, настолько любящие, с одной стороны науку, а с другой родину, что, не смотря на полную безнадежность видать когда-либо плоды своих усилий и встретить хотя бы сочувствие, будут насколько позволят им жизнь разбирать архивы и складывать в запустелое помещение отобранные дела и документы в той надежде, что может когда-нибудь их разберут и используют, что когда-нибудь и они понадобятся, что, наконец когда-нибудь взяты за все это дела несколько иначе чем теперь – серьезно, с любовью...”¹⁸.

Такая оценка дана была не случайно. С одной стороны, местные власти и сотрудники городских учреждений не придавали большого значения хранению документов. Средства для ремонта и содержания архивов выделялись не регулярно. К архивным материалам относились как к обычным исписанным листкам бумаги, не понимая их исторического, научного значения. С другой стороны, для чиновников документы время от времени требовались для работы, поскольку представляли юридический, финансовый или другие интересы. Поэтому архивариус должен был не только обеспечивать сохранность документов, но и вести их учет.

Уже в дореволюционных архивах при работе с архивными материалами применялся своеобразный учетно-справочный аппарат, упрощавший наведение справок о документах. В делах Рыбинской городской думы сохранились описи дел, находящихся на хранении в архиве¹⁹. В описи указывали дату поступления, заголовок дела. Однако наведение справок по такой общей описи было крайне затруднительно. Документы регистрировались в хронологической последовательности. Найти нужный документ по такой описи можно было легко только в том случае, когда известны точная его датировка и время поступления. Поэтому сотрудниками архива Рыбинской городской думы также велась и “Алфавитная книга архива”²⁰, в которой записи об имеющихся на хранении документах были расположены по темам (содержанию) в алфавитном порядке. В книге указывался заголовок дела, год и порядковый номер по общей описи. Такое ведение учета не только упрощало работу с документами, но и являлось одним из способов их охраны.

В заключении отметим еще раз, что деятельность и положение отдельного архива в Рыбинске зависело от заинтересованности того учреждения, в ведении которого оно находилось, в сохранении своих документов, и от работы архивариусов. Помощь городских властей была эпизодична и не могла решить всех проблем архивной работы. Однако работники архивов, в меру своих сил и возможностей, старались обеспечивать сохранность архивных документов. Свидетельством этого могут служить архивные дела, сформированные архивариусами и сохранившиеся до наших дней в неизменном виде.

Примечания

1. Симушкова М. История в документах // Рыбинская правда. 1971. 22 окт.; Волкова О. Знакомство с фондами РБФ ГАЯО // Рыбинские известия, 1996. 12 марта, 17 мая, 25 мая, 16 авг.; Ваганова Е. Документальное богатство // Рыбинские известия. 2001. 14 нояб. и др.
2. Смирнов А.И. Земский исторический музей. Опыт организации. Ярославль, 1915. С. 28.
3. Волкова О. Знакомство с фондом “РФ ГАЯО” // Рыбинские известия. 1996. 6 февр.
4. Смирнов А.И. Земский исторический музей. Опыт организации. Ярославль, 1915. С. 61-62.
5. РБФ ГАЯО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 630. Л. 1. Запись в журнале Рыбинской Городской Думы. 6 июня 1811 г.
6. Там же. Л. 20. Уведомление в Рыбинскую Городскую Думу от 23 августа 1815 г.
7. Там же. Д. 1281. Л. 1. Сообщение из Рыбинского городского магистрата в Рыбинскую городскую думу. 7 июня 1822 г.
8. Там же. Д. 3102. Л. 5. Обращение в Рыбинскую городскую думу. 13 августа 1838 г.
9. Там же. Д. 2269. Л. 1-1 об. Запись в журнале Рыбинской Городской Думы. 29 июля 1831 г.
10. Там же. Д. 3102. Л. 6. Обращение в Рыбинскую городскую думу. 13 августа 1838 г.
11. Там же. Д. 5120. Дело об увеличении помещения архива городского магистрата и помещении в архив дел и книг сиротского суда. 1850-1857 гг.
12. Там же. Д. 1278 Л. 3-3 об. Указ Ярославского губернского правления. 18 июля 1822 г.
13. Там же. Л. 14.
14. Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1599. Л. 1 об. Ответы на анкету Императорского Московского Археологического общества. 1900 г.
15. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2269. Л. 1-1 об. Запись в журнале Рыбинской городской думы. 29 июля 1831 г.
16. Волкова О. Знакомство с фондом РФ ГАЯО // Рыбинские известия. 6 февр.
17. РБФ ГАЯО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2269. Л. 11. Прошение А.В.Ключкина. 1831 г.
18. ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 18. Л. 3 об. Отчет о деятельности Ярославской губернской ученой архивной комиссии за 1890-1895 гг.
19. РБФ ГАЯО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1163. Опись архивных дел городской думы. 1792-1820.

20. Там же. Д. 1164. Алфавитная книга архива городской думы за 1786-1829 гг.; Д. 3443. Алфавитная книга дел, хранящихся в архиве городской думы за 1830-1840 гг.

Гарин Э.В., канд. биол. наук
Некоузский район, пос. Борок

СОЗДАНИЕ РОДОСЛОВНОЙ СХЕМЫ ДЛЯ ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОГО ЦЕРКОВНОГО ПРИХОДА ПО МЕТРИЧЕСКИМ КНИГАМ

В настоящее время генеалогия является не только вспомогательной исторической дисциплиной, но и используется в образовательных и воспитательных целях, как в школах, так и в детских садах. В краеведении изучение родственных отношений между людьми и построение родословных схем позволяет рассчитать ряд таких статистических данных, как среднее количество детей в семье, средний возраст вступающих в брак, средняя продолжительность жизни, уровень миграции населения и многие другие. Кроме того, знание родственных отношений позволяет понять взаимоотношения между семьями и мотивы поступков отдельных людей, родственные связи между которыми не очевидны для современных исследователей.

Основными источниками генеалогической информации являются метрические книги, исповедные росписи и ряд других архивных материалов. Реконструкция **родословных схем** (далее - **РС**) является достаточно сложным и длительным процессом, значительную часть работы приходится делать вручную. Идею создания РС крупных территорий могли бы поддержать энтузиасты на местах, имеющие дело с архивами, которые составили бы РС для отдельных регионов нашей страны. Сходные методические подходы дадут возможность со временем соединить отдельные РС через общих членов, а использование компьютерных программ позволит значительно облегчить поиск родственников на таких схемах. Но надо отметить, что создание крупных РС с большим количеством человек в каждом поколении достаточно затруднительно. Родственные связи при продвижении вглубь веков становятся всё более взаимопереплетающимися, что затрудняет графическое изображение подобных схем. Создание РС даже масштаба крупного церковного прихода уже малоприспособлено для восприятия на глаз, и может расцениваться скорее как база данных, из которой удобно «выщеплять» информацию по какому-либо конкретному вопросу, например: «предки некоего человека» (восходящая РС), «потомки некоего человека» (нисходящая РС) или более сложный вариант: «потомки предков данного человека», позволяющий найти многочисленных братьев, сестёр разной степени родства для произвольно взятого человека.

Идея создания РС для ограниченной территории возникла у автора при построении своей РС и получила одобрение и поддержку местных краеведов. Но, насколько нам известно, к созданию таких крупных схем, как родословная целого церковного прихода (тем более такого масштаба, как Мышкинская, всекацкая, всещицкая РС), ещё никто не приступал.

Рассмотрим пример создания РС сельской местности по **метрическим книгам** (далее - **МК**). (Прежде всего хочется отметить, что оптимальным по количеству первичного материала, а также в силу исторически сложившихся причин является создание РС уровня церковного прихода. В противном случае при создании РС для каждого малого населённого пункта исследователю придётся вновь и вновь просматривать одни и те же МК по числу населённых пунктов данного прихода). Итак, работая с МК, мы сталкиваемся с тремя фактами жизни человека: рождение, венчание (не всегда) и смерть. Это основные данные, на которые мы будем опираться. В общем виде вся работа по построению региональной РС сводится к трём основным этапам: выписка первичных данных из МК, трансформация записей МК к **фрагментам РС** (далее - **ФРС**), последовательное слияние ФРС в единую РС.

1. Выписка первичных данных из МК. Поскольку в большинстве случаев записи в МК стандартны, для непрофессионально занимающихся родословными исследованиями можно рекомендовать упрощённую схему работы в архиве. При этом перед посещением архива полезно заготовить (начертить или распечатать) таблички с основными полями, последовательность которых в ниже приведённых таблицах дана таким образом, чтобы можно было заполнять их слева направо при просмотре МК. Примеры такого рода таблиц с образцами записей:

Дата рождения	Имя новорожденного	Населённый пункт	Отец / Мать новорожденного
28.03.1905	Евфраимий	Нивищи	кр. Стефан Петров Кудрявцев / Ирина Осипова

Дата венчания	Венчающийся			Венчающаяся		
	Нас. пункт	Отец	Имя, исповед., возраст	Нас. пункт	Отец	Имя, исповед., возраст
02.02.1905	ПСв д. Княгина	кр. Фёдор Никитин Сорокин	Сергей Фёдоров, П1/18	ПСв д. Нивищи	*кр. Андрей Кононов Крылов	д.-д. Густиния Андреева, П1/19

Дата смерти	Населённый пункт	Отец умершего	Имя умершего	Возраст умершего
06.03.1905	д. Нивищи	*кр. Андрея Игнатъева	жена вдова Надежда Филиппова	69

29.03.1905	д. Нивищи	кр. Андрея Федотова Кузнецова	д.-м. Матрона	4 мес.
------------	-----------	----------------------------------	---------------	--------

Сокращения, используемые в приведённых примерах: “ПСв” - Покрово-Сицкой волости; “(П1/18)” - православный(-ая), первым браком, 18 лет; “кр.” - крестьянина; “Чкр.” - умершего крестьянина; “д.-д.” - дочь-девица; “д.-м.” - дочь-младенец.

II. Преобразование записей МК к ФРС. Перевод табличной информации в графическую также несложен. Ниже приводим ФРС, полученных на основе вышеприведённых табличных примеров.

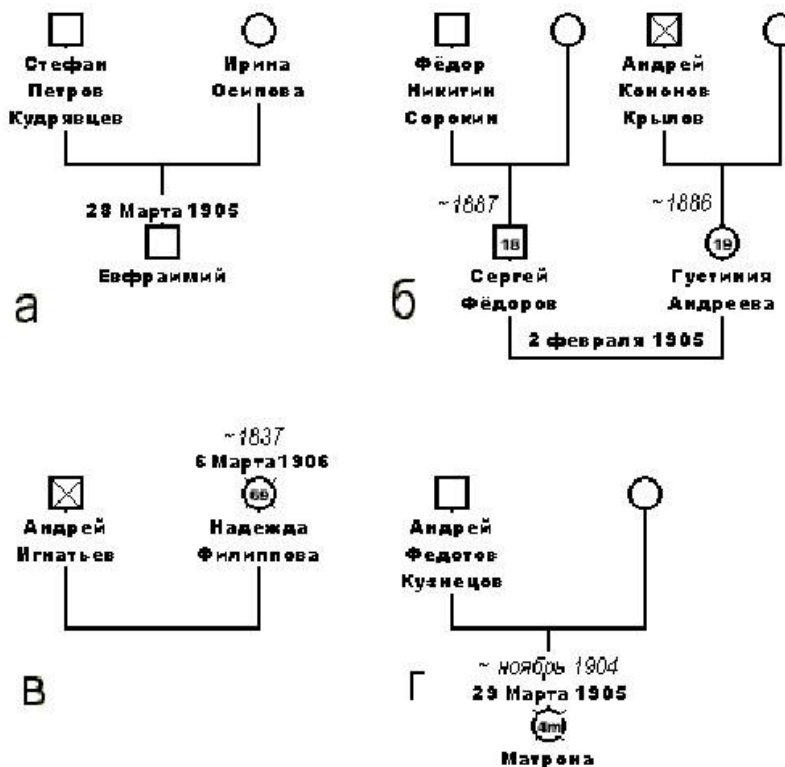

Рис. 1. ФРС: а) “О родившихся”; б) “О бракосочетавшихся”; в, г) “Об умерших”.

Отметим, что во ФРС “О бракосочетавшихся” указаны возраст венчающихся, т.к. это в дальнейшем поможет сопоставить пары ФРС. С той же целью в данном примере указано, что отец венчающейся на день венчания дочери уже умер. Во всех случаях, где есть возможность, курсивом указаны возможные даты рождения; в ходе дальнейших исследований они могут заметно отличаться от предполагаемых, поскольку возраст в МК указывался весьма приблизительно, и ошибка в несколько лет не является редкостью.

III. Последовательное слияние ФРС в более крупные блоки. Получив в результате преобразования записей МК ряд ФРС, на заключительном этапе необходимо слить их в более крупные блоки. В целом это напоминает детскую игру “Puzzle”. На первых порах удобнее “склеивать” рядом расположенные ФРС: сначала внутри каждого года, затем сравнивая записи МК по смежным годам. Так, для д. Нивищи (приход церкви с. Семёново) за 1905-й год приводится 7 записей о рождении, 3 - о венчании, 2 - о смерти. Но в этот год умер младенец, родившийся в этом же году, т.е., “склеивая” ФРС внутри одного года, вместо 12-ти получаем 11 ФРС. Для той же деревни за 1906-й год приводится 8 записей о рождении, 2 - о венчании, 7 - о смерти; и в этом году также умирает новорожденный младенец, т.е. вместо 17-ти получаем 16 ФРС. Теперь, сравнивая эти два смежных года, замечаем, что происходит “склеивание” ещё двух пар ФРС, следовательно, вместо первоначальных 39-ти получаем 35 фрагментов, т.е. количество ФРС сократилось на 10% уже в самом начале работы. Как правило, “склеивание” ФРС на первых этапах чаще всего происходит по схемам “венчание!первый ребёнок” и “рождение ребёнка!смерть младенца”. Теперь на примерах покажем, как происходит “склеивание” ФРС.

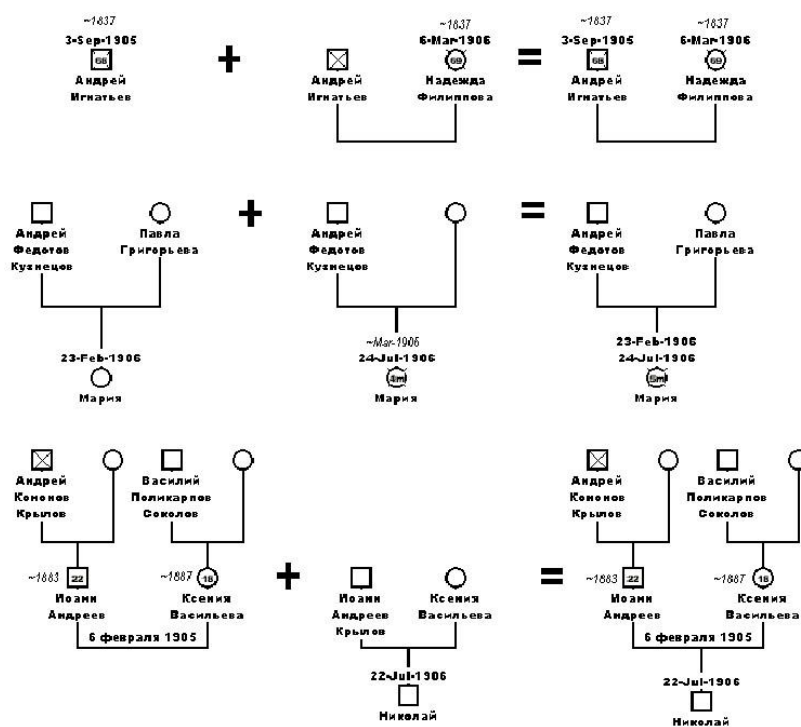

Рис. 2. Примеры слияния пар ФРС

Теперь, заметно сократив количество ФРС, можно “склеивать” ФРС по несмежным годам:

а) зная возраст венчающегося или умершего, находим ФРС с именами родителей, соответствующий его рождению;

б) по именам родителей, начиная с года их венчания, находим ФРС, соответствующие рождению у них детей.

Необходимо учитывать и варианты написания имён, например: Гликерия – Лукерия, Евдокия – Авдотья, Егор – Григорий, Савва – Савелий, Стефан – Степан, Иоанн – Иван, Родион – Иродион, Осип – Иосиф; а также отчества: Исаиева – Исакова, Иудин – Юдин.

Стоит также отметить одну из наиболее ощутимых сложностей при создании РС такого масштаба: даже для небольшой деревни в десяток домов количество человек за полвека может достичь более тысячи жителей за счёт значительного количества умерших в младенчестве детей.

Очевидно, что чем на большую во временном плане глубину исследователь просмотрит МК, тем с большей вероятностью он сможет объединить все ФРС в единое дерево.

Степкина Т.А.
г. Рыбинск

КНИЖНЫЕ РЕДКОСТИ ИЗ ЧАСТНЫХ БИБЛИОТЕК НАЧАЛА XX В. В СОВРЕМЕННОМ СОБРАНИИ БИБЛИОТЕКИ ИМ. ЭНГЕЛЬСА

История создания большинства рыбинских публичных библиотек относится ко второй половине XIX – началу XX веков. Нам известно о существовавших уже в XVIII веке частных книжных коллекциях в дворянских имениях Рыбинского уезда¹. Девятнадцатое столетие характеризуется основанием целого ряда библиотечных фондов. Это итог как частного, так и общественного собирательства. К концу XIX - началу XX веков в городе существовало несколько крупных библиотек, в основу которых были положены книжные коллекции, подаренные частными лицами.

В начале XX века в городе появилась Рыбинская публичная библиотека. История её создания началась в 1909 году с предложения Владимира Федоровича Джунковского, опекуна над наследниками и имуществом Сергея Владимировича Михалкова, о передаче в собственность г. Рыбинска части библиотеки Михалковых в 6 000 томов. Семейная библиотека рода Михалковых ещё при жизни Владимира Сергеевича была завещана и в 1910 г. передана Академии Наук в Санкт-Петербурге. Оставшаяся часть книг позднее стала основой фонда Рыбинской городской публичной библиотеки.

Городской голова К.И. Расторгуев от имени общества с глубокой благодарностью принял столь ценный дар и поручил городской Управе подыскать соответствующее помещение для библиотеки, названной “Михалковскою”.

Она была призвана обслуживать духовные потребности интеллигентного круга читателей городского населения и оказывать воспитательно-образовательное влияние на остальную часть жителей города.

В настоящее время в фонде редких книг сохранилась часть книжного собрания из коллекции Михалковых. Это книги художественные, исторические, книги по искусству на русском и иностранных языках.

Одна из самых авторитетных и уникальных – первый том многотомного сочинения **Николая Полевого** “**История русского Народа**”, изданный в 1829 г. В книге раскрывается исторический пласт от древнейших времен до разделения России на уделы. Наряду с историческими сведениями, автор дает оценку политическому и гражданскому устройству государства Руссов, проводит этнографический обзор России IX века, включены также географические сведения.

Издание обогащено дополнениями, в том числе таблицей генеалогической росписи русских князей от Рюрика до Ярослава, хронологическими указателями событий истории русского народа с 859 по 1055 гг., выписками из исторических документальных памятников о пришествии Варягов, Церковного устава князя Владимира. “История русского Народа” – подписное издание. Интересен факт, среди подписчиков приведены сведения по Ярославлю. Подписались – Его высокоблагородие Густав Андреевич Фохш и крестьянин Егор Васильевич Трехлешов. Данные о подписчиках приведены в конце 1-го тома.

Продолжает историческую тему книга **Лефортова А.А. История Царствования государыни императрицы Екатерины II**. Книга вышла в 1838 году. В ней подробно говорится о таких событиях, как присоединение Крыма к России, 2-я турецкая война (1787-1792 гг.), война со Швейцарией (1788-1790 гг.), 2 и 3-ий разделы Польши, присоединение к России Герцогства Курляндского. Издание снабжено примечаниями, которые дополняют сухой хронологический язык описания исторических событий бытовыми зарисовками и текстами – копиями подлинных документов указов, записок и писем государыни.

Наиболее полно жизнь Екатерины II представлена в многотомном издании **Брикнера А.Г. История Екатерины Второй**. Издание А.С. Суворина 1885 года. Из коллекции Михалковых в редкий фонд попало только два тома: 4-й и 5-й. Издание уникальное, поскольку в каждом томе около 300 гравюр и украшений на дереве, исполненных лучшими иностранными и русскими граверами. Содержание – минимальное количество текста и портреты главных действующих лиц истории того времени, или фрагменты – картины событий. Автор многотомного издания – профессор русской истории Дерптского университета. Для человека, изучающего историю немалый интерес представляют издания – записки, дневники, воспоминания о виденном, слышанном или испытанном очевидцем того или иного периода жизни, той или иной эпохи. Изданием такого типа и является книга **Николая Ивановича Греча Записки о моей жизни**. Автор, трудившийся на поприще литературы, языкознания и журналистики, написал книгу, вышедшую в издательстве А.С. Суворина в 1886 году. В предисловии Греч объясняет причины, побудившие его к написанию воспоминаний: “Какая цель моих записок? Оставить моим детям, внукам, друзьям и приятелям воспоминания о жизни не слишком разнообразной, но богатой важными происшествиями, но довольно замечательной в кругу, который был для меня поприщем. Постараюсь писать как можно проще, без всяких затей, прикрас и авторских требований. Буду писать обо всем, что видел, слышал, испытал, о делах важных и о безделицах. Постараюсь об одном, чтобы в моих записках было, сколько можно больше правды. Безусловной правды не обещаю, и обещать не могу; она не далась никому человеку в этой жизни страданий, искушений, разочарований; довольно того, если он желает и старается быть правдивым. Буду щадить своих ближних, сколько возможно, но пощада эта будет ограниченная. Слабости людей, невольные их прегрешения, свойственные всякому человеку, – имеют право на умолчание их; но пороки гласные и вредные, подлость, коварство, злоба, лицемерие, неблагодарность, мстительность должны быть изобличены и, тем самым, наказаны”.

Сохранилось в фондах библиотеки и уникальное издание – **Коронационный сборник (Коронование в Москве 14 мая 1896 года)** в 2-х томах, изданный в 1899 году. Том 1 включает две части. 1-я – исторический обзор русских коронаций от поставления на Великое княжество Князя Дмитрия Ивановича до коронования Императора Александра III. 2-я часть – коронование Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Федоровны. Это подробная хронология событий коронационных дней с 6 по 26 мая. Фолиант богато иллюстрировал портретами членов царской семьи высокопоставленных чиновников, членов правительства, глав духовенства, особ приближенных к государю и государыне. В фотокопиях и рисунках представлены события коронации, исторические документы того периода: высочайшие манифесты, указы, рескрипты, приказы и другие правительственные распоряжения по случаю коронования; награды, пожалования и назначения; Высочайшие утвержденные церемониалы с поименованием лиц, принимавших в них участие; билеты, повестки, афиши, меню, программы и расписания. Представлено оглавление – список иллюстраций – воспроизведенных с фотографических снимков; иллюстрации и приложения вне текста. В издании также представлены все копии документов, планы расположения войск, план Соборной площади, план Успенского Собора, программы торжественных представлений в Императорском Большом Театре, программы Народных увеселений. Завершает том поименный список русских и иностранных корреспондентов, фотографов, художников. Это представители всех уголков империи и стран зарубежных, с которыми поддерживаются дипломатические отношения.

Это лишь немногие издания частной коллекции Михалковых, подаренные городской библиотеке и до настоящего времени хранящиеся в ее фондах.

В эту же библиотеку в 1913 году сделано крупное дарение в 4 000 томов на сумму 7 000 руб. от Константина Александровича Щербакова, владевшего собственным книжным магазином. В благодарность за столь щедрый дар один из отделов библиотеки назвали “Щербаковским”. В настоящее время в фонде редкой книги из подаренной К. А. Щербаковым литературы сохранились отдельные издания исторической и естественно-научной

литературы, наиболее интересным из которых является двухтомное издание М. Ределина Дом и хозяйство: Руководство к рациональному ведению домашнего хозяйства в городе и в деревне (СПб, 1900 г.). В первом томе представлены общие основания благоустройства, подробные и ценные указания по уходу за домом, садом, огородом, цветником, домашней птицей, коровой и лошадей. Представлена масса важных практических советов и приемов ведения домашнего хозяйства. Второй том – это великолепная поваренная книга, содержащая более тысячи кухонных рецептов. Автор рассказывает о рациональной кухне, сбалансированном питании, о составлении сезонного меню. Каждый рецепт обозначен временем изготовления. Оба тома снабжены множеством разъясняющих рисунков. Наличие в библиотечных фондах тех лет подобного рода литературы говорит о том, что умение вести дом было очень важно. Дом – понятие философское, рядом с которым стоят – земля, корни рода, семья, генетическая память. Дом держит стены, вещи и традиции. Умение хозяйствовать – вести дом – передавалось от поколения к поколению. Стремление к благосостоянию своего дома, своей семьи заложено в природе человека. Из благосостояния отдельных семей складывается благосостояние государства. Поэтому значительное количество книг посвящено различным ремеслам и рациональному ведению домашнего хозяйства.

Особое место среди книжных дарений XIX века занимает коллекция Михаила Ивановича Черникова (1858-1917). Действительный статский советник, командированный в Рыбинск из Санкт-Петербурга, стал первым директором Рыбинского коммерческого училища (до 1912 г.). Здесь он показал себя не только хорошим преподавателем, но и прекрасным организатором педагогического и ученического коллективов. Он был человеком широких взглядов и интересов.

Главная обязанность директора состояла в надзоре за ходом преподавания и воспитания, за порядком вверенного ему училища и за точным исполнением всех положений устава училища, распоряжений Министерства Финансов, относящихся к училищу, и постановлений попечительского совета и педагогического коллектива.

М.И. Черников владел великолепным частным собранием книг, в которое входила литература по различным отраслям знания: естественно-географические науки; справочные издания; художественная литература (отечественная и зарубежная); материалы по искусству, нотные коллекции. Эта библиотека впоследствии составила основу созданной при Рыбинском коммерческом училище библиотеки для учащихся.

Полностью библиотеку М.И. Черникова до нашего времени сохранить не удалось, отдельные экземпляры книг из этой коллекции находятся в редком фонде библиотеки им. Энгельса. Сохранившаяся часть библиотеки М.И. Черникова составляет 60 экземпляров книг, изданных до 1917 года (XIX век; начало XX века). Книги хорошо сохранились, так как переплет книг, как правило, сделан на твердой основе с целью придания экземпляру максимальную долговечность. К сожалению, многотомные издания достались нам в наследство в разрозненном виде, но даже сохранившиеся экземпляры представляют немалую ценность. Наиболее интересным является естественно-научное издание **Жизнь растений**, автором которого является выдающийся немецкий ботаник **Кернер фон Марилаун А.** Исследование посвящено проблемам внутренней структуры растения, особенностям питания растений и классификации растительных форм. Исследователь раскрывает принцип работы и движения протоплазмы, ее сущность и внутреннее устройство, а также взгляды древних и современных автору ученых на изменения в растительном мире. Выше указанное сочинение имеет 215 рисунков в тексте, 13 врезанных картин на дереве и 21 хромолитографию. Исторические сочинения представлены книгой **Курбского А. М. История Иоанна Грозного. Переписка Курбского с Иоанном. Письма Курбского к разным лицам.-СПб, 1842.** Его сочинения отражают личную историю Иоанна Грозного; историю возникновения и деятельности опричнины. В переписке кн. Курбского со светскими и духовными властями отражена общая картина внутривосточных проблем; военное состояние Российского государства; приведена генеалогическая таблица рода Курбских и план осады г. Казани.

В коллекции Черникова сохранилось издание, особо ценное для пушкиноведов. Это **Альбом Пушкинской выставки**, устроенной обществом любителей российской словесности. В залах исторического музея в Москве 29 мая - 13 июня 1899 г. – М., 1899. – 108 с., ил. Альбом Пушкинской юбилейной выставки составлен под редакцией Майкова Л.Н. и Модзалевского Б.Л., вышел в свет в Санкт-Петербурге в мае 1899 г. Выше указанный сборник содержит фототипически исполненные снимки портретов, рисунков, гравюр, рукописей общим количеством 250 штук. Пушкинский сборник был издан в год юбилея (100-летия со дня рождения). Тематика портретов самая разнообразная: царствующие особы, Пушкина А.С. в разные периоды его жизни; изображены также почитательницы его таланта из высшего российского общества. Приведены виды различных городов и местностей Российской империи первой половины XIX века (Санкт-Петербурга, Одессы, общий вид побережья Черного моря, виды и типы, Кавказа) и т.д.

Библиотека М.И. Черникова имела в своем составе обширный репертуар книг по искусству, а также художественных произведений античной литературы (Вергилий и Софокл), отечественных и зарубежных классиков (И. Гете, В. Шекспир, К. Беранже, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Гоголь и др.). Можно даже встретить либретто опер итальянских композиторов. Это говорит о не только о высоком уровне образованности владельца библиотеки, но и заботе его о развитии общей культуры и художественного вкуса у своих подопечных.

Примечания

1. Михайлова Г.Б. Дворянские библиотеки Рыбинского уезда XVIII - начала XX вв. // История библиотечного дела в Рыбинске. Материалы конференции 15 ноября 2005 г. Рыбинск, 2005. 74 с.

Список литературы:

1. Альбом Пушкинской выставки, устроенной обществом любителей российской словесности в залах исторического музея в Москве 29 мая - 13 июня 1899 г. М., 1899. 108 с., ил.
2. Брикнер А.Г. История Екатерины Второй. Ч. 4. Внутренняя политика. Ч. 5. Последние годы. Личность императрицы. – СПб.: Типогр. А.С. Суворина, 1885. 801 с.
3. Греч Н.И. Записки о моей жизни. СПб., 1886. 504 с.
4. Кернер фон Марилаун А. Жизнь растений.
5. Коронационный сборник / Под ред. В.С. Кривенко. Т. 1-2. СПб., 1899. Т. 1. 414 с. Т. 2.-336 с.; илл.
6. Курбский А. М. Сказания князя: История Иоанна Грозного. Переписка Курбского с Иоанном. Письма Курбского к разным лицам. СПб., 1842.
7. Лефорт А.А. История Царствования государыни императрицы Екатерины II. Ч. 4. М., 1838. 335 с.
8. Полевой Н История русского народа. Т. 1. М.: Типогр. Августа Семена при Императорск. Мед.-Хирург. Академии, 1829. 368 с.
9. Ределин М. Дом и хозяйство. Руководство к рациональному ведению домашнего хозяйства в городах и деревнях. В 2-х томах. СПб., 1900. Т. 1. 442 с.; Т. 2. 451 с.

Рыкунова И.И., Рыкунов А.Н., докт. техн. наук
г. Рыбинск

ИТОГИ РАБОТ 2005 ГОДА НА ПАМЯТНИКЕ АРХЕОЛОГИИ УСТЬ-ШЕКСНА

В 2005 г. экспедицией Рыбинского музея-заповедника были продолжены работы на поселении XI-XVI вв. Усть-Шексна, расположенного на правом берегу р.Шексны – левого притока Волги – в границах современного г.Рыбинска Ярославской области. Раскопки производились в южной и северной частях памятника.

В южной части исследовано 2 участка общей площадью 110 кв. метров, примыкающих к раскопу 4 предыдущего года. Как и ранее проявились следы интенсивного использования территории в XVIII-XX вв. На большей части площади участка 6 средневековый слой нарушен поздними перекопами, каковыми являются все слои бурой супеси, разделенные нами на 4, слегка различающихся по цвету, включениям и плотности. Темно-бурая супесь с многочисленными остатками построек в виде фрагментов кирпичных кладок с забутовками, может быть отнесена ко второй половине XIX в., а остатки построек могли быть частью усадьбы известных рыббинских купцов Жеребцовых, возведенной здесь в начале XX в. В забутовке одного из строений обнаружен расколотый на 2 части фатьяновский шлифованный топор-молот. Слой светло-бурой супеси содержал разрозненные следы строительных работ в виде пятен известки, единичных осколков кирпичей и древесного тлена. Многочисленные массовые находки (более 100 фрагментов курительных трубок, сочетание сероглиняной и чернолощеной керамики) датируют его концом XVIII – серединой XIX вв. В середине XVIII в. на участке была возведена крупная бревенчатая постройка с заглубленной до 240 см нижней частью. От нее сохранился дощатый настил на площади 800x400 см, положенный на поперечные бревна-лаги. При сооружении настила вторично использовались доски с нагельными отверстиями диаметром 4 см, в половине которых сохранились деревянные, плотно пригнанные пробки. Такие доски могли быть взяты при разборке судов. Рыбинск в это время был крупным торговым центром, перевалочным пунктом на пути в Петербург, хлебным складом России и столицей бурлаков. Здесь, судя по историческим данным, делали большое количество плоскодонных судов, использовавшихся редко более года. Доски от таковых судов и были использованы при возведении исследованной нами постройки.

Обращает на себя внимание большое количество курительных трубок – более 100 фрагментов и осколков винных бутылок. Можно предположить, что здесь располагалось питейное заведение типа кабака, поскольку в патриархальном Рыбинске, судя по литературным источникам, курение порицалось. Средневековый культурный слой оказался сильно нарушенным и проявился лишь фрагментарно. Несмотря на это, удалось доследовать развал ювелирной литейной печи, выявленной в 2004 г. Вблизи её северной части обнаружены угли, шлаки со стекловидными включениями, две льячки и круглая золотая пластинка диаметром 1,1 см, вероятно, заготовка. К находкам этого периода также относятся две пятиугольные накладки, железная пряжка, наконечник стрелы – срезень в виде узкой лопаточки, 2 шумящих привески, бусы и фрагменты стеклянных браслетов.

В западной части раскопа 4 на участке 5 проявился культурный слой мощностью от 64 см в западной части до 205 см – в восточной. Наблюдается значительный подъем уровня материка: от - 22 см вблизи западной границы до - 185 см – у восточной. Вероятно, в западной части участка нами зафиксирована береговая речная гряда, созданная многолетними разливами рек Шексны и Волги. Средневековый культурный слой здесь не отмечен, вероятно, он был либо полностью смыт во время подъема уровня воды, либо нарушен позднейшей жизнедеятельностью, при последней могла быть срезана и сама гряда. О подъеме уровня воды мы судим по наличию прослойки светло-коричневой стерильной супеси мощностью от 10 до 30 см. Она проявилась по всей площади участка, кроме упомянутых выше западных квадратов, на глубине от 20-30 до 90-120 см. Данный слой разделяет верхний слой – бурю супесь XVIII-XX вв. и нижний – средневековую темно-коричневую супесь, свидетельствуя о перерыве в жизни поселения. Средневековый слой имеет мощность от 10 см в западной части участка до 85-90 см – в восточной. Единичные фрагменты краснолощеной керамики начала XVI вв. датируют его верхнюю временную границу, находки лепной и раннекруговой керамики в сочетании с индивидуальными – наконечником ремня типа Борре и крестопорезным грушевидным бубенчиком – позволяют отнести нижнюю – к XI в. Большая часть керамического материала и индивидуальных находок относится к древнерусскому периоду – XII-XIII вв.: фрагменты стеклянных украшений, пряжки, накладки, топор рабочий, ножи, наконечник стрелы, гирька кистеня. Наибольший интерес представляют книжная застёжка-крючок, крест-энколпион и 2 вислые печати. У

первой на одной стороне – неясная выпуклость, на другой – трехстрочная, пока не прочитанная надпись. Другая печать анонимная, на одной стороне Богоматерь – Знамение, на другой – слабое изображение процветшего креста. Первая печать практически идентична находке 1995 года и сочетает изображение шестиконечного процветшего креста и Богоматери Оранты. Вторая аналогична буллам, принадлежавшим Игорю Ярославичу (Вольтынь: 1054-1057 гг.; Смоленск: 1057-1069 гг.). На одной стороне печати – надпись в 4 строки, на другой – плохо различимое изображение св. Константина в короне¹.

Непосредственных остатков жилищ из-за ограниченной площади участка, не выявлено, однако следами одного из них можно считать остатки печи в виде пятна обожженной глины, перекрывающего яму с углями. Остатками второго, более раннего, может быть пятно осуглиненной желтой супеси с более мелкими пятнами обожженной глины.

В предматериковом слое – осуглиненной в различной степени серооливчатой супеси мощностью 10-30 см, выявленном на большей части площади участка (кроме крайних западных и восточных квадратов), кроме не поддающегося определению керамического крошева, находок не обнаружено. Можно предположить, что данный слой является следами хозяйственного освоения территории (огород?) более раннего периода.

В связи с этим значительный интерес представляют находки в яме 4 комплекса ям 1 в западной части участка. Яма фиксировалась с глубины 77 см прослойкой с вкраплениями темных пятен органического тлена. На глубине 86-94 см в ней обнаружено компактное скопление монет-дирхемов, состоящее из 27 целых и 6 половинок. Монеты были окружены тонкой (около 1-2 см) прослойкой тлена практически черного цвета, вероятно, были завернуты в ткань типа мешковины. В непосредственной близости от монет были также выявлены 11 шаровидных сердоликовых бус диаметром от 0,8 до 1,4 см. Верхней датой бытования таких бус является середина XI в. Там же на глубине 85 см найден цилиндрический игольник размерами 5,6х0,8-1,3 см, расширяющийся к одному концу, орнаментированный кольцевидными выступами. Игольник подобного типа обнаружен в непосредственной близости на участке 3 раскопа 4 в 2004 году. Бытование подобных изделий прекращается в конце XI в.

Комплекс монет содержит только серебряные монеты эмиров из династии Саманидов, чеканенные, судя по всему, исключительно в среднеазиатских городах (среди названий читаются только три топонима: Бухара, Самарканд и аш-Шаш) на протяжении почти всего X века. Он распадается на две неравные, хронологически смыкающиеся группы. В первую входят два почти целых дирхема и шесть половинок 907-940 гг.. Часть этих монет была сначала обрезана в кружок. Все они свободны от окислов. Вторую группу составляют 25 дирхемов (почти все целые) 940-980 гг.. На каждом видны следы интенсивного окисления, многие покрыты толстым слоем окислов. Определение монет произведено А.А.Молчановым (Институт Всеобщей истории РАН).

Участки 24 и 25 раскопа 1 располагаются на территории северной крайней оконечности памятника. Несмотря на это, на обоих участках нами обнаружен древнерусский культурный слой конца XII – начала XIII вв. и собрана коллекция интересных находок. При этом следует отметить, что мощность слоя не превышает 20-25 см, общая численность индивидуальных находок и, особенно – керамического материала, значительно ниже, чем на других участках раскопа 1.

Значительное количество остатков металлургического производства в виде отдельных пятен и кусков шлаков в культурном слое, ям, заполненных углями и шлаками и сплошное шлаковое пятно в северной части участка 24, могут свидетельствовать о том, что основным занятием жителей данной части поселения, была металлургия. Большое количество предметов вооружения (обрывок кольчуги, 3 бронебойных стрелы, наконечник копья, топор-чекан) пока не нашли уверенного объяснения. Предполагать проведение здесь военных действий уверенных оснований на сегодняшний день нет. Скорее можно допустить размещение поблизости мастерской оружейника или остатков на сегодняшний день полностью уничтоженного могильника. В пользу последнего могут свидетельствовать мелкие обломки кальцинированных костей, отмеченных в слое ТКС. Из других категорий находок представлены украшения: крест трехлопастноконечный с эмалью, витой браслет, две крестовключенные привески, рубчатый перстень, двуглавая плоская ажурная привеска, фрагменты стеклянных браслетов и бус и немногочисленные бытовые вещи: 2 кресала и 3 ножа.

Значительный интерес для понимания и характеристики поселения Усть-Шексна в домонгольский период представляют найденные в яме 11 участка 25 обломки грубоформованных кирпичей и напольных плиток. Это первые свидетельства остатков каменного строительства на Усть-Шексне.

В целом, работы 2005 года расширили наши представления о средневековом памятнике Усть-Шексна и позволили найти новые доказательства городского характера поселения в конце XII - середине XIII вв.

Примечания

1. Выражаем глубокую признательность П.Г. Гайдукову (ИА РАН) за консультации и определение печатей.

Кадиева Е.К., канд. ист. наук
г. Ярославль

КЕРАМИЧЕСКИЕ КЛЕЙМА НА СОСУДАХ XII-XIII ВВ. С ПОСЕЛЕНИЯ УСТЬ-ШЕКСНА

Поселение Усть-Шексна планомерно исследуется А.Н. и И.И. Рыкуновыми с 1991 года¹. За все время раскопок на поселении обнаружено более 62 тысяч фрагментов керамики, относящейся к концу XI-XIII вв.*

Большой интерес вызывают клейма на донцах круговых сосудов. На сегодняшний день на поселении обнаружено 71 клеймо. Из них к исследованию были привлечены 65. Все знаки отпечатаны с помощью деревянной матрицы. 28 клейм сохранились целиком и 37 - фрагментарно. К сожалению, на Усть-Шексне пока не найдено ни одного сосуда полного профиля с оттиском на донце. Однако все хорошо сохранившиеся придонные части с клеймами имели диаметры от 8 до 13 см и, вероятно, относились к горшкам. Доля клейменных донцев поселения не превышает 1%. Вероятно, в данном случае можно проследить связь с северо-западными землями Древней Руси (Новгород, Псков), где клеймение сосудов было не распространено.

При описании клейм была использована классификационная схема, предложенная В.Ю. Ковалем и несколько подкорректированная нами с учетом специфики керамического материала Северо-Восточной Руси². По характеру рисунка все оттиски на донцах предложено разделить на четыре основные группы: геометрические; геральдические; буквенные; предметные.

Среди клейм Усть-Шексны выделяются следующие группы:

I. Геометрические клейма. (53 клейма (81,5% от всего количества клейм): 17 целых, 36 фрагментов) (Рис.1:1-21). Самая многочисленная группа клейм. Наиболее распространенными геометрическими знаками на поселении являются окружность, колесо, крест, свастика, прямоугольник, окружность с вписанными в нее дугами. Остальные фигуры точно не атрибутируются и встречены в незначительном количестве.

Окружность (22 клейма (41,5% от всего количества геометрических клейм): 7 целых, 15 фрагментов) (Рис.1:1-6). На Усть-Шексне зафиксированы следующие варианты данного изображения: простая окружность – 15 клейм, окружность с точкой посередине – 3 клейма, окружность с линиями – 2 знака, две концентрические окружности – 2 знака.

Одно из клейм с изображением окружности происходит из южной ямы (кв.31-И1), относящейся примерно ко второй половине XII в. (Рис.1:1), еще одно донце со знаком окружности с точкой посередине выявлено в заполнении постройки 11, бытовавшей в середине XII – первой половине XIII вв. (Рис.1:4), остальные клейма, вероятно, можно датировать второй половиной XII – первой половиной XIII вв.

Колесо (6 клейм (11%): 2 целых, 4 фрагмента) (Рис.1:7-10). На поселении выявлены знаки с изображением простого колеса с прямыми спицами (5 клейм) и с рисунком сложного колеса (две концентрические окружности со спицами) (1 клеймо). Следует отметить, что все донца сосудов с колесовидными клеймами обнаружены в комплексах построек. Два донца с оттисками простых колес найдены в постройке 4, относящейся к первой половине – середине XII вв. (Рис.1:9), еще 3 донца с изображением простых колес встречены в заполнении построек 7 и 9, (Рис.1:7,8) существовавших на Усть-Шексне в середине XII – первой половине XIII вв. Клеймо со знаком двойного (сложного) колеса найдено в постройке 12, также датированной этим временем (Рис.1:10).

Крест (6 клейм (11 %): 2 целых, 4 фрагмента) (Рис.1:11,12). Среди клейм данной группы выделяются изображения четырехконечного креста (3 клейма) и креста, вписанного в окружность (3 клейма). Один знак найден в яме 24 (кв. Ч15) (Рис.1:11), которую можно датировать рубежом XII-XIII вв. Остальные оттиски можно отнести ко второй половине XII – середине XIII вв.

Свастика (5 клейм (9,5%): 2 целых, 3 фрагмента) (Рис.1:13-15). На поселении зафиксированы изображения свастики со сторонами, повернутыми как по часовой (1 клеймо), так и против часовой стрелки (2 клейма), а также клейма со свастикой, заключенной в окружность (2 оттиска). Из последних особенно интересен знак двойной свастики, который на территории Северо-Восточной Руси больше не выявлен нигде (Рис. 1:15). Донце с данным оттиском обнаружено в заполнении постройки 3, которая существовала в первой половине XII в. Еще одно клеймо данной группы относится к постройке 11 (середина XII – первая половина XIII вв.) (Рис. 1:13). Остальные знаки можно датировать серединой XII – первой половиной XIII вв.

* Выражаю глубокую благодарность И.И. и А.Н. Рыкуновым за предоставленную возможность работы с керамической коллекцией памятника.

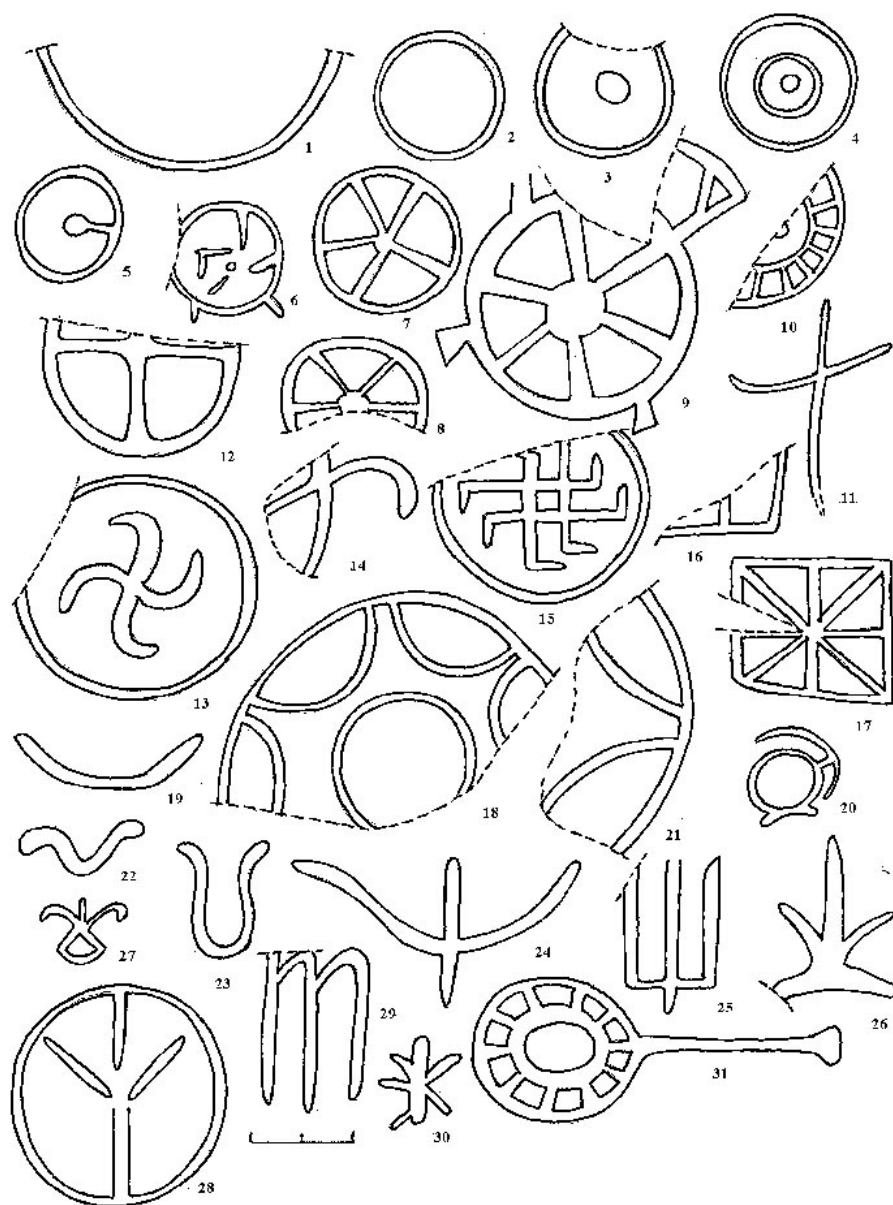

Рис.1. Клейма поселения Усть-Шексна.

1-21- геометрические: 1-6 - окружности, 7-10 - колеса, 11-12 - кресты, 13-15 - свастика, 16, 17 - прямоугольники, 18, 21 - окружности с дугами, 19 - скоба; 22-28 - геральдические: 22,23 - "птички", 24, 25 - трезубцы, 26-28 - "птичьи лапы"; 29,30 - буквенные. 31 – предметные

Прямоугольник (4 клейма (8%): 1 целое, 3 фрагмента) (Рис. 1:16, 17). На поселении встречены клейма прямоугольных очертаний с прямыми линиями внутри. Хотя к комплексам знаки не привязаны и четко не датируются, но одно донце с клеймом выглядит довольно архаично, что позволяет отнести его к началу XII в. (Рис. 1:16). Остальные донца с оттисками можно датировать второй половиной XII – серединой XIII вв.

Окружность с вписанными в нее дугами (2 клейма, сохранившиеся фрагментарно (4%)) (Рис. 1:18,21). Оттиски относятся, вероятно, к концу XII – началу XIII вв.

Помимо описанных геометрических изображений на поселении выявлены также знаки, не поддающиеся точной атрибуции. Всего отмечено 8 таких клейм: 3 из них сохранились целиком, 5 - фрагментарно. Вызывают интерес два оттиска в виде скоб, вероятно отпечатанные с одной матрицы (Рис. 1:19). Все клейма можно отнести к концу XII – середине XIII вв., кроме одного, которое по технологическим характеристикам следует датировать более поздним временем – второй половиной XIII в. (Рис. 1:20).

II. Геральдические клейма (9 клейм (14 %): 8 целых, 1 фрагмент) (Рис. 1:22-28).

На поселении выявлено значительное количество клейм, могущих расцениваться как княжеские тамги или “знаки Рюриковичей”. Выделены изображения трезубцев и “птичек” (по 3 клейма) (Рис. 1:22-25), а также оттиски в виде “птичьей лапы” (один - в круге, один - с расширенной нижней частью) (3 клейма), которые также можно считать стилизованными трезубцами (Рис.1:26-28). Все донца с геральдическими клеймами обнаружены за границами построек, но по технологическим характеристикам их можно отнести ко второй половине XII – первой половине XIII вв.

III. Буквенные клейма (2 клейма, сохранившиеся целиком (3%)) (Рис.1:29,30). К данной группе отнесены оттиски, по виду напоминающие буквы кириллического алфавита “живете” (“Ж”) и “мыслете” (“М”). Интересно, что знак в виде “М” встречен и на двух свинцовых товарных пломбах (на другой стороне их изображен трезубец), также обнаруженных на поселении³. Рисунок на клейме, вероятно, был скопирован с данных оттисков. Буквенные клейма можно отнести к середине XII – началу XIII вв.

IV. Предметные клейма (1 клеймо, сохранившееся целиком (1,5%)). (Рис. 1:31). На поселении, в слое начала XIII в. выявлено клеймо в виде ключа. Следует отметить, что в Северо-Восточной Руси такие знаки встречаются крайне редко. На сегодняшний день помимо Усть-Шексны предметные клейма обнаружены лишь в курганном могильнике Бутриха (конец XI – начало XII вв.)⁴ и в домонгольском слое Ярополча Залесского⁵.

Итак, по результатам исследования оттисков на донцах сосудов поселения Усть-Шексна можно сделать следующие выводы:

- во-первых, клейма на донцах круговых сосудов на поселении появляются не ранее первой половины - середины XII в. Расцвет клеймения посуды следует связывать с концом XII-началом XIII вв. Именно к этому периоду относится подавляющее большинство найденных оттисков. Данные хронологические рамки совпадают со временем расцвета и самого поселения. Во второй половине XIII в. клеймение сосудов на Усть-Шексне прекращается;

- во-вторых, изображения на клеймах Усть-Шексны поражают своим разнообразием: здесь представлены не только все группы клейм, но и выделяется множество разных вариантов – всего 20. (Для сравнения: в Ярославле зафиксирован 21 вариант оттисков⁶, в Ростове – 19 вариантов клейм, в Суздале и Владимире, где клеймение посуды вообще было достаточно развито, – соответственно 23 и 30 вариантов). Следует также отметить и наличие на Усть-Шексне довольно значительного количества княжеских знаков, которые встречаются в основном лишь в культурном слое городов. Все эти данные являются еще одним подтверждением версии А.Н. и И.И. Рыкуновых о довольно высоком (городском) статусе Усть-Шексны уже в домонгольское время⁷.

Примечания

1. Рыкунова И.И., Рыкунов А.Н., Иванов Л.М. Тысячелетия вокруг устья Шексны. Рыбинск, 2004. С. 148-213.
2. Коваль В.Ю. Клейма на средневековой русской керамике (опыт исследования на примере Ростиславля Рязанского) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь, 2002. С. 129; Кадиева Е.К. Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение (в печати).
3. Рыкунова И.И., Рыкунов А.Н. Отчет о научно-исследовательских работах 1997 г. на археологическом памятнике Усть-Шексна, расположенном на территории г.Рыбинска Ярославской обл. // НАДКТ. № 484. Рис. 85.
4. Кадиева Е.К. Керамические сосуды из Переславских могильников XI-XII вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 2000. С. 207. Рис. 1:13.
5. Седова М.В. Ярополч Залесский. М., 1978. С. 140. Табл. 11: 4, 29.
6. Коллекции керамики из раскопов Ярославля хранятся в ЯИАХМЗ и МИГе, без ф/н.
7. Рыкунов А.Н. Признаки городского развития средневекового поселения Усть-Шексна // Золотаревские чтения. Вып. X. Рыбинск, 2004. С. 53.

Марасанова В.М., докт. ист. наук
г. Ярославль

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ XVIII СТОЛЕТИЯ В ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

На протяжении XVIII века в Российской империи неоднократно проводились преобразования, вносящие существенный вклад в модернизацию государственного управления. Действия управленческих структур имели различные аспекты – политические, экономические, социальные и культурные, поэтому изучение становления и развития местного управления позволяет проанализировать многие стороны жизни общества.

Источники изучения административно-территориальных реформ и всего местного управления весьма разнообразны. Это законодательные материалы, делопроизводственная документация правительственных учреждений, отчеты губернаторов, официальные справочники по личному составу, периодическая печать, воспоминания и дневники. Дореволюционное законодательство регламентировало деятельность местных органов власти и фиксировавшие изменения в административно-территориальном делении империи¹. Весьма представительны по объему и информативны по содержанию фонды самих местных учреждений, отложившиеся в местных государственных архивах. Они дали обширный по объему и уникальный по содержанию материал о проведении административно-территориальных реформ. Это фонды генерал-губернаторов, наместнических правлений, губернских правлений и канцелярий губернаторов².

Петр I постоянно искал новые, более соответствующие конкретным историческим условиям формы организации государственного аппарата. 18 декабря 1707 г., находясь в Москве, царь приказал “росписать города

частями, кроме тех, которые в 100 верстах от Москвы”, между несколькими крупными городами³. Указом царя от 18 декабря 1708 г. вся страна делилась на 8 губерний, среди них были Московская, Ингерманландская (с 1710 г. – Санкт-Петербургская), Смоленская, Киевская, Казанская, Азовская, Архангелогородская и Сибирская⁴. Все они отличались друг от друга по размерам и количеству населения. Например, Московская губерния охватывала весь центр страны. В ней насчитывалось 39 городов, в том числе Владимир, Кострома, Переславль-Залесский, Ростов, Любим, Юрьев Польской. В Ингерманландской губернии было 29 городов, в том числе Ярославль, Углич, Тверь и другие. Новое административно-территориальное деление перераспределило земли прежних уездов между новыми губерниями. В частности, Костромской край (в границах будущей губернии) оказался разделен между тремя губерниями. Ярославский край разделили между Московской и Ингерманландской (Санкт-Петербургской) губерниями.

Новыми губерниями было довольно сложно управлять, и по указу Сената “Об устройстве губерний” от 29 мая 1719 г. вся территория страны разделялась на более мелкие административные единицы. Первоначально создавались 45 провинций, затем их число возросло до 50. При этом 11 уже существующих губерний сохранялись. Во главе наиболее важных провинций стояли генерал-губернаторы, губернаторы и вице-губернаторы. Остальные провинции возглавляли воеводы, подчинявшиеся губернаторам. Провинции делились на дистрикты (уезды) во главе с воеводами. Дистрикты охватывали территорию с населением до 2 тыс. дворов.

Преемники Петра I ликвидировали многие из созданных в его правление местных учреждений. В 1726 г. упразднили дистрикты, а вместо них было восстановлено исторически сложившееся уездное деление. В 1727 г. Россия делилась на 14 губерний, 47 провинций и более чем 250 уездов. Указ от 29 апреля 1727 г. упразднил часть должностей в аппарате управления на местах, например, земских комиссаров, земских камериров и рейнтмейстеров (казначеев), ведавших финансовыми вопросами. Их обязанности передавались воеводам. Инструкция 12 сентября 1728 г. ограничила компетенцию губернаторов и воевод практическими задачами по охране “тишины и спокойствия” на вверенной их попечению территории. Государство было еще не в состоянии содержать сложные по структуре и, следовательно, более дорогие государственные учреждения. Однако многие положения, намеченные в петровскую эпоху (попытки разделения властей, стремление к упорядочению управления в центре и на местах, иерархическая система чиновничества), получили дальнейшее развитие в последней четверти столетия.

Новый этап изменений административно-территориального деления страны и реформ аппарата управления начался в правление Екатерины II. 15 декабря 1763 г. императрица утвердила “штаты Сената, Коллегий, Главной Полиции с подведомственными оной местами, на Губернии, Губернские Канцелярии”. Например, по утвержденным в 1763 г. штатам в Ярославской провинции числились воевода, его товарищ, протоколист, регистратор, 5 канцеляристов, 2 сторожа и палач. На их содержание ежегодно отпускалось 3.053 руб.⁵ К середине 1770-х гг. в России насчитывалось 23 губернии, 66 провинций и 180 уездов⁶. К 1775 г. Екатериной II уже было издано около сотни законодательных актов, касающихся местного управления. Однако крестьянская война под предводительством Е.М. Пугачева 1773-1775 гг. показала, что для рациональной организации управления на местах не хватало административных учреждений и должностных лиц. 7 ноября 1775 г. было издано “Учреждение для управления губерний Всероссийской Империи” – один из важнейших законодательных актов XVIII века⁷.

В административном отношении Российская империя разделялась на губернии. Провинции упразднились, и каждая губерния включала 10 – 12 уездов. Население в каждой губернии определялась в 300-400 тыс. душ мужского пола, чтобы она “могла быть порядочно управляема”. В каждом уезде, в свою очередь, должно было насчитываться 20-30 тыс. душ мужского пола. Все губернии и уезды получали одинаковые учреждения: наместническое правление, казенная палата, приказ общественного призрения и другие.

25 января 1776 г. были открыты Тверская и Смоленская губернии, и их образование стало примером для остальных. К концу правления Екатерины II в России насчитывалось 50 губерний, из них 42 существовали на старых территориях, а 8 созданы на вновь присоединенных землях. Так, от старой Московской губернии постепенно отделились новые губернии – Тверская, Костромская, Ярославская, Владимирская, Рязанская, Тульская, Калужская и Московская. Это постепенно сужало сферу деятельности старых губернских учреждений в Москве и провинциальных учреждений в новых административных центрах. В результате новая Московская губерния, учрежденная 5 октября 1781 г., стала как бы остатком прежней губернии, и в основном она совпадала по территории с некогда бывшей провинцией.

Реформы местного управления, проведенные при Екатерине II, позволили создать четкую вертикаль административной власти в регионах. Губерния становилась средоточием экономической, политической и культурной жизни, а провинциальная Россия выходила из некоторого прозябания предшествующих десятилетий. Не случайно наместниками в последней четверти XVIII в. становились деятели, облеченные личным доверием императрице и наиболее приближенные к ней – Я.Е. Сиверс в Твери, А.П. Мельгунов в Ярославле, Р.И. Воронцов во Владимире.

Примечания

1. См.: Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. I. СПб., 1830; Государственные учреждения России в XVIII в. (Законодательные материалы). М., 1960; Дворянская империя XVIII в. (Основные законодательные акты): Сб. док. М., 1960; Законодательство Екатерины II: В 2 т. М., 2000; Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. М., 1987; и др.
2. Например, см.: Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф.15; 40; Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 7; Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф.56, 466; Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф.72; 73; 77; и др.

3. ПСЗ. Собр. I. Т. 4. № 2176.
4. См.: ПСЗ. Собр. I. Т. 4. № 2218.
5. См.: ПСЗ. Собр. I. Т. 16. № 11991.
6. См.: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997. С. 114.
7. См.: ПСЗ. Собр. I. Т. 20. № 14392.

Михайлова Г.Б.
г. Рыбинск

ОГАРКОВСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ГНЕЗДО В ИСТОРИИ РЫБИНСКОГО КРАЯ (XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.)

Термин «областное культурное гнездо» ввел в научный оборот Н.К.Пиксанов в 1928 г., выделив при этом и ярославское «областное культурное гнездо», существовавшее в хронологических рамках середины – второй половины XVIII в.¹ «Культурное гнездо» уездного масштаба составляли дворянские усадьбы, располагавшиеся в XVIII – начале XX вв. в приходе огарковской церкви. Село Огарково перешло из Пошехонского в состав Рыбинского уезда после 1777 г.,² сооружение здесь каменного храма справочник XIX в. относит к 1790 г.³ На территории прихода находилось не менее дюжины дворянских усадеб, но самые интересные – это Огарково, Максимовское и Семеновское.

Усадьба Семеновское с XVI в. принадлежала князьям Ухтомским. Здесь в 1719 г. родился выдающийся русский архитектор Д.В.Ухтомский⁴. Менее известен родной брат Дмитрия Васильевича, Сергей, который также был вполне успешным московским архитектором⁵. В 1802 г. Семеновское оказалось в единоличном владении кн. Дмитрия Михайловича Ухтомского дальнего родственника известного архитектора⁶. Д.М. Ухтомский родился 16 января 1763 г., в 1770 г. поступил в кадетский корпус, где в те годы действовали принципы «выведения новой породы людей». В 1783 г. он был уже поручиком и служил в Таврическом гренадерском полку в составе армии, которой командовал А.В.Суворов. Вместе с прославленным полководцем Д.М.Ухтомский не только одерживал ратные победы, но и пережил глубокую опалу. При Александре I ему был пожалован чин полковника и мундир, как положено при почетной отставке⁷.

П.Д.Ухтомский скончался в Семеновском 19 января 1829 года. После него в усадьбе остался «шкап с книгами», который был описан позднее, в 1842 г. после смерти княгини. В этом шкафу хранилась целая библиотека, насчитывавшая более пятисот томов. Состав библиотеки показывает, что особый интерес у ее собирателя был к исторической науке. В Семеновском хранились многочисленные и однотомные исторические сочинения М.М.Щербатова, Ш.Роллена, К.Милло, С.Н.Глинки, И.И.Голикова, Дж.Мильтона, жизнеописания таких исторических персонажей, как Г.А.Потемкин, А.В.Суворов, А.Д.Меншиков, гр. Шереметева, кн. Шаховской, знаменитое произведение Плутарха. Интересовали владельца библиотеки и события недавнего прошлого: наполеоновские войны и Отечественная война 1812 года: П.Д.Ухтомский читал «Письма русского офицера» Ф.Н.Глинки, «Историю о низвержении Наполеона» и другие книги на эту тему. Были в составе библиотеки модные романы: «Альфонс и Далинда...» и «Геройство семнадцатилетней знатной девицы...» мадам Жанлис, «Новый Жилблз» Анри Лемера, «Духовидец» Ф.Шиллера. Княгиня, вероятно, штудировала «Новую поваренную книгу...» Криста; в домашней, общественной и хозяйственной жизни помогали владельцам библиотеки такие издания, как «Придворный месяцеслов», «Всеобщий секретарь», «Искусный эконо», «Книжечка для прекрасного пола и молодых мужчин». Слабо представлены в библиотеке произведения русской художественной литературы: в списке только «Басни» В.Майкова и «Повести» Каченовского. Этот пробел, возможно, восполнялся журналами, которые находились в составе библиотеки («Московский вестник», «Вестник Европы», «Русский вестник», «Сын Отечества»). Наличие в составе библиотеки «Грамматики французского языка» позволяет предполагать знание жителями Семеновского иностранных языков⁸. Перечисленные выше книги указывают на то, что библиотека в Семеновском была значительным явлением в культурной жизни уезда и по составу отражала передовые взгляды ее владельца.

После смерти княгини Е.М.Ухтомской в 1842 г. усадьба Семеновское по ее завещанию перешла в собственность внучатой племянницы П.Д.Ухтомского Е.Н. Кострицкой, впоследствии вышедшей замуж за мологского помещика И.А.Чернова⁹. В 1850-60-е гг. старинная усадьба переживала тяжелые времена. В описи 1852 г. барский дом в Семеновском назван ветхим и нежилым. Испытывая материальные трудности, Черновы попытались в 1867 г. сдать его в аренду под уездную земскую больницу. На чертеже, прилагаемом к договору аренды, представлен довольно большой дом, крестообразный в плане, с выходящими на север и юг большими верандами, с парадным входом в восточном крыле и хозяйственными помещениями в западном. Отдельно вычерчена мансарда с балконом. Таким был барский дом в Семеновском, вероятно, и при князе П.Д.Ухтомском. Больницу открыли, но просуществовала она всего несколько месяцев. Дальнейшая судьба Семеновского типична: в 1884-1887 гг. здесь на собственной земле пошехонский купец Ф.П.Дубов устроил клеевой завод¹⁰.

В 1874 г. последние семеновские помещики породнились со своими недалекими соседями – Опочиниными, владельцами усадьбы Максимовское. В огарковской церкви были повенчаны Александра Ипполитовна Чернова и Николай Николаевич Опочинин¹¹. Во второй половине XVIII в. усадьба Максимовское принадлежала подпоручику в отставке Михаилу Гавриловичу Чоглокову; здесь он скончался 16 июня 1812 года. Детей у Чоглокова не было, и его вдова постепенно продавала и дарила имущество покойного мужа родственникам. Таким образом, по двум купчим в 1815 г. сельцо Максимовское оказалось в собственности Степана Васильевича Опочинина и его жены

Дарьи Степановны, урожденной Ушаковой¹². Вместе с усадьбой Опочинины получили, видимо, и какую-то часть движимого имущества Чоглоковых, в том числе и библиотеку. О ней уже в XX в. весьма лестно отозвался внук С.В.Опочинина, известный писатель и коллекционер Е.Н.Опочинин. В библиотеке М.Г.Чоглокова, писал он, “... можно найти все лучшее, что дала русская и иностранная литература XVIII века...”¹³ Детские и юношеские впечатления о старинной барской усадьбе (и о ее книжном собрании) нашли отражение и в художественных произведениях Е.Н.Опочинина. В повести “Один в старом доме” автор описывает наполненную книжными сокровищами усадьбу: “...высокий черный шкаф, стоявший в кабинете и сверху донизу набитый старинными книгами в желтых кожаных переплетах. Объемный комод под этим шкафом был также полон книг... Впоследствии я открыл в доме еще одно книжное хранилище: это был огромный, окованный железом сундук... В этом сундуке лежало множество толстых книг в тяжелых кожаных переплетах с застежками и сотни длиннейших свитков...”¹⁴ Можно предположить, что часть библиотеки из Семеновского также переехала в Максимовское вместе с А.И. Черновой.

Степан Васильевич Опочинин, первый из Опочининых владелец Максимовского, был одним из значительных представителей рыбинского дворянства. Он участвовал в Отечественной войне 1812 г. в составе ярославского ополчения, будучи адъютантом генерал-майора Я.И.Дедюлина. За храбрость, проявленную при осаде Данцига, он получил орден св. Анны 4 ст. После войны С.В.Опочинин служил судьей в Рыбинском уездном суде, в 1824-1826 гг. – рыбинским уездным предводителем дворянства. За успехи в гражданской службе получил еще одну награду – орден св. Анны 3 ст. Скончался Степан Васильевич в Максимовском 7 апреля 1851 г. в возрасте 76 лет¹⁵.

Книжные ценности, хранившиеся в Максимовском, не могли не повлиять на представителей следующего поколения Опочининых. Один из сыновей С.В.Опочинина, – Николай – служил в Ярославле чиновником в Правлении V округа путей сообщения. Не достигнув на службе особенно больших чинов (он умер титулярным советником), Николай Степанович прославился своей библиотекой “самого разнообразного содержания”, насчитывавшей до 2 тыс. книг. В 1855 г. оставив службу в губернском городе, он перевез библиотеку в Максимовское¹⁶, пополнив тем самым и без того, видимо, богатое книжное собрание этой усадьбы.

Значительно пополнилась библиотека в Максимовском при Евгении Николаевиче Опочинине, сыне Николая Степановича. Е.Н.Опочинин родился в Максимовском 23 мая 1858 г. и был крещен в огарковской церкви¹⁷. Детство, проведенное в старом родительском доме среди книжных, исторических и художественных сокровищ не могло не отразиться на характере и привязанностях Евгения Николаевича. Он известен в истории русской литературы как писатель, пишущий на исторические темы, и как автор произведений для детей. Часть библиотеки в Максимовском, собранная Евгением Николаевичем, состояла примерно из 1 000 книг по истории русской литературы, описаний старинного русского быта и рассказов для детей¹⁸.

В июне 1888 г. в результате нескольких коммерческих операций единоличным владельцем Максимовского становится Евгений Николаевич Опочинин. Тогда же было составлено описание усадьбы: “...Господский дом деревянный, одноэтажный, крытый тесом, – сообщает этот документ, – имеющий по лицевому фасаду девять и по заднему ... тринадцать окон. Комнат в доме десять. Печей изразцовых семь. При доме в подвальном этаже кухня с комнатою... Подо всем домом подвал с полом... Дом длиною одиннадцать сажен шесть вершков и вышиною восемь аршин...”. Почти списанным с натуры звучит описание старого дома в уже цитированной повести Е.Н.Опочинина: “... Наш старый дом – постройка весьма своеобразная снаружи, а еще более внутри. В доме какие-то необыкновенные, очень большие и высокие печи с расписными изразцами... Печи в каждой комнате разные: в зале... – ... с голубыми изразцами, с колоннами по сторонам и глубокой нишей посередине; в двух “буфетных” – облицованные кафелем, расписанным желтыми и зелеными цветами, а также зайцами, утками и другими зверями... Подо всем домом у нас тянулись темные подвалы, куда издавна складывался ненужный хлам...”¹⁹

Старый дом в Максимовском сохранялся еще в 1920 году. В конце лета этого года оттуда были вывезены в Рыбинский художественно-исторический музей несколько старинных портретов, картин и бытовых вещей. До наших дней из этих поступлений сохранились только шкаф из пряничных досок, три вышивки, три старинных портрета, живописный этюд начала XX в. и акварель, авторство которой не совсем уверенно приписывается М.В.Нестерову. В 1986 г. от дочери Е.Н.Опочинина в музей поступили многочисленные документальные и фотографические материалы, связанные с Максимовским и семьей Опочининых.

Известно, что у Д.В.Ухтомского была в Москве архитектурная школа, где обучались молодые дворянские недоросли. В числе учеников этой школы были и родственники архитектора: племянники Степан и Яков Ухтомские, а также Евгений Васильевич Ухтомский, владелец усадьбы Огарково, более дальний родственник архитектора²⁰. После его смерти в 1797 г. усадьба в Огаркове досталась его детям: дочери Анне и двум сыновьям Дмитрию и Николаю. В первой половине XIX в. им принадлежал в Огаркове одноэтажный деревянный дом в пять комнат с одиннадцатью окнами и новый жилой флигель из трех комнат²¹. Ни Анна Евгеньевна, ни ее братья не связали себя брачными узами, но Николай Евгеньевич Ухтомский, продолжая старую добрую традицию русских помещиков, имел незаконнорожденных сыновей, матерью которых была его крепостная Евдокия Ефимова. История их взаимоотношений хорошо прослеживается по документам, причем, Н.Е. Ухтомский выглядит в этой истории вполне благородным человеком. Вся семья Евдокии Ефимовой – ее отец и братья – получили вольные, а вместе с ними и фамилию Ухтомских, и были, впоследствии, записаны в рыбинские мещане. Сама Евдокия также получила вольную и с 1810 г. проживала в огарковском доме на правах хозяйки. Два ее сына – Ефим и Николай – также получившие фамилию Ухтомских, сначала были приписаны к Ярославскому воспитательному дому, но затем на правах воспитанников жили в доме отца, получили образование в Рыбинском народном училище, служили мелкими чиновниками в различных рыбинских учреждениях и вместе со своим потомством и

родственниками составили большую семью рыбинских мящан Ухтомских. Отец обеспечил своих незаконнорожденных детей и материально. По его завещанию они получили некоторое количество земли в Рыбинском уезде, барский дом со всем движимым имуществом в Огаркове и деревянный дом в Рыбинске на Угличской улице²².

В конце 1850-х гг. владельцами усадьбы в Огаркове числятся уже представители старинного ярославского рода Сабанеевых, более известные как романовские помещики. Из романовских помещиков происходил и первый огарковский Сабанеев - Николай Николаевич (1822-1869). Он получил образование в С.-Петербургском университете, 1844-1852 гг. служил в С.-Петербургской казенной палате, а в 1855 г., будучи уже в отставке, добровольно вступил в 131-ю Дружину ярославского ополчения. В 1860-е гг. он принимал активное участие в общественной жизни Рыбинского уезда: избирался депутатом Ярославского дворянского депутатского собрания. После его смерти усадьба в Огаркове досталась его вдове и детям, а после смерти вдовы и двух старших сыновей единоличным владельцем Огаркова становится в конце XIX в. его сын Николай Николаевич Сабанеев-младший²³.

Николай Николаевич Сабанеев-младший родился в Рыбинске 20 июля 1860 г., образование получил в Москве в Петровской земледельческой и лесной академии, был по специальности лесоводом. Служил в Рыбинске в канцелярии местного предводителя дворянства, затем земским начальником 1-го участка Рыбинского уезда, Почетным мировым судьей Рыбинского мирового судебного округа, избирался членом Рыбинской уездной земской управы. Умер Николай Николаевич в своей усадьбе 19 октября 1910 году²⁴.

Николай Николаевич Сабанеев был женат на Елизавете Владимировне Волковой, родной сестре жены Сергея Владимировича Михалкова, владельца усадьбы Петровское²⁵. В конце XIX – начале XX вв. связь между этими двумя усадьбами Рыбинского уезда была очень активной. На фотографиях, сделанных в Петровском, в составе семейных групп часто встречаются Николай Николаевич и Елизавета Владимировна Сабанеевы. Частым гостем Петровского и участником развлечений тамошней молодежи был и Сережа Сабанеев, сын Николая Николаевича и Елизаветы Владимировны. Между Огарковым и Петровским велась активная переписка. Участниками ее были Елизавета Владимировна Сабанеева, с одной стороны, и ее любимые племянницы Варя и Маня Страшкевич, дочери Агриппины Владимировны Михалковой от первого брака. В годы Первой мировой войны письма из Огаркова шли в Москву, где Варя и Маня служили сестрами милосердия в госпиталях. Елизавета Владимировна сообщала племянницам свежие рыбинские новости, описывала местные балы, вечера и концерты, писала о том, кто из знакомых рыбинцев отправился на фронт, кто героически погиб²⁶.

В Огарково делали ответные визиты владельцы усадьбы Петровское. На фотографии, хранящейся в ГАЯО, запечатлены Варя Страшкевич, Володя Гран и две его сестры, а также Сережа Сабанеев, сидящие на крыльце барского дома в Огаркове. С ними вместе сидят на ступеньках Александр Юльевич Вотье – библиотекарь, занимавшийся разбором и систематизацией библиотеки в Петровском. Возможно, что он оказался в Огаркове не случайно. Есть сведения о существовании библиотеки и в Огаркове, собранной Н.Н.Сабанеевым. В фонде редкой книги рыбинской библиотеки им. Ф.Энгельса сохранились две книги с экслибрисом этой библиотеки. На экслибрисе изображен герб Сабанеевых, надпись "Изъ книгъ огарковской библиотекы Н.Н.Сабанеева" и латинский девиз под ней: "Inter folia fructus". Наличие такого солидного экслибриса позволяет предположить и достаточно объемный состав библиотеки²⁷.

В 1920 г. усадьбу Огарково с сохранившимся деревянным одноэтажным домом осматривали члены Комитета Рыбинского художественно-исторического музея, однако, поступлений в музей из Огаркова не зафиксировано. Возможно, что вещи вывезли ранее вместе с книгами в Центральную библиотеку Рыбинска, откуда они попали в музей, утратив сведения о происхождении. В 1927 г. в Огарково совершил поездку хранитель музея А.В.Васильев. 30 ноября он сделал доклад по результатам командировки, текст которого, к сожалению, не сохранился²⁸.

История трех дворянских усадеб, изложенная выше, позволяет сделать вывод о действительном существовании в Огаркове и вокруг него в XVIII – начале XX вв. некоего "культурного гнезда". Как и положено, это "культурное гнездо" воспитало и выпустило в большой свет таких деятелей русской культуры, как архитектор Д.В.Ухтомский и писатель Е.Н.Опочинин. Можно говорить и о том, что в Огаркове и его окрестностях жила целая группа помещиков, имевших профессиональное архитектурное образование. Влияние их на архитектурный облик края (если такое было) и степень их участия в создании местных архитектурных сооружений (церквей, например) предстоит еще выяснить специалистам по истории архитектуры. Наличие в местных усадьбах библиотек способствовало тому, что в огарковском приходе выросло не одно поколение библиофилов. Наконец, в меньшей степени, чем Петровское, но все же огарковские усадьбы приняли участие в формировании художественных коллекций Рыбинского музея.

Примечания

1. Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда. М., 1928.
2. РБФ ГАЯО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3454. Л. 52.
3. Историко-статистический обзор Ростово-Ярославской епархии / Сост. А. Крылов. Ярославль, 1861. С. 531.
4. Михайлова Г.Б. Сельцо Семеновское – родина архитектора Д.В.Ухтомского // IX Золотаревские чтения. Материалы научной конференции. Рыбинск, 2002. С. 65-69.
5. Дьяконов М.В. К биографическому словарю московских архитекторов XVIII-XIX вв. // Русский город. Вып. 5. М., 1982. С. 196-197.
6. ГАЯО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 2910. Л. 12, 12 об., 43.
7. Там же. Д. 53.Л. 15, 15 об., 16. Суворов А.В. Сборник документов. Т. III. М., 1952. С. 302, 356, 367, 368, 375.

8. РбФ ГАЯО. ф. 36. Оп. 1. Д. 3338. Л. 57 об.-59 об.
9. Там же. Л. 7. Ф. 262. Оп. 1. Д. 59. Л. 345 об.
10. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 86. Л. 9, 46, 50. Д. 92. Л. 19-20 об. Д. 555. Л. 105. Д. 675. Л. 182.
11. Там же. Ф. 419. Оп. 4. Д. 308. Л. 446 об.
12. Там же. Д. 15. Л. 48. РбФ ГАЯО. ф. 36. Оп. 1. Д. 3361. Л. 73.
13. Опочинин Е.Н. Русские коллекционеры и уцелевшие остатки старины. Из наблюдений и воспоминаний // Наше наследие. 1990. № 4. С. 106.
14. Опочинин Е.Н. Одни в старом доме. М., 2003. С. 8.
15. ГАЯО. ф. 213. Оп. 1. Д. 2295. Л. 187 об.; РбФ ГАЯО. ф. 419. Оп. 4. Д. 149. Л. 20.
16. Иваск У.Г. Частные библиотеки в России // Русский библиофил. СПб., 1911. № 4. С. 47.
17. РбФ ГАЯО. ф. 419. Оп. 4. Д. 225. Л. 97 об.
18. Иваск У.Г. Указ. соч. С. 19.
19. РбФ ГАЯО. ф. 37. Оп. 1. Д. 2693. Л. 5-11, 18 об., 20 об.; Опочинин Е.Н. Одни в старом доме. М., 2003. С. 4, 8.
20. Михайлов А. Архитектор Д.В.Ухтомский и его школа. М., 1954. С. 268, 272, 365.
21. РбФ ГАЯО. ф. 36. Оп. 1. Д. 677. Л. 89, 89 об.
22. Там же. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1 Л. 381, 381 об.; Там же. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2227. Л. 36-38. Д. 2583. Л. 2,2 об.; Там же. Ф. Рыбинский городской магистрат. Оп. 1. Д. 1591. Л. 1-4.
23. Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 14. Л. 37, 38; Список г. губернских и уездных предводителей и депутатов дворянства Ярославской губернии / Сост. П.А.Тихвинский. Ярославль, 1898. С. 44.
24. Там же. Ф. 419. Оп. 2. Д. 18. Л. 151 об.; Оп. 3а. Д. 24. Л. 25 об.; РбФ ГАЯО. ф. 13. Оп. 1. Д. 35. Л. 23 об., 24.
25. Ельчанинов И.Н. Материалы для генеалогии Ярославского дворянства. Вып. II. Ярославль, 1913. С. 311.
26. РбФ ГАЯО. ф. 238. Оп. 1. Д. 13. Л. 212 об., 122, 156. 156 об. Д. 26. Л. 39 об. Д. 8. Л. 23 об.
27. Приношу глубокую благодарность сотруднику библиотеки им. Ф.Энгельса В.А.Медведеву за любезно предоставленную возможность познакомиться с этими изданиями.
28. РбФ ГАЯО. ф. 429. Оп. 2. Д. 16. Л. 29а об.; Д. 77. Л. 85.

Мельник А.Г., канд. ист. наук
г. Ростов

К ИСТОРИИ ПОЧИТАНИЯ ПРЕПОДОБНЫХ ФЕОДОРА И ПАВЛА, ОСНОВАТЕЛЕЙ РОСТОВСКОГО БОРИСОГЛЕБСКОГО МОНАСТЫРЯ

История почитания основателей Ростовского Борисоглебского монастыря преподобных Феодора и Павла практически не исследована. Раскрыть ее с необходимой полнотой можно, лишь опираясь на комплексный анализ не только разного рода письменных, но и вещественных источников - таких, как архитектурные сооружения, фрески, иконы, гробница святых и т.п.

Документальные свидетельства о начале формирования культа Феодора и Павла отсутствуют. Этот пробел отчасти восполняет построенный в 1522-1523 гг. Борисоглебский собор Ростовского Борисоглебского монастыря. В интерьере храма у западного края его северной стены изначально был устроен аркосолий – арочная ниша над местом захоронения упомянутых преподобных. Таким образом, зодчие, явно по указанию монастырских властей, специально выделили их могилу. Следовательно, по крайней мере, в 1522-1523 гг. в Борисоглебском монастыре уже существовало некое почитание Феодора и Павла. Однако тогда оно, очевидно, находилось в зачаточном состоянии.

В середине XVI в. произошла активизация культа преподобных. Именно тогда была составлена «Повесть о Борисоглебском монастыре»¹, которая, по словам В.О. Ключевского, восполняет отсутствие жития Феодора и Павла². О характере их почитания в последующее время свидетельствует фресковая роспись указанного аркосолия. По стилистическим признакам ее можно отнести к середине - второй половине XVI в. О значении, которое придавали этой фреске ее заказчики и создатели, говорит уже то, что она была единственной настенной росписью в нерасписанном тогда белостенном интерьере собственно храма. Конечно, она сразу притягивала к себе внимание всех молящихся в нем.

В верхней части аркосолия, в особом полукружии представлен оплечный Иисус Христос. Ниже, слева и справа от него, вне упомянутого полукружия изображены соответственно Борис и Глеб - святые князья-страстотерпцы. Их лики, позы и положение рук говорят о молитвенном обращении к Спасителю. Еще ниже, припадающими к ногам этих святых, показаны коленапреклоненные молящиеся Феодор и Павел. По масштабу их фигуры явно уступают образам Бориса и Глеба. В зените арки аркосолия - крест, вписанный в круг. На западном склоне арки представлен св. князь Владимир, на восточном ее склоне - св. Леонтий Ростовский. Важно подчеркнуть, что Феодор и Павел, в отличие от всех остальных персонажей, изображены без нимбов. Следовательно, они к моменту написания фрески еще не были официально причислены к лику святых. Таким образом, данное произведение зафиксировало ранний этап истории их почитания.

Уточнить датировку фрески помогает анализ следующей записи во вкладных и кормовых книгах Борисоглебского монастыря: «Да Роман же Михайлович Пивов дал два рубли подъяисал в Борисе Глебе киот над преподобными...»³ Известно, что создание настенной росписи в Древней Руси обозначали словом «подписать», а киотами тогда называли не только вместилище для икон, но и подобные аркосолии. Роман Пивов был одним из опричников Ивана Грозного, думным дворянином, деятельность которого относится к 1550-1590 годам. Между 1596 и 1598 гг. он постригся в монахи в Ростовском Борисоглебском монастыре под именем Рафаила⁴. Значит, можно предположить, что рассматриваемый аркосолий был украшен дошедшей до нас фресковой росписью между 1550-ми и 1590-ми годами на пожертвования Романа Пивова.

В целом фреска представляет моление святых за людей. Важнейшая ее особенность заключается в том, что преподобные Феодор и Павел показаны молящимися святым князьям, а не самому Христу. Это и понятно, ведь к моменту написания фрески основатели Борисоглебского монастыря, как мы убедились выше, еще не были канонизированы. По иерархии между ними и Богом находятся «великие» святые Борис и Глеб. Таким образом, на фреске мы видим своего рода иерархию молений. «Малые» святые или, так сказать, кандидаты в святые, молят за людей «великих» святых, а те, в свою очередь, передают эту молитву Иисусу Христу. Так уже тогда, то есть в середине - второй половине XVI в., установилась связь между культом Бориса и Глеба и культом Феодора и Павла.

Признание святости этих последних, очевидно, произошло лишь в XVII в., о чем свидетельствуют их изображения с нимбами во фреске (около 1679 г.) Святых ворот Борисоглебского монастыря, а также на иконах последней трети и конца XVII в. Важно, что на них Феодор и Павел представлены вместе со всеми остальными ростовскими святыми⁵. Следовательно, их тогда впервые включили в состав собора этих святых. Однако и в то время культ преподобных не получил общецерковного статуса, оставаясь преимущественно местным.

От XVIII - начала XX вв. до нас дошли содержащиеся в описях Борисоглебского монастыря описания оформления места упокоения преподобных или, иначе говоря, их надгробного комплекса. Рассмотрение его истории позволяет несколько конкретизировать характер почитания святых Феодора и Павла в указанное время.

Согласно наиболее ранней из таких описей, составленной в 1748 г., гробница, то есть надгробие над могилой преподобных, находилась «в стене» Борисоглебского собора. Надо полагать, так обозначили то, что она стояла в нише - аркосолии. На гробнице были «написаны преподобных отцев образы», имевшие венцы резные серебряные позолоченные, «в возглавии образ Пресвятыя Бородицы Знамения, венцы у Богородицы и у предвечного Младенца серебряные позолоченные резные». На гробнице лежала «пелена», которую можно назвать покровом. Он был выполнен из атласа и оформлен крестом из серебряного кружева. «В возглавии», то есть в головах гробницы, находился «образ благоверных князей Бориса и Глеба, писан на красках». Здесь же стоял и «подсвешник железный, на нем чаша медная». Над гробницею располагалась «сень деревянная шатром резная, расписана золотом и серебром и разными красками»⁶.

Как видим, это был весьма развитый надгробный комплекс. Вероятно, он сложился не к моменту составления описи 1748 г., а значительно раньше, примерно в последней трети XVII в., о чем говорит шатровое завершение его сени, не характерное для нового времени. Данная сень особенно впечатляла. Она явно была призвана выделить и подчеркнуть сакральную значимость гробницы преподобных. Кроме образов Феодора и Павла, комплекс включал в себя изображения Богородицы и Младенца Христа, что отвечало древней традиции оформления соответствующих комплексов русских святых⁷. Особенностью же рассматриваемого комплекса являлось наличие в его составе иконы Бориса и Глеба. Она, как и фреска аркосолии второй половины XVI в., зримо выражала связь культов преподобных и этих святых.

В целом, вплоть до начала XIX в. данный надгробный комплекс мало изменялся⁸. Правда, к 1763 г. на гробнице вместо старой появилась новая «пелена выбойки цветной по красной земле крашенной красной, крест ленты желтой»⁹. Она оставалась на гробнице до 1802 г.¹⁰ Следует отметить, что если старая пелена была выполнена из атласа, то есть из шелка, то новая пелена оказалась значительно бедней, ведь ее изготовили из простой хлопчатобумажной ткани - «выбойки». Вероятно, это свидетельствует о некотором ослаблении культа св. Феодора и Павла во второй половине XVIII в.

Существенные перемены в облике рассматриваемого комплекса произошли между 1802 и 1804 гг. Тогда «за ветхостью» упразднили шатровую сень и надгробную пелену, исчезла также икона Бориса и Глеба. Уцелела только гробница преподобных «деревянная обита с двух сторон медью позолоченной, на ней три клейма медные чеканные, на верхней чке написаны их изображения, на них венцы серебряные, позолочены». И появилась новая «пелена тафты вишневою, на ней крест осмиконечной голубу золотнаго, ускаго»¹¹. Через некоторое время «у возглавия» гробницы поставили «большой медный высеребранный подсвешник», принесенный от раки другого почитаемого святого Борисоглебского монастыря - преподобного Иринарха¹². Очевидно, к началу XIX в. описанный выше аркосолий был уже заложен кирпичом. Таким образом, надгробный комплекс преподобных после 1804 г. был сведен к возможному минимуму. Он стал состоять лишь из гробницы с образами святых на ее крышке, пелены, подсвешника и, вероятно, кружки для подаяний. Может показаться, что с устранением из надгробного комплекса иконы Бориса и Глеба и закладкой аркосолии перестала зримо восприниматься связь их культа с культом Феодора и Павла. Но это не совсем так. Такую связь предельно наглядно выражала фреска на южном фасаде Борисоглебского собора с изображениями всех четырех указанных святых¹³.

В 1840 г. гробница преподобных была починена, вызолочена и обнесена железной решеткой¹⁴. В 1849 г. имевшиеся на гробнице изображения преподобных «по усердию разных жертвователей» оформили медной ризой с двумя серебряными венцами¹⁵. Ко времени составления описи 1853 г., очевидно, к востоку от гробницы, у северной стены собора установили киот с иконой Боголюбской Божией Матери¹⁶. Подобные иконы в России воспринимались как зримое свидетельство моления Богородицы перед Иисусом Христом за людей. Надо полагать, данная икона призвана была напоминать о такой же функции святых Феодора и Павла.

Как видим, некоторое оживление почитания последних имело место в середине XIX в. То же самое можно сказать и относительно начала XX в. В частности, 22 октября 1909 г. в монастыре праздновалось пятистолетие со дня смерти преподобного Павла¹⁷. Возможно, к этой юбилейной дате были изготовлены дошедшие до нас деревянная резная сень и новая медная золоченая гробница над захоронением преподобных. Характерно, что по своему оформлению она в общих чертах повторяла их древнюю гробницу.

В 1920-х годах Борисоглебский монастырь был закрыт. Тогда же прервалось и публичное почитание преподобных Феодора и Павла. Возрождение их культа в конце XX – начале XXI в. может стать темой другого исследования.

Итак, мы проследили четырехсотлетнюю историю почитания Феодора и Павла с 1520-х годов по начало XX в., которое на протяжении столь долгого периода испытало и подъемы, и спады. Очевидно, пик их почитания пришелся на последнюю треть XVII в. Однако, и в то время, и в последующем культ преподобных не получил полного развития. В частности, так никогда и не была составлена посвященная им служба. Не состоялось и их общероссийское прославление. Кажется, этот культ затмевало необыкновенно развившееся в XVII в. и активно функционировавшее в XVIII – начале XX в. почитание другого святого Борисоглебского монастыря – затворника Иринарха.

Примечания

1. Повесть о Борисоглебском монастыре [около Ростова] XVI века / Сообщ. Х. Лопарева. СПб., 1892.
2. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 281.
3. Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII столетиях / Изд. А.А. Титова. М., 1881. С. 15.
4. Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960. С. 55-56.
5. См.: Мельник А.Г. Надгробная икона ростовского святого Иоанна Власатого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2002. № 2(8). С. 71-80; Иконография ростовских святых. Каталог выставки / Сост. А.Г. Мельник. Ростов, 1998. С. 64.
6. Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области (далее – РФ ГАЯО). Ф. 197. Оп. 1. Д. 1078. Л. 63.
7. Мельник А.Г. Гробница святого в пространстве русского храма XVI – начала XVII века // Восточнохристианские реликвии. М., 2003. С. 550-551.
8. РФ ГАЯО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 5. Л. 13, 53.
9. Государственный музей-заповедник “Ростовский кремль” (далее – ГМЗРК). Ф. 289. Оп. 3. Д. 26. Л. 27 об.
10. РФ ГАЯО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 5. Л. 53.
11. РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 155. Л. 9-10.
12. ГМЗРК. Р-258. Л. 14.
13. ГМЗРК. Р-261. Л. 2 об.
14. ГМЗРК. Р-256. Л. 40.
15. ГМЗРК. Р-258. Л. 14.
16. Государственный архив Ярославской области. Ф. 230. Оп. 5. Д. 1015. Л. 15 об. - 16.
17. РФ ГАЯО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 306. Л. 10 об.

Крестьянинова Е.И., Никитина Г.А.
г. Ростов

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ЗАСТРОЙКИ И ПЛАНИРОВКИ РОСТОВА

Ростов, древнейший город Северо-Восточной Руси, никогда не был обделен вниманием исследователей. Древнейшие памятники города, политическая и церковная история, а также его культура достаточно глубоко изучены. Ограниченный объем данной работы не позволяет дать полную библиографию этого вопроса, поэтому мы вынуждены ограничиться именами исследователей. Начиная с середины XIX в., выходили работы М.В. Толстого, Н.А. Кайдалова, Д.А. Корсакова, А.С. Уварова, А.И. Кельсиева, А.А. Титова, Б.Н. Эдинга, Д.Н. Эдинга, Н.Н. Воронина, В.Н. Иванова, Е.И. Горюновой, А.Е. Леонтьева, А.Г. Мельника и многих других. Что же касается застройки Ростова и его планировки, то исследования по этой теме проводились А.А. Титовым, В.А. Собяниным, И.А. Морозовым, А.Е. Леонтьевым, А.Г. Мельником и др. В основном эти работы не имели систематического характера, а затрагивали лишь отдельные памятники. Поэтому целью предпринятого нами исследования является создание, по возможности, целостной истории застройки и планировки Ростова.

Как известно, Ростов возник на северном берегу озера Неро при впадении в него реки Пижеры в IX-X вв. Уже изначально для него были характерны крупный размер и постоянная динамика роста, чему немало способствовало превращение его в форпост распространения христианства в Северо-Восточной Руси. Ростовцы были крещены в 991 г., тогда же в самом центре города на торгово-вечевой площади был построен первый и главный храм Ростовской земли – церковь во имя Пречистой Богородицы.

К концу X в. территория города достигла 12 га, к середине XI в. – 25 га. Ростов превышал окружающие его поселения не только размерами, но и, соответственно, численностью жителей: в XI-XII вв. он бурно развивался, и летопись называет его “славным и многонародным”. В те времена город распространяется к северу от побережья озера; границы его очерчивают сооруженный в ту пору ров, огромное полукольцо которого упиралось концами в берег Неро, и, вероятно, вал¹. Устройство городской территории имело усадебную застройку, следовавшую рельефу местности. В начале XII в. здесь была только одна мощеная улица, которая вела к озеру со стороны двора епископа².

К началу XIII в. Ростов достиг размеров, которые не изменялись на протяжении нескольких последующих столетий: городская территория составляла тогда 200 га, что ставило его в число крупнейших городов Древней Руси. Для сравнения: размеры Киева и Новгорода превышали 300 га, Владимира – 145 га, Суздаля – 49 га. Таким образом, упоминание Ростова как “Великого” (“великого”) в обращении князя Вячеслава Владимировича к Юрию Долгорукому еще в 1151 г. не было случайным и отражало истинную значимость города³. В это время здесь было три монастыря, и письменные источники зафиксировали, что во время пожара 1211 г. в городе сгорело 15

церквей. В центре города того времени, южнее собора, располагался епископский двор, к которому примыкали два монастыря – с запада Иоанновский, а с юга – Григорьевский. Ближе к берегу стоял княжеский двор. По-видимому, городской центр был укреплен бревенчатой стеной с башнями на незначительной подсыпке⁴. Деревянный посад, находившийся за пределами центра, был сформирован по кончанской системе (например, Сретенский, Чудской концы)⁵.

В 1161-1162 гг. князь Андрей Боголюбский на месте сгоревшей деревянной церкви построил первый на Ростовской земле белокаменный Успенский собор. С 1213 г. ростовский князь Константин Всеволодович заново начинает возводить в камне рухнувший (1204) Успенский собор, строительство которого завершает в 1231 г. его сын - князь Василий (Василько)⁶. По преданию, в Ростове в 1205 г. был построен второй каменный храм – во имя Михаила Архангела, на месте обветшавшего деревянного, якобы основанного самим епископом Леонтием Ростовским⁷. Доподлинно известно, что в 1218 г. в Ростове появляется еще один каменный храм - ц. Бориса и Глеба на княжеском дворе. XIII в. был периодом дальнейшего расцвета Ростова, который становится крупнейшим центром культуры на Руси. Не случайно Ростов оказался одним из немногих городов Руси, где даже во время татаро-монгольского нашествия (XIII-XIV вв.) велось летописание, продолжалось каменное строительство - второе здание княжеского храма Бориса и Глеба было возведено в 1287 году⁸.

В начале XV в. в Ростове вновь идет крупное каменное строительство. В 1408 г. от пожара обрушились глава и своды собора, а в 1410 г. он был восстановлен. Последний раз собор перестраивается в 1508-1512 гг.⁹

При Иване IV Грозном Ростов входил в состав его опричных земель. В это время здесь было построено два новых каменных храма - Богоявленский собор (1555 г.) в Авраамиевом монастыре и ц. Вознесения (Исидора на валах, 1566 г.). Эти сооружения сохранились до наших дней. В 1582 г. была предпринята попытка возведения земляной крепости вокруг центра Ростова: "...делали пять сажен валу у Вознесения Христова в ночную сторону на самом болоте"¹⁰.

На протяжении всего средневековья, вплоть до XVIII в., на Руси действовал "Закон градский", градостроительные нормы которого были восприняты у Византии еще в IX в. В основе этих норм лежал принцип свободного размещения частей города – крепости, слобод, посада – применительно к рельефу местности. При этом город вписывался в ландшафт как органическое целое, приобретал ярко выраженную индивидуальность. Правила так называемого нерегулярного градостроения запрещали закрывать какими бы то ни было постройками вид на красивое место или чтимый храм. Они предусматривали устройство тупичков, которые перекрывали возникавшую воздушную тягу при пожарах¹¹.

Все вышесказанное относится и к Ростову. Ростов средневековый имел укрепленный центр, через который с запада на восток шла, повторяя направление береговой линии озера, вымощенная бревенчатым настилом, дорога. Вокруг центра размещались посад, слободы, огородные и выгонные городские земли. Городские слободы носили названия: Кузнецкая, Спасо-Песковская, Ямская, Сокольническая, Утячья, Сластихина, Ладанная, Квасоваренная, Варницы и др. Первые приблизительные сведения о количестве населения в Ростове появляются после литовского разорения (1608 г.) и окончания Смутного времени в связи с составлением Дозорных и Переписных книг воеводой И.В. Мотовиловым. Дозорная книга 1619 г. называет около 200 имен посадских, имевших жительство ("дворы") в Ростове. Помимо посадских, упомянуты дворы людей слободских, митрополичьих, детей боярских и поповские¹².

Семнадцатый век – последний век расцвета Ростова Великого. Именно тогда были возведены сооружения и архитектурные ансамбли, которые до наших дней определяют облик города, делают его неповторимым. В 1632-1634 гг. центр Ростова был заключен в земляную крепость, знаменитые "валы", градостроительное значение которых трудно переоценить: в дальнейшем они во многом определили регулярную застройку Ростова. Для тогдашних горожан строительство "валов" стало тяжелым бременем: они не только несли дополнительные натуральные повинности на самом строительстве (например, поставка бревен)¹³. При их возведении было снесено множество дворов ростовцев (и даже церквей). Последние десятилетия XVII в. известны в истории Ростова грандиозными строительными работами, связанными с возведением величественного ансамбля архиерейского дома – Ростовского Кремля, который и сегодня является архитектурной доминантой города.

Видимо, в этой связи Переписные книги Ростова второй половины XVII в. называют большое количество дворов "каменщиков" и "кирпичников", входивших в состав городского посада¹⁴. Документы свидетельствуют: значительная часть населения Ростова второй половины XVII в. была вовлечена в торговлю. По Окладной книге 1691-1692 гг. в городе числилось 159 торговцев и 295 торговых мест¹⁵. Ростовцы этого времени торговали не только в городе, но и вели "отъезжий торг"¹⁶. Отметим, что уже с начала XVII в. в Ростове складывается знаменитый "Сбор" - ярмарка, ставшая в XVIII в. одной из крупнейших в России, которая задавала определенный ритм и образ жизни горожан на протяжении почти трех столетий.

Именно в это время в основном из среды посадского населения начинает выделяться слой состоятельных торговых людей, представители которого впоследствии становятся крупными купцами, составившими цвет Ростова и его славу. В XVIII в. ростовское купечество осваивает торговые пути по Оренбургской и Уральской линиям, с Бухарой и Хивой. Такая торговля была очень рискованной, но приносила большую выгоду. Заработанные средства шли и на развитие города.

С середины XVIII в. в Ростове развернулось беспрецедентное церковное строительство. Взамен приходских деревянных сооружались каменные храмы. В 1745-1813 гг. их было возведено семнадцать¹⁷. Из них до наших дней в разной степени сохранности дошло 9 храмов.

Накопленные капиталы оказались востребованы и во время перестройки города. В 1775 г. в России было введено новое административное деление, в том числе образовано Ярославское наместничество. В 1777 г. Ростов получает статус уездного города, а 20 июля 1778 г. Указом императрицы Екатерины II был утвержден его

герб¹⁸. “Регулярный” план застройки Ростова был Высочайше подтвержден 23 апреля 1779 г. Построенный на законах классической планировки, он, вместе с тем, учитывал исторически сложившуюся застройку города, соединяя в себе радиально-кольцевую и прямоугольную схемы регулярных планов¹⁹. В соответствии с новым планом, ранее сформировавшийся центр Ростова, окруженный земляной крепостью, сохранил свою градообразующую функцию. Вокруг кремля была спланирована, в виде подковы, обширная ярмарочная площадь шириной 150-200 м, которая обоими своими концами выходила на берег озера. Ее обнимала полукольцевая улица Окружная, от которой веером расходились 11 улиц-радиусов. Их пересекало второе полукольцо из улиц Рождественской, Городской и Лазаревской. Вся территория Ростова была разбита на 47 кварталов, 2 площади, 28 улиц. Воплощение в жизнь этого плана было сопряжено с определенными трудностями. До перестройки в городе было 42 улицы и переулки (Широкая, Золотая горка, Шишалова, Падалица, Свахина и др.), 36 приходских храмов и погостов²⁰. Примечательно, что городские улицы, следовавшие рельефу местности, вели от храма к храму. Вновь прокладываемые улицы прошли “по живому месту”, т.е. усадебным, дворовым, огородным землям ростовцев. Ни одна из старых улиц и переулков не сохранились в своем изначальном виде. Лишь их отдельные фрагменты уцелели, указывая направления дорегулярных улиц. Это, прежде всего, основная часть современных улиц Малой Заровской и Заровской (дорегулярные Большая Заровская и Воскресенская), а также Луначарский проезд и Спартакровский проулок (дорегулярная Малая Заровская)²¹. Следует заметить, что дорегулярные улицы Большая и Малая Заровские проходили по линии древнего городского рва (XI-XIII вв.). Его расположение в этом месте зафиксировано в ростовской топонимике и прослеживается по названиям церквей: “Леонтия на Заровье”, “Благовещенья на Рву”, “Власия, что за Рвом”, “Никола на Рву”²². Особенно большие трудности возникли при разбивке торговой площади, для чего “была снесена едва ли не восьмая часть всех городских построек”²³. Осуществление регулярного плана началось в последнее десятилетие XVIII в. и шло вплоть до 1870-х гг., т.е. на глазах и при жизни трех поколений жителей Ростов совершенно изменил свой облик.

Центр города был застроен исключительно каменными зданиями; каменными были и дома на магистральных улицах. На прочих улицах не возбранялось деревянное строительство. Застройка велась по типовым проектам (фасадам) и жестко регламентировалась властями, т.е. сроки строительства, размеры сооружений, материал, цвет стен и кровли и т.п. строго оговаривались. Строительство шло интенсивно, и если в 1779 г. в Ростове было 6 каменных, 485 деревянных домов²⁴, то к 1856 г. здесь насчитывалось уже 169 каменных и 884 деревянных дома²⁵.

В 1865 г. территория города увеличилась почти вдвое за счет приобретения земель на пожертвованные помещиком М.А. Хлебниковым средства (10560 р.) и составила 1673 десятины 1566 сажень, из которых вновь приобретенных земель было 838 дес. 683 саж.²⁶

Так, в основном сложился облик того Ростова, который в главных своих чертах дошел до наших дней. Несомненная заслуга в создании “нового” города принадлежит ростовскому купечеству.

В начале XX в. в Ростове было 32 улицы, 58 кварталов; 992 домовладения с 1258-ю жилыми строениями²⁷. В этот период строительство Ростова продолжается. Здесь работал известный архитектор П.А. Трубников, по проекту которого были возведены здания гимназии, заводу управления “Товарищества Рольма”, дом Ванчагова. Продолжалось и деревянное строительство.

Двадцатый век мало, что изменил в облике города. Не было построено крупных общественных сооружений, жилищное строительство велось в основном на неосвоенных городских территориях. Историческая планировка и застройка Ростова в основном сохранились. В настоящее время проблема состоит в том, что из-за ветхости гибнет деревянная застройка, а каменная из-за отсутствия современного благоустройства становится местом обитания городских низов и, находясь в полном небрежении, также исчезает. На их место приходят сооружения, которые вносят диссонанс в ансамбль застройки старого города. Еще немного, и старинный Ростов будет потерян.

Примечания

1. Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского Междуречья. М., 1962. С. 201.
2. Леонтьев А.Е. Некоторые данные о топографии Ростова X-XIV вв. (по материалам археологических исследований // История и культура Ростовской земли. (Далее – ИКРЗ). 1994. Ростов, 1995. С. 38.
3. Там же.
4. Леонтьев А.Е. Некоторые данные ... С. 39.
5. Дубов И.В.. Города, величием сияющие. Л., 1985. С. 57, 58.
6. Иоаннисян О.М., Зыков П.Л., Леонтьев А.Е., Торшин Е.Н. Архитектурно-археологические исследования памятников древнерусского зодчества в Ростове Великом // Сообщения Ростовского (далее – СРМ). Вып. VI. Ростов, 1994. С. 201.
7. Титов А.А. Ростов Великий. М., 1883. С. 69.
8. Иоаннисян О.М., Зыков П.Л., Леонтьев А.Е., Торшин Е.Н. Архитектурно-археологические исследования... С. 40.
9. Мельник А.Г. Новые данные об Успенском соборе Ростова Великого // Реставрация и архитектурная археология: новые материалы и исследования. М., 1991. С. 125-135.
10. Мельник А.Г. Фрагменты древнерусской планировки Ростова Великого // СРМ. Вып. II. Ростов, 1991. С. 89.
11. Морозов И.А. Из истории ростовского градостроения // Путь к коммунизму. 1978. 10 дек.
12. Найденев Н.А. Ростов. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. Москва, 1884. С. 1-4.
13. ЯГВ. 1855. С. 20, 24.
14. Морозов И.А. Этот древний Ростов Великий // газета “Путь к коммунизму”. 1983 г. 4 февр.
15. Сазонова Е.И. Ремесло и торговля ростовского посада по Переписным книгам 2-ой половины XVII в. // СРМ. 1991. Вып. I. Ростов, 1991. С. 46-68.
16. Булгаков М.Б. Местная торговля г. Ростова Великого в кон. XVII в. // ИКРЗ. 1999. Ростов, 2000. С.51-55.
17. Мельник А.Г. К истории каменного церковного приходского строительства в Ростове середины XVII – нач. XX веков // X Золотаревские чтения. Материалы научной конференции. Рыбинск, 2004. С. 133-136.

18. Сазонов С.В., Ойнас Д.Б. Об эмблематике и гербе Ростова XIV-XVIII вв. // СРМ. Вып. XI. Ростов, 2000. С. 5.
19. Кривоносов В.Т. Планировка и развитие ансамблевого строительства Ростова Великого // Труды Ростовского музея. Ростов, 1991. С. 108.
20. Государственный музей-заповедник "Ростовский кремль". (Далее – ГМЗРК). Ар. 1317.
21. Мельник А.Г. Фрагменты древнерусской планировки Ростова Великого // СРМ. Вып. 2. Ростов. 1991. С. 88.
22. ГМЗРК. Морозов И.А. История Ростовских улиц. А-487. Л. 4.
23. Кривоносов В.Т. Планировка и развитие.... С. 109.
24. РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 384. Л. 7., 23.
25. Морозов И.А. Из истории ростовского ...
26. РФ ГАЯО. Ф. 2. Оп.1. Д. 57. Л. 4. Эти земли долгое время использовались под выгоны и сенокосы. Застраиваться начали с 1950-х гг. Сегодня здесь располагаются Ростовский оптико-механический завод, I и II жилые микрорайоны ("Куба"), частная застройка.
27. Собынин В.А. Ростов в прошлом и настоящем. Ростов Ярославский, 1928. С. 38, 41, 42.

Белова Н.В.
г. Ярославль

ДОМ И УСАДЬБА ПРИХОДСКОГО СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ В КОНЦЕ XVIII - НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХИИ)

Вопрос о жилье для приходского духовенства неоднократно поднимался на протяжении рассматриваемого периода. Об остроте проблемы свидетельствует включение этого вопроса в формулярные ведомости. Однако в работах, посвященных приходскому духовенству, эта тема не получила должного освещения. Основным источником для данного исследования послужили описи имущества, которые составлялись после смерти священнослужителей.

В среде приходского духовенства существовало три основных типа жилья: 1) это отдельный дом для каждого клирика; 2) общий церковный дом для всех членов причта; 3) наемная квартира.

Дома первого типа широко были распространены в сельской местности. Как правило, они были деревянными одноэтажными, покрыты соломой или тесом. Чаще всего дома были развернуты торцом на улицу, крыльцо пристраивалось к боковой стене. Строились дома достаточно компактно и нередко образовывали улицу. Рядом располагались огороды членов причта, а позади всех домов овины и различные хозяйственные постройки.

Поступая на новое место, священнослужитель мог либо купить дом, либо построить новый. И то и другое было сопряжено со многими трудностями. Церковные власти утвердили особые условия продажи домов. Выбывшим на другие места священнослужителям или наследникам умерших предписывалось продавать дома, стоящие на церковной земле, только вновь поступившим на эти места¹. Сделка происходила либо по взаимному согласию, либо по оценке. Но указы эти нередко нарушались, купля-продажа домов вызывала множество спорных ситуаций. Случалось, что клирик по прибытии на новое место обнаруживал, что дом уже продан. Возникали нарекания и при оплате покупки. В фонде ЯДК и духовных правлений сохранились прошения о взыскании денег за проданные дома.

Постройка нового дома нередко была сопряжена с множеством сложностей. Прежде всего, клирик, желающий выстроить дом или хозяйственные постройки, должен был получить согласие всех членов причта. В противном случае, дело направлялось в консисторию. При строительстве необходимо было соблюдать меры противопожарной безопасности ("строить дома по прямой линии и оставлять как можно более широкую улицу, до 10 сажень и более")². Нарушение их могло повлечь за собой запрещение строительства.

В некоторых случаях дом строился на средства прихожан. Дома для членов причта строили, когда возникала угроза упразднения церкви "по малоприходству". Подобная практика получила распространение в середине и второй половине XIX в.

Другим вариантом жилья для священнослужителей был церковный дом для всего причта. Подобные дома чаще встречались в городах. Строился дом на церковную сумму, либо на пожертвования богатых прихожан, и, как правило, был двухэтажным. Например, в Ярославле в 1840 г. общий церковный дом имелся при 25 из 45 церквей. В том числе, 4 дома были построены для причтов двух церквей³. Надо сказать, что наличие общего церковного дома еще не гарантировало отсутствия проблем. Проживание в одном доме, использование общих хозяйственных построек нередко было причиной ссор. К тому же прихожане далеко не всегда соглашались способствовать улучшению жилищных условий духовенства. Например, в 1818 г. прихожане Мологского собора отказались выкупить землю для дома причта⁴.

Третьим типом жилья была наемная квартира. Конечно, это было более типично для городского духовенства, но случалось и в сельской местности. Часто квартира была лишь временным пристанищем до приобретения постоянного жилья. Иногда клирикам приходилось жить и в подсобных помещениях.

В середине XIX в. в рамках мер, предпринимаемых для улучшения быта духовенства, распространилась практика выкупа домов, принадлежащих клирикам, на церковную сумму с целью обращения их в церковную собственность. Строились и новые дома на церковную "кошельковую" сумму. По данным епархиальной прессы, к 1873 г. при 429 церквях были устроены дома для священнослужителей⁵.

Практически во всех описях имущества сельских клириков мы находим упоминания о хозяйственных постройках. Рядом с домом располагался двор, где находились постройки для скота, хранения кормов, сельскохозяйственных орудий и транспорта. Часто двор был покрыт соломой или тесом. Интересно, что дворы имелись и при домах городского духовенства. Например, у дьячка Толгской церкви г. Ростова Якова Семенова

рядом с домом были баня и двор, которые были покрыты тесом⁶. Практически в каждом хозяйстве был амбар – холодное помещение для хранения зерна. В связи с коротким и не очень теплым летом необходимы были так же помещения для просушки зерновых снопов, стеблей льна, льняного семени. Как показывают описи, духовенство для этой цели чаще всего использовало овины. Реже в качестве сушилен использовали риги. В хозяйстве имелись сараи для хранения сена и соломы, погребов, представлявшие собой глубокие четырехугольные ямы. Нередко строились еще и бани, которые топились по-черному.

Таким образом, в рассматриваемый период в среде приходского духовенства существовало три основных типа жилья. Отдельный дом был более распространен в сельской местности, общий церковный дом – в городах, а квартира часто была жильем временным. В сельской местности и уездных городах рядом с домом находился двор и хозяйственные постройки. Внешний вид домов, их стоимость, обеспеченность хозяйственными постройками напрямую зависели от имущественного положения клирика.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 18. № 13 067.
2. Ярославские епархиальные ведомости (далее – ЯЕВ). 1889. Ч. неоф. № 50. 11 декабря. Ст. 793-794.
3. Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). Ф. 230. Оп. 1. Д. 14300-14302.
4. Рыбинский филиал ГАЯО. Ф. 210. Оп. 1. Д. 1668. Л. 10.
5. ЯЕВ. 1873. Ч. неоф. № 51.
6. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 9846. Л. 2.

Овсянников С.Н.
г. Рыбинск

ЦЕРКОВНОЕ ЗОДЧЕСТВО В ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХИТЕКТОРА П.Я. ПАНЬКОВА

Последние 15-20 лет архитектура церковных построек Ярославской губернии, относящихся не к временам Древней Руси, а к XVIII-XIX векам привлекает всё большее внимание. Повышение интереса к Православию породило целый ряд изданий, где сосредоточен значительный изобразительный и фактический материал¹. Усилиями прежде всего ростовских исследователей: Р.Ф.Алитовой, А.Г.Мельника² и др. появился целый ряд статей, посвященных уже не просто фиксации памятников этой эпохи, но изучению процесса их проектирования, анализу их особенностей и закономерностей.

Первая половина XIX столетия для архитектуры русской провинции – особый период. Это было время, когда стремление государственного аппарата привести облик населенных пунктов на территории необъятной империи в соответствие с требованиями господствовавшей эстетики начало в широких масштабах претворяться в жизнь. Едва ли не ведущая роль отводилась здесь церковным постройкам. Регламентировать их возведение было значительно легче: проекты довольно дорогостоящих и требующих достаточно значительного уровня профессиональных навыков сооружений утверждались в целом ряде инстанций. Да и роль храма в жизни большинства россиян той поры трудно переоценить.

В самом начале века облик строившихся храмов Ярославской губернии отличался значительным разнообразием. Даже в 1810-х гг. среди строившихся сельских церквей встречались удивительно архаичные решения, восходящие едва ли не к допетровским временам. Удивительно, что они нередко были плодом не народного творчества, а Ярославской духовной консистории, о чем свидетельствуют храмы, построенные по проектам ее подканцеляриста Андрея Мизерова, например, проект церкви с. Боровицы Ростовского района (1803)³.

Одновременно встречались и постройки, проекты которых практически лишены черт провинциальности, кроме привнесенных при строительстве. Чаще всего это встречалось среди усадебных церквей, подчас спроектированных столичными архитекторами или повторявших полюбившиеся заказчику образцы с некоторым стилистическим запозданием (церковь с. Татищев погост Ростовского района, освященная в 1810 г.).

Существовали и некоторые типы храмов, характерные именно для данной местности. Так, в начале XIX в. была популярна разновидность типа «восьмерик на четверике», где грани восьмерика – через одну – завершались треугольными фронтонами (храмы с. Юрьевское (1810), с. Львы (1807; проект 1804) Варницкого монастыря (1814) Ростовского района, с. Заячий холм (1814) Гаврилов-Ямского района).

Огромное влияние на церковное зодчество первоначально Ростовского края, а затем всей губернии оказало строительство грандиозного Димитриевского храма (1795-1801) Ростовского Спасо-Яковлевского монастыря возведенного архитекторами, приглашенными гр. Н.П.Шереметевым⁴. Создатели местных храмов начала XIX в. неоднократно «цитировали» его характерные особенности, а именно: своеобразную форму портиков и оконных проёмов.

Попытка впервые воспроизвести такой портик, возможно была применена в первом, неосуществленном проекте упомянутой каменной церкви с. Львы; 1800 г. Ростовского уезда Покровской церкви⁵. Четыре колонны портика расставлены попарно, а антаблемент и фронтоны прорезаны аркой пологой формы.

Что касается оконных проёмов, то в Димитриевском соборе барабан купола разделен на два яруса, в нижнем из которых окна полуциркульные, а в верхнем – овальные. Эти два типа окон также активно использовались в сельских церквях начала XIX века⁶. Строители выбирали для барабанов, восьмериков или даже верхней части

стены (с. Шарна Любимского района (1807)) один из этих типов окон или же использовали их в разных сочетаниях.

Интересно, что первоначальное распространение эти особенности получили в начале XIX в. в Ростовском уезде. Именно в это время там делал свои первые шаги на архитектурном поприще ростовский мещанин, потомственный резчик Петр Яковлевич Паньков. В архитектуре его храмов, зафиксированной с неосуществленного проекта теплой церкви Сретенского прихода Ярославля (1815)⁷, и - Покровской церкви Казанского монастыря в Ярославле (1819; построена в 1820-1828)⁸, данные черты присутствуют так часто, что становятся своеобразной визитной карточкой Панькова. Особенно полно и органично они определили облик Покровской церкви. Вероятно, она нравилась и самому архитектору, и его заказчикам. Это привело к тому, что он был воспроизведен еще несколько раз⁹.

Став в 1823 г. губернским архитектором, Паньков продолжает применять данные приемы. Но уже с середины 1820-х гг. появились альбомы типовых проектов церковных зданий¹⁰, указом от 14 февраля 1825 г. настоятельно рекомендованные в качестве образцов, о чем достаточно подробно писала Р.Ф. Алитова.

Губернский архитектор не мог их игнорировать. Эскизные чертежи¹¹ перестройки Входаиерусалимской (Ярославских чудотворцев) церкви Спасского монастыря Ярославля показывают, что храм первоначально обладал всеми упомянутыми выше особенностями. При этом Паньков довольно оригинально подчеркивал двойное посвящение храма, составленного из двух объемов (древнего и пристраиваемого) под единым куполом. В выстроенной церкви Ярославских чудотворцев и портик, и объемное решение здания значительно более стандартны. Тем не менее, в творчестве Панькова до конца 1830-х гг. прослеживается определенная преемственность с его более ранними постройками. Это говорит, что альбомы образцов были для него, скорее, источником отдельных приемов, чаще заимствованных из разных образцов.

Среди проектов, составленных или хотя бы рассмотренных Паньковым, практически нет широко представленных в альбоме 1824 г. «античных» ротонд, простилий или даже периптеров, отношение которых к Православию обозначалось лишь миниатюрной сферой с крестом над входом. Редко встречаются купола, поставленные прямо на кровлю здания без хотя бы минимального обозначения барабана. Редки и миниатюрные парные колокольни (Ильинско-Тихоновская церковь Ярославля, церковь в Карабихе, проект перестройки храма Троицы в Нарядове Ростовского уезда (1839)¹²). Последняя – перекрытый куполом строгий кубический объем с фасадами на основе проектов альбома Михайлова и Шарлеманя №№ 16 и 19¹³. Но его план и интерьер радикально отличаются от всех проектов альбома, поскольку автор неосуществленного сооружения остроумно вписал в его объем старый храм и симметричную ему новую пристройку. Фактически это повторение приёма, использованного Паньковым в эскизе церкви Ярославских Чудотворцев и, как и тогда, невоплощенного.

Сам характер храмов Ярославской губернии второй четверти XIX в., отличен от довольно лаконичной архитектуры рекомендованных образцов. В реально построенных ярославских церквях больше окон, которые много чаще чем в образцах имеют арочные, а не прямые перемычки, что, возможно, диктовалось практическими соображениями лучшего освещенности интерьера. Этим, отчасти, смягчалась и суровая лаконичность фасадов здания. К тому же, строгая гладь стены в храмах губернии довольно часто обогащалась пилястрами, подчас даже парными. В то же время, дорогостоящие колонные портики нередко заменяются пилястровыми или нишами с полуциркульным верхом, встречающимися в образцах значительно реже.

Конечно, степень участия губернского архитектора в создании многочисленных храмов была очень разной. Механизм их проектирования предполагал наличие неких первоначальных проектов, которые Духовная консистория предлагала на рассмотрение Строительной комиссии, возглавляемой губернским архитектором¹⁴. Проекты могли составляться в самой консистории или подаваться туда заказчиками. Иногда их автором мог быть и сам Паньков. Обычно же он вмешивался на следующем этапе, перед представлением проектов Синоду. О степени вмешательства можно судить по косвенным признакам. Несомненно, что нередко Панькову приходилось иметь дело с далеко не высокопрофессиональным проектным материалом. Поэтому сделанные им исправления могли носить весьма серьезный характер.

Тем не менее, в сельских храмах, построенных в период руководства Паньковым губернской архитектурной службой, встречаются несвойственные ему формы архаизмов. Так, в Успенском храме с. Скнятиново (1832) вместо венчающей ротонды использован восьмерик. Преображенский храм пос. Петровское (1834), несмотря на видимое следование проектам альбома, (проект № 15¹⁵) своим пофронтонным покрытием близок восьмискатным храмам соседнего Ростова. А на куполе строгой ротонды, венчающей Сергиевскую церковь с. Поддубное (1836) Ростовского района возникло совсем необычное для данной композиции, но очень характерное для национальной традиции церковной архитектуры, пятиглавие.

Среди храмов встречаются и продолжающие традиции XVII в. двусветные четверики с пятиглавием, построенные ещё до того как подобные композиционные формы были легализованы альбомом проектов К.А.Тона 1838 года (Владимирская церковь с. Давыдова (1834)). В Воскресенской церкви с. Закедье Борисоглебского района (осв. в 1848) этот четверик сочетался с портиком, имеющим арочный фронтон. Это говорит о том, что и заказчики, и строители вносили в облик здания свои особенности. Характерно, что и в первой половине XIX в. продолжала существовать определенная зависимость типа храма от местных традиций и образцов, стоявших в соседних селах¹⁶. Ясно, что эту преемственность отслеживал не губернский архитектор.

К сожалению, сейчас зачастую сложно решить, какой характер имели, поправки Панькова в рассматривавшиеся им проекты. Так, в 1838 г. он исправил план и фасад церкви с. Лютова¹⁷. Сохранившийся храм и формами, и композицией, где к четверику с востока и запада примыкают два полукружия, похож на известную церковь в подмосковной Ахтырке, спроектированную А.С.Кутеповым и воспроизведенную им в

альбоме фасадов¹⁸. Но использовал ли Паньков кутеповский проект или, напротив, смягчил его строгость и лаконизм разнообразно сгруппированными парными ионическими колоннами, осталось неизвестным.

Утверждение Паньковым в том же году плана и фасада церкви с. Княжова Мышкинского уезда - прекрасного образца ампира, близкого архитектуре образцовых проектов, но не повторяющего ни один из них - вероятно, было лишь формальностью.

Зато в ряде случаев можно говорить именно о влиянии губернского архитектора на местных проектировщиков. Так, проект перестройки Алексеевской церкви Алексеевского монастыря в Угличе¹⁹ был подписан уездным землемером Николаем Паниным и лишь рассмотрен Паньковым. Тем не менее, декор его фасадов определяют именно характерные портики с арками и парными ионическими колоннами.

В Святых вратах Покровского монастыря под Угличем в несколько модифицированном виде была воспроизведена композиции перестроенной Паньковым Никольской церкви Авраамиева монастыря²⁰. В решении ее фасада несоразмерно канону увеличена высота фриза. Данный приём, в данном случае позволивший согласовать членения портика с высотой фланкирующих его старинных башен, сближает этот утраченный памятник с Федоровской церковью местного Богоявленского монастыря (1808). Это заставляет предположить возможное авторство местного последователя Панькова.

Подводя итоги, отметим, что архитектурная деятельность П.Я.Панькова связана с местными традициями зодчества. В результате творчество губернского архитектора стало столь органичной частью ярославского классицизма, что часто сложно провести грань между его собственными работами и другими постройками 1820-30-х гг., тем более, что большинство из них также прошло через его руки.

Лишь в постройках конца 1830 – начала 1840-х гг. усиливается, по крайней мере, внешнее следование рекомендованным образцам. Стремясь удовлетворить требованиям вышестоящих инстанций, архитектор, лишь время от времени демонстрировал, явно не желая того, что его понимание классицизма отличается от канонического.

Примечания

1. Монастыри и храмы земли Ярославской. Т. 1-3. Ярославль-Рыбинск. 2000-2001.; Рутман Т.А. Храмы и святыни Ярославской земли. Ярославль, 2005.
2. Алитова Р.Ф. К истории церковного строительства в Ростовском уезде (XVIII – начало XIX вв.) // История и культура Ростовской земли. 2002. Ростов, 2003. С. 87-107; Она же. Церкви Ростовского уезда второй трети XVIII – начала XX вв. // Сообщения Ростовского музея. Вып. XIV. Ростов, 2003. С. 328-346. Она же. Церковные постройки архитектора П.Я.Панькова в Ростовском уезде // Краеведческие записки. Вып. 8. Ярославль, 2005. С. 453-458. Мельник А.Г. К истории каменного церковного приходского строительства в Ростове сер. XVIII – нач. XIX вв. // X Золотаревские чтения. Рыбинск, 2004. С. 133-135.
3. См: Алитова Р.Ф. К истории церковного строительства... С. 91.
4. Авторами храма обычно называют вольноотпущенника Шереметева – архитектора Елезвоя Семеновича Назарова (1747-1822) и крепостных зодчих – Душкина и Алексея Федоровича Миронова (1745-1808).
5. Опубликован Алитовой Р.Ф. К истории церковного строительства... С. 97.
6. Возможно, впервые в осуществленном проекте всё той же церкви с. Львы. См: у Алитовой Р.Ф. в статье «К истории церковного строительства...» С. 100.
7. ЯМЗ. Папка 82, № 42749/3.
8. ЯМЗ. Папка 82, № 42727.
9. Толгская (теплая) церковь Власьевского прихода, заложенная в 1825 г., Никольский собор в Мышкине (перестр. в 1837 г.), возможно, плохо сохранившийся теплый собор в Любиме.
10. Собрание планов, фасадов и профилей для строения каменных церквей. СПб, 1824; Фасады церквей, колоколен и иконостасов, проектированные и изданные архитектором, надворным советником и кавалером Кутеповым А.С. М., 1829; Церкви, сочиненные архитектором Константином Тоном. СПб, 1838.
11. ГНИМА. РІ 3075, РІ 3076.
12. ГМЗ РК. Ар-794-796. Сведения о проекте любезно предоставлены Алитовой Р.Ф. ...
13. Алитова Р.Ф. Церковные постройки архитектора Панькова в Ростовском уезде. С. 456-457.
14. См. Алитова Р.Ф. К истории церковного строительства в Ростовском уезде... С. 87-95.
15. Там же. С. 457.
16. Алитова Р.Ф. Церковные постройки архитектора Панькова в Ростовском уезде... С. 455-456.
17. ГАЯО, ф. 76. Оп. 1. Д. 63. Л. 141; современный вид храма см.: Монастыри и храмы земли Ярославской. Т. 3. С. 219. Там же автором ее проекта назван архитектор Стольник П.С.
18. Фасады церквей, колоколен и иконостасов, проектированные и изданные архитектором, надворным советником и кавалером Кутеповым А.С. М., 1829.
19. УгМЗ; А-38. Атрибутирована как Алексеевская церковь Е.А.Леукайнененом (Угличский музей).
20. См. Эдинг Б.Н. Ростов Великий. Углич. С. 152. Монастырь разрушен при строительстве Угличской ГЭС.

Фролова Т.В.
г. Ярославль

ВОЗРАСТ СУПРУГОВ В РУССКОЙ ГОРОДСКОЙ СЕМЬЕ В XIX В. (НА ПРИМЕРЕ Г. ЯРОСЛАВЛЯ, РОСТОВА, РЫБИНСКА)

Исследование семьи и семейных отношений является традиционной темой в отечественной и зарубежной науке, поскольку семья является основным и наиболее стабильным социальным институтом. В семье происходит

процесс формирования личности, реализуются потребности человека в повседневном доверительном общении с близкими родственниками, в длительной интимной связи, рождении детей. Кроме того, значительную роль семья играет в воспитании человека. Именно через институт семьи происходит передача накопленных народом духовных традиций и культурных ценностей.

В настоящее время обращение к изучению семьи представляется весьма актуальным в силу целого комплекса причин. Прежде всего, следует отметить, что в постиндустриальном обществе значительно трансформировалось само понятие семьи и брака. Значительное увеличение разводов и пар, живущих в так называемом «гражданском браке», отразилось на демографическом развитии современного российского общества. Среди других причин следует отметить сокращение рождаемости. Изменение демографического поведения делает вполне оправданным интерес к истории вопроса.

Среди наиболее общих исследований по истории формирования городского населения в России XIX в. следует отметить работы П.Г. Рындзюнского¹. На основе неопубликованных материалов им рассматривается изменение сословного состава горожан, истоки пополнения городских сословий, уровень промышленного развития городов. Вслед за П.Г. Рындзюнским к подобным проблемам обратился Б.Н. Миронов². Обширная источниковая база позволила автору проанализировать численность городского населения, его социальную мобильность, а также развитие городской экономики и изменение отраслевой структуры занятости горожан. Большой интерес для нас в этих работах представляют данные, приводимые авторами по городам Ярославской губернии. Из историко-социологических исследований следует отметить также одно из последних исследований Б.Н. Миронова, затрагивающее вопросы социального развития России в XVIII – начале XX вв.³

Значительный интерес представляет и диссертация К.А. Анкушевой, посвященная изучению городских сословий Зауралья в конце XVIII – начале XX вв., где были затронуты вопросы правового регулирования принадлежности к городским сословиям, их состав, динамику, численность, а также экономическую деятельность и участие городских сословий в общественном управлении⁴.

Быт горожан во всем его многообразии стал предметом внимания М.Г. Рабиновича⁵. Однако широкие территориальные и хронологические рамки исследования позволили автору отметить лишь общие тенденции, характерные для семейного быта горожан. Более конкретным в территориальном плане является исследование городов средней полосы РСФСР Л.А. Анохиной и М.Н. Шмелевой⁶. На конкретном этнографическом материале в книге проанализированы занятия населения, материальная культура, общественный быт и досуг и т.д. в связи с историей формирования городского населения, его социальной структурой.

Выявление социально-бытовых групп, наиболее полно представляющих городское население, а также определение общезнаковой и собственно городской специфики культуры и быта стало сюжетом исследования О.Р. Будины и М.Н. Шмелевой⁷. Семейная обрядность горожан, и, в частности, брак и свадебная обрядность стала предметом специального исследования Г.В. Жирновой⁸. Сужение территориальных и временных рамок работы позволило автору проследить не только общие тенденции, но и региональные особенности свадебной обрядности горожан средней полосы России.

Особую группу исследований представляют труды, посвященные демографическим аспектам развития городов. Большое значение для исследований социально-демографических процессов в России имели работы В.М. Кабузана. Используя данные ревизского учета населения, он проследил изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в.⁹ Автором были обработаны материалы ревизий и выявлены процессы размещения населения. Выбор источника автор объяснял его большей полнотой и достоверностью по сравнению с данными церковного и полицейского учета населения.

Сужение территориальных границ исследований и формирование новых направлений в изучении демографических процессов, таких как микроистория, история повседневности обусловило обращение к изучению массовых источников. Так, источниковедческий анализ метрических книг и практика их использования при изучении демографического поведения крестьян Алтайского края представлен в докладе В.Н. Владимировой и И.Г. Силиной¹⁰. Возможность использования исповедных росписей и метрических книг в качестве источников по изучению демографического поведения населения г. Пскова рассматриваются И.И. Дитрих¹¹.

Привлечение массовых источников требует значительного времени для обработки первичных данных, что объясняет обращение авторов к вопросам технологии их обработки. Среди последних работ можно отметить публикации В.В. Канищева, Р.Б. Кончакова¹², Э.Б. Морозовой¹³, О.М. Зайцевой, Н.В. Стрекаловой¹⁴, Е.П. Мареевой¹⁵, М.А. Марковой¹⁶, П.А. Менуховой¹⁷ и др. Вопросы использования новых компьютерных технологий по обработке метрических книг и создания базы данных затрагиваются и в статье В.Н. Владимировой, В.В. Плодунова, И.Г. Силиной¹⁸. Взаимосвязь эпидемий и смертности в карельских деревнях рассматриваются в статье С.С. Смирновой¹⁹. Отдельные вопросы, касающиеся юридического статуса мещан, экономическим аспектам семейных отношений, на примере городов Ярославской губернии были затронуты в исследованиях О.А. Кострикиной, Е.И. Сазоновой и др.²⁰

Как видим, вопросы, касающиеся демографического развития русской городской семьи XIX в., хоть и становились темой специальных исследований, но оставили за пределами внимания достаточно много аспектов, касающихся, в частности, губерний Верхневолжья.

В настоящем сообщении мы попытаемся проанализировать вопрос о возрастной дифференциации супругов в русской городской семье. Традиционно считалось, что муж, как глава патриархальной семьи, должен быть старше жены. В то же время рядом исследователей было отмечено, что в реальной жизни подобная практика соблюдалась не всегда.

Источником для настоящего исследования послужили исповедные росписи шести приходов городов Ярославля, Ростова и Рыбинска. Как известно, в исповедных росписях наряду с указанием родства членов семьи,

указывался и возраст членов семьи, что позволило выявить возрастную разницу между супругами²¹. Следует сразу оговориться, что в исследуемых нами приходах сословный состав был примерно однороден, и большинство населения было представлено мещанами. Численность других сословий на фоне мещанства была незначительна.

Для большей наглядности данные исповедных росписей были сведены в таблицу. Значения в таблице относятся к семьям, где оба супруга состояли в первом браке. (См. табл. 1).

Таблица 1. Возрастная дифференциация между супругами, %.

	Параскевы Пятницы ²²		Иоанна Златоуста ²³		Сретенска я ²⁴		Николая Чудотворц а ²⁵		Стефановск ая ²⁶		Преображе нская ²⁷	
	18 04	18 61	180 4	18 51	18 21	18 61	1 8 0 1	18 52	1 8 0 1	1857	1 8 1 0	185 2
Ровес ники	13	5	10	7	4	4	8	5		6	2 0	6
1-3 года	45	26	43	40	39	30	3 1	23	4 7	27	3 0	20
4-6 лет	25	16	16	22	18	28	2 4	22	1 9	18	2 1	24
7-10 лет	3	15	8	8	10	20	1 8	13	1 4	17	9	13
11-20 лет	8	12	6	7	12	12	2	10	9	16	5	20
Св. 21 г.	-	3	-	-	2	2	1	2	-	-	-	4

Как видим, подавляющее большинство супругов имели разницу в возрасте от 1 до 10 лет. В то же время при обработке данных исповедных росписей выявилась достаточно четкая закономерность: с увеличением численности чиновничества в приходе увеличивалось количество браков, в которых муж был старше жены более чем на 21 год.

Численность семей, где один из супругов состоял во втором браке, в исследуемых приходах была достаточно невелика. В среднем таких семей по приходам насчитывалось в разные годы от 1 до 10 % в зависимости от численности семей, проживавших в приходе. Так, например, в приходе Стефановской церкви в 1801 г. числилась только одна семья, где муж состоял во втором браке, но в процентном отношении это составляло 4%. В 1857 г. численность таких семей увеличилась, но среди общей численности семей эти семьи составляли только 1%²⁸.

Как правило, состоящими во втором или третьем браке в исповедных росписях числились мужчины. Вступление женщины во второй брак было отмечено в единичных случаях. В этих семьях в большинстве случаев старшинство мужчины ограничивалось 4-6 годами, реже случались ситуации, когда муж был старше жены на 11-20 лет. Соответственно, единичными были ситуации, когда жена была моложе мужа более, чем на 20 лет, хотя исключительными такие случаи назвать нельзя.

К единичным случаям можно отнести семьи, в которых старше была жена. В большинстве подобных семей старшинство жены не превышало 1-3 лет. Намного меньше было выявлено брачных союзов, в которых жена была старше на 4-6 лет, и, исключительными являлись случаи, когда муж был моложе более, чем на 6 лет. Максимальная разница в возрасте между супругами составляла 13 лет²⁹.

В целом, можно отметить, что в городской семье в XIX в. традиционным считалось старшинство мужчины, хотя были и исключения. В среднем разница между супругами составляла от 1 до 6 лет. В то же время необходимо отметить, что в зависимости от счета брака разница в возрасте между мужем и женой могла увеличиваться до 20 и более лет.

Примечания

1. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.
2. Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1869-е гг. Л., 1990.
3. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 2000.
4. Анкушева К.А. Городские сословия Зауралья в конце XVIII – начале XX в. Дисс...канд. ист. наук. Тюмень, 2005.
5. Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. Он же. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.

6. Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем: на примере г. Калуга, Елец, Ефремов. М., 1977.
7. Будина О.Р., Шмелева М.Н. Город и народные традиции русских. М., 1989.
8. Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М., 1980.
9. Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. (По материалам ревизий). М.: Наука, 1971.
10. Владимиров В.Н., Силина И.Н. Метрические книги как историко-демографический источник // <http://www.hist.msu.ru>
11. Дитрих И.И. Исповедные росписи и метрические книги как источник по исторической демографии г. Пскова // <http://e-lib.gasu.ru/mak/arhiv/2005/37.doc>
12. Кончаков Р.Б. Демографическое поведение крестьянства Тамбовской губернии в XIX – начале XX в. Новые методы исследования. Автореферат на соискание степени канд. ист. наук // <http://www.tambovdem.ru/abstract.php?id=konchacov>
13. Канищев В.В., Кончаков Р.Б., Морозова Э.Б. Технология комплексной обработки баз данных по исторической демографии России // <http://www.hist.msu.ru>
14. Канищев В.В., Зайцева О.М., Стрекалова Н.В. Технология обработки электронных баз данных по социальной стратификации российского города начала XX в. // <http://www.hist.msu.ru>
15. Мареева Е.П. Мужчины и женщины при заключении и расторжении брака в XIX в. (по материалам Тамбовской епархии) // <http://tambovdem.ru/theses.php?id=conference.distribut>
16. Маркова М.А. О точности учета младенческой смертности в метрических книгах Карелии // <http://www.hist.msu.ru>
17. Менухова П.А. Опыт применения когортного анализа при изучении демографических процессов в Олонецкой губернии (1810-1918 гг.) // <http://www.hist.msu.ru>
18. Владимиров В.Н., Плoduнов В.В., Силина И.Г. Компьютер и историческая демография // <http://hist.dcnas.ru/histdem/8.html>
19. Смирнова С.С. К вопросу о влиянии эпидемий на смертность в карельской деревне во второй половине XIX в. // <http://www.hist.msu.ru>
20. Кострикина О.А. Мещанство уездных городов Ярославской губернии в конце XVIII – начале XIX вв. Дисс....канд. ист. наук. Ярославль, 2003; Сазонова Е.И. Мир вещей ростовского обывателя первой половины XIX в.: домашний скарб и носильная одежда // История и культура Ростовской земли. Ростов, 1993.
21. Говоря о разнице в возрасте между супругами подразумевается, что муж старше жены. Обратных случаев за весь период было выявлено очень немного и они оговариваются в тексте отдельно.
22. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 1024, Оп. 3. Д. 1491.
23. Там же. Д. 1689, Оп. 3. Д. 662.
24. Там же. Д. 7949.
25. Там же. Д. 3933, Оп. 3. Д. 1273.
26. Там же.
27. ГАЯО. Ф. 230. Оп.1. Д. 3935.
28. Там же. Д. 3933, Оп. 3. Д. 1273.
29. Там же.

Максимов А.В.
г. Ярославль

КЛАД МЕДНЫХ МОНЕТ ИЗ ДЕРЕВНИ ЗНАМОВО

В ноябре 1962 г. в Рыбинский музей был передан клад, содержащий 171 экз. медных монет XVIII-XIX вв., найденный в деревне Знамово Некоузского (по старому административно-территориальному делению Рыбинского) района при постройке нового дома. Клад получил регистрационный номер 10749, была составлена инвентарная опись монет, которая в настоящее время занесена в компьютер, однако углубленного изучения его не проводилось. Два года назад клад был визуально изучен автором данного сообщения. Монеты получили атрибуцию по каталогу В.В. Узденикова 1992 г., составлено каталожное описание клада, сделан его историко-нумизматический анализ.

Монеты принадлежали чекану 6 правителей: Анна Иоанновна – 1 экз.; Елизавета Петровна – 1; Екатерина II – 2; Павел I – 12; Александр I – 123; Николай I – 30 экз.; правитель не установлен из-за плохой сохранности – 2 экз. Монеты были 5 номиналов: 5 копеек – 4 экз.; 2 копейки – 104; 1 копейка – 43; денга – 18; полушка – 2 экз.; и 5 весовых норм: 10-, 16-, 24-, 36- и 32-рублевой стопы (соответственно 1, 16, 139, 13 и 1 экз.). На 168 экз. есть обозначения монетных дворов: ЕМ – 151 экз., ИМ – 9, СПБ – 7, АМ – 1 экз., без обозначения места чеканки – 2 экз. Наличие или отсутствие обозначения места чеканки у 1 экз. не установлено. Монеты 24- и 36-рублевой стопы имеют инициалы минцмейстеров: НМ – 87 экз., ПС – 11, ЯВ – 4, ФГ – 2, ПГ – 13, ИК – 20, ФХ – 13, НА – 1 экз. У 2 экз. плохой сохранности инициалы минцмейстера не определены. На 18 экз. других весовых норм их нет.

В кладе есть 5 не совсем обыкновенных монет, согласно каталогу В.В. Узденикова. Все они – 2-копеечники, отчеканенные в 1810-1811 гг. в Екатеринбурге, с орлом обычного рисунка и инициалами минцмейстера НМ на аверсе и со шнуровидной насечкой на гурте.

Старшая монета комплекса – денга 1738 г., младшая монета – полушка 1852 г. Но, вероятно, эту полушку не следует рассматривать как монету, датирующую клад. Она на 14 лет моложе своего ближайшего предшественника, 2-копеечника 1838 г., который является младшим экземпляром достаточно компактной группы монет 1810-х – 1830-х гг. Более ранних экземпляров, то есть монет XVIII в., в кладе немного – всего 17 (или 1/10 часть). Такая структура монетного комплекса позволяет видеть в нем клад короткого накопления конца 1830-х гг. Полушка 1852 г. могла попасть в комплекс в условиях музейного хранения или оказаться сопутствующей кладу находкой, сданной в музей вместе с другими монетами.

На материале клада мы имеем возможность проследить изменения основных весовых норм медных денег с 30-х гг. XVIII по 30-е гг. XIX в. За эти 100 лет вес монет уменьшился в 3,6 раза. Если денга 1738 г. была отчеканена по стопе 10 рублей из пуда меди, то монеты клада 1757-1799 г. выпускались уже из расчета по 16 рублей из пуда, экземпляры 1810-1829 гг. – по 24-рублевой стопе, а 1831-1838 гг. – по 36-рублевой. Но не все изменения стопы медных монет, которыми была особенно богата 2-я половина XVIII в., оставили след в нашем кладе. В свое время, в связи с очередными изменениями весовой нормы, самые полновесные российские медные монеты – копейки 8-рублевой стопы 1755-1757 гг., а также очень недолго выпускавшиеся монеты 32-рублевой стопы образца 1762 и 1796 гг. активно изымались из обращения, поступая, главным образом, в перечеканку. Перечеканенных экземпляров в нашем кладовом комплексе не выявлено. После 1797 г. перечеканка как способ переработки устаревших монет больше не применялась, а утилизация их путем переплавки приносила меньшую экономическую выгоду. И потому при каждом новом изменении монетной стопы и выпуске новых монетных серий изъятие из оборота всех отчеканенных ранее монет происходило менее интенсивно. Совместное обращение медных денег нескольких весовых норм и запечатлел наш клад.

Самая полновесная монета клада – денга 1738 г. 10-рублевой стопы. Полушки и денги этой весовой нормы выпускались с 1730 по 1754 год. Интересно отметить, что в качестве прототипа их реверса был использован рисунок одного из типов аверса нотдалера Герца 1718 г., шведской медной кредитной монеты. На денги и полушки предполагалось выменять у населения всю массу старых медных монет, прежде всего, легковесные 5-копеечники 40-рублевой стопы. Монеты образца 1730 г. быстро заняли прочные позиции в обращении, а благодаря указу от 8 апреля 1757 г., который после очередного изменения весовой нормы медных монет предписывал сохранять в обороте денги и полушки 10-рублевой стопы, они продолжали участвовать в обращении еще много лет.

Остальные монеты XVIII в. из этого клада, отчеканены по 16-рублевой стопе, введенной в 1757 г., вскоре после начала Семилетней войны. Для покрытия резко возросших расходов правительство, не рискуя повысить налоги, вступило на проверенный и привычный путь решения финансовых затруднений – усиленную эксплуатацию монетной регалии. В кладе представлены 4 из 5 номиналов монет 16-рублевой стопы – от полушки до 2 копеек, с вензелями Елизаветы Петровны, Екатерины II и Павла I. Самых же крупных и обильно выпускаемых монет этой весовой нормы – достоинством в 5 копеек – в кладе нет.

В 1769 г. в России появились первые бумажные деньги – ассигнации. Судьба медных монет оказалась тесно связанной с судьбой ассигнаций, и это стало причиной снижения весовой нормы их чеканки в 1810 и 1830 гг. Дело в том, что в 1769-1839 гг. медные деньги служили разменным средством при ассигнационном рубле, курс которого по отношению к курсу серебряного рубля за эти 70 лет упал в 3,5 раза в результате ничем не ограниченной эмиссии бумажных денег. Между тем, товарная цена меди возрастала. И чтобы по цене заложенного в них металла медные деньги на какой-то период времени хотя бы приблизительно соответствовали падавшему курсу ассигнационного рубля, приходилось время от времени снижать их весовую норму.

При переходе от 16- к 24-рублевой стопе в 1810 г. монетные дворы, чеканившие в это время медные монеты, попытались ввести дополнительную маркировку своей продукции в виде специфического рисунка гербового орла. Появилось 3 варианта рисунка аверса – екатеринбургского, сузунского и петербургского типа. В кладе есть пять 2-копеечников с орлом особого рисунка, который использовался в 1810 г. Екатеринбургским двором. С 1813 г. на всех общегосударственных монетах уже был единый рисунок гербового орла.

В 1830 г., монетная стопа была изменена с 24- на 36-рублевую. Набор номиналов теперь составляли монеты достоинством в 10, 5, 2 и 1 копейку. В кладе эта монетная серия представлена лишь тремя младшими номиналами.

Появление этого небольшого медного клада, на первый взгляд, кажется довольно странным. Специально сохранять сумму менее 3 рублей медью не было особого смысла из-за ее весьма небольшой покупательной способности. Начавшаяся в 1839 г. денежная реформа Е.Ф. Канкрин приравнила 3 рубля 50 копеек ассигнациями, а, следовательно, и медными монетами дореформенных образцов, 1 серебряному рублю. Данное сбережение “не дотягивает” даже до одного серебряного целкового. Хранить такое, сравнительно небольшое, количество медных монет общим весом около 3 кг для того, чтобы попытаться реализовать их в качестве металлического сырья, также было вряд ли целесообразно. Поэтому клад, вероятно, следует рассматривать или как нереализованную часть необходимого при самых мелких расчетах разменного фонда для бумажных и серебряных денег, или как результат очень сильного недоверия правительству и реформе.

Впрочем, возможна еще одна версия относительно происхождения этого клада. В книге А.Г. Векслера и А.С. Мельниковой “Российская история в московских кладах” упоминается о совсем небольшом кладе серебряных копеек XVII – начала XVIII в., найденном в детской свистулке и сообщается, что эта находка – не единственная в своем роде. Вероятно, подобные небольшие сбережения – это “детские” клады. Детей во все времена нужно было приучать к бережливости, к умению копить и хранить деньги. Быть может, клад из деревни Знамово и является тем положительным результатом воспитательного процесса подрастающего поколения. От взрослых к детям также могло передаваться и недоверие к финансовым мероприятиям правительства.

Киселёв А.В., канд. ист. наук
г. Ростов

РАССКАЗЫ О ЗНАХАРЯХ И КОЛДУНАХ В РОСТОВСКОМ РАЙОНЕ

В ходе полевых исследований, проведённых автором в Мосейцевском сельском округе Ростовского района¹ в 2005 г., были собраны сведения о народной культуре названного региона. Одна из групп данных материалов представлена “мифологическими рассказами” – фольклорными произведениями, имеющими в своей основе поверья о демонологических персонажах. Крупный раздел мифологической прозы, записанной во время экспедиционной работы, составляют былички, посвящённые знахарям и колдунам. В настоящей работе будет предпринята попытка проанализировать данные тексты².

По сообщениям информантов, знахари и колдуны являлись людьми, которые отличались от остальной части сельского населения по поведению, образу жизни и внешнему виду. Чаще всего, они жили уединённо со своими семьями или отшельниками: “У нас кому приворожить-отворожить, все ходили на Лахость. Вот на Лахости, там, на Воронихе, место Ворониха, там жил Игнатий Фёдорыч”³. Распространённая тема записанных текстов – наличие у данных персонажей физических недостатков: “Он колдун был или знахарь, вот он был безрукой, страшный, косой”⁴. Очевидно, названные признаки служили “обычным людям” для выделения знахарей и колдунов в категорию “чужих”. В то же время, как свидетельствуют материалы по традиционной культуре русских XIX-XX вв., инициатива в формировании данного образа с целью повышения своего “сакрального” авторитета могла принадлежать самим носителям магических способностей⁵.

Источники показывают, что большая группа сообщений посвящена лечению знахарями и колдунами людей и домашних животных. В качестве примера процитируем следующее: “Была у нас бабка Катерина Порфирова, вот она останавливала кровь заговорами. У нас у мамы был петух клевакий, клевался петух, у неё вены были такие – вспухлые под коленками, он ей вену проклянул, и у неё кровь текла. Вот так струя сначала вверх, потом вниз – венная кровь, тёмная. Вот она кричит: “Алька, беги за бабкой Катериной. Беги, и пусть она скорей придёт”. Она платком завязала, кровь всё равно хлещет через платок. Я прибежала: “Бабка Катерина, поди. Маму петух уклонул прямо в вену”. Она пришла, посадила маму прямо на скамеечку, начала чё-то шептать-шептать-шептать. И вижу: кровь сама остановилась”⁶. Приведем еще один пример: “Как-то раз одна женщина, ей поделали ли чего, она лаяла по-собачьи. И привезли Федорувичу. Он говорит: “Оставьте её на ночь, я её полечу”. Её привезли, он вылечил”⁷.

Вызывают интерес тексты, содержащие описания действий, которые совершались знахарями. Информант из с. Мосейцева рассказывал: “Вот у меня хозяину тягнуло спину. Она [знахарка] приходит: “Чё-то ты скорчился, Иван Николаич?”.

– Спину, тётя Марфа, тягнуло.

– Давай веник и масла стопочку богова.

Я, значит, им дала тут, принесла.

– Ляжись на порог, давай веник-ат и топор приноси.

А он говорит: “Топор? Ты что, хочешь мне спину рубить?”. Она говорит: “Нет, не буду я, не бойсь, тебе полегчает”. И вот давай тут ему. Шептала, шептала, корни-то она, он тут вместе, рядом веник-то, отрубала. “Вставай, – говорит, – всё”. А чё-то всё шептала. И сразу ему полегчало”⁸. Отметим, что описанный в данной быличке ритуал, распространённое название которого “сечение утина”, широко бытовал в русской традиционной медицине XIX-XX вв.⁹ и относился, по-видимому, к разряду “имитационных”, основанных на “материальном” изображении неосязаемых явлений¹⁰. Очевидно, в приведённом случае поясничная болезнь-“утин”, предотвращенная веником, уничтожается рубкой топором.

В ходе экспедиционной работы было отмечено, что для информантов термины “знахарь” (“знахарка”) и “колдун” (“колдунья”) не синонимичны, а, напротив, несут различное содержание. Знахарем называли человека, основные функции которого заключались, прежде всего, в лечении при помощи определённых молитв, заговоров и/или действий. В то же время существовал круг персонажей-колдунов, занимавшихся вредоносной деятельностью. Кроме того, были записаны сообщения о совмещении одним человеком функций знахаря и колдуна. В данном случае следует сказать, что, называя колдуном знахаря, занимающегося лечением, информант нередко стремился показать личное отрицательное отношение к данному человеку или его деятельности.

По поверьям, колдуны получали магические способности в результате их связи с “нечистой силой”. Данное представление отражено в следующем рассказе: “Стала разговаривать тут с ним [колдуном]. И говорит [колдун]: “Хочешь, я тебе двенадцать мальчишек покажу в красных шапочках”. Она говорит: “В красных шапочках мальчишек? Нет, – говорит, – мне надо идти, уж далёко, да и так устала”. “А то покажу я тебе двенадцать-то мальчишек, – он говорит. – Зерно вывалю меру, надо, чтобы нечистая сила была постоянно при работе, иначе они уйдут. До одной семинки, – говорит, – всё соберут”. Смешает рожь, овёс, ещё что-нибудь подмешает им помельче, в кучу сыплет им из нескольких мешков, даёт задание: “Рассортировать”. Чтобы заняты были. Нечистая сила ночь работает, сортирует. И надо, чтобы постоянно в работе они были”¹¹.

Обратим внимание, что в приведённом тексте информант не только упоминает о контактах колдуна с представителями “нечистой силы”, но и конкретизирует образ последних, используя наименование “двенадцать мальчишек в красных шапочках”. Как показывают источники XIX-XX вв., данные признаки (красная одежда, число “двенадцать”) присущи персонажам мифологических представлений не только русских¹², но и других народов¹³. В этом же отношении укажем на широкое бытование в русских традиционных верованиях наименования демонологических персонажей местоимением “они”¹⁴ и мотива предоставления им работы колдуном¹⁵.

Считали, что колдуны и колдуньи являлись людьми, использовавшими свои знания для принесения вреда. Так, во время полевых исследований был записан широкий круг сообщений о совершении колдуньями “пережина”. В с. Мосейцеве бытовала следующая быличка: “Дедушка мой возвращался из поездки, на лошадке ехал и ехал мимо школы, где была в Исакове. А был август месяц, как раз рожь, пшеница поспели. И вот поле

было с зерновым. Видит, что по диагонали, издали туда, по полю мчится что-то, и свет во все стороны. Он притормозил лошадь и прочитал вроде: “С нами крестная сила, Господи, – говорит, – Иисусе”. И всё, и свалилось это чудовище. И он узнал женщину нашу, деревенскую. Вот она колдунья была. Вот и она ему говорит: “Пётр Дмитриевич, никому не говори, что меня видел. Я, – говорит, – поле пережинала. Я тебе за это заплачу, только никому не говори”. А упала-то она, всё, устала. [А для чего она по полю бегала?] А для того, чтобы богатство им пришло”¹⁶. В других селениях обследованного региона информанты представляли варианты приведённого рассказа, сообщая о времени исполнения “пережина” (“Иванов день”¹⁷) и описывая его проведение: “пережинают с угла на угол поле-то. Говорят всё, на метле на какой-то едут”¹⁸. Отметим, что с приведёнными представлениями было связано поверье, согласно которому собранное колдуньей зерно “стоит не так лежмб, а вот так вот стойкум, не лежит так”¹⁹. Данное обстоятельство, показывавшее “ненормальность” результата деятельности колдуний, очевидно, служило выделению последних в особую группу сельского социума. Как показывают источники XIX-XX вв., аналогичные верования бытовали и в других местах расселения русских²⁰.

Во время полевых исследований были записаны тексты о необычных способностях колдунов. В этом отношении вызывает интерес цикл рассказов о колдуне Феодорувиче – герое фольклорных произведений, распространённых в селениях Мосейцевского сельского округа. Так, по словам информантов, Феодорувич был способен повелевать животными: “Я даже у его крыльца змей видел. Он их берёт в руки”²¹; “вот он как завоюет по-волчьи, волки там к нему сходились, и змеи к нему сходились”²².

Материалы экспедиции содержат сведения о прозорливости Феодорувича и его даре предсказывать будущее. “Вот моя мама ходила [к колдуну], у ней ноги сильно болели. – сообщала жительница с. Мосейцево. – У ней полегче не сделал, но сказал: “Ты, милая, проживёшь до восемьдесят лет”. И вправду: семидесяти восьми лет она умерла. А другой сказал, Лизавете, вот моего мужа Леонида тётка: “А ты, – говорит, – долго ещё проживёшь”. И правда: она ещё жива”²³.

Информанты свидетельствовали, что Феодорувич пользовался уважением среди местных жителей, боявшихся возможного наказания со стороны колдуна. Рассказ на эту тему был записан в д. Мирославке: “Не позвали [колдуна] на свадьбу, его не пригласили. Свадьба где-то была у молодых. Он им и сделал. Все по лавкам сидели. Сделал так, будто вода к дому подошла. Все позалезали и сидели вместо праздника”²⁴. Отметим, что мотив срыва свадебной церемонии неприглашённым на неё колдуном является “бродячим”, поскольку широко бытовал во многих местах расселения русских в XIX-XX вв.²⁵

Согласно распространённым поверьям, колдуны, опасаясь своей мученической смерти, должны были передать свои знания преемникам. Данный мотив отражён в быличках о Феодорувиче, записанных в двух селениях Мосейцевского сельского округа: “Дочь-то истопила печь-то, ушла на работу, а он [колдун] остался дома. Приходит: его нет. А его, значит, не передал никому, не поспел, его затащили в печь. Она открыла [печь]: задохся совсем”²⁶; “когда он [колдун] помирал, говорили, у него сын жил. Никто, говорят, не принимал [знания]. У него даже сын не брал, говорит: “Я не буду брать такое, чего ты сейчас скажешь”. А он: “Уходи, я больше тебя сыном не признаю”. Потом он [сын] посидел, посидел, говорит: “Ну, давай, – говорит, – я приму”. А всё равно, как я помню его, вот стол, а ляжка-то нижняя, где ноги-то ставят [у стола], ни одной помятины. Его туда черти затащили якобы, вот под эту перепеличинку”²⁷. Несмотря на то, что данные произведения посвящены одной теме – предсмертным мучениям колдуна Феодорувича – тексты отличаются друг от друга по содержанию и, по-видимому, представляют различные узколокальные фольклорные традиции.

В экспедиционных материалах содержится единичное сообщение о передаче колдуном сверхъестественных способностей: “К дедушке моему пришёл друг и говорит: “Хочешь, например, принять, колдовство, а то пойдём”.

– Ну, ладно, сходим.

Пошли вдвоём. Вот пришли, открыли дверь. Открыли, заходят, а там пришёл этот самый, третий. Он должен был передать колдовство или дедушке моему или другу. Говорит: “Кто из вас будет?”. И кричит, это, называет по именам: “Прошка, там, или Трошка, не знаю, давайте выходите”. И вот вылезает огромная жаба, больше человека, не знаю, шириной, наверно, с бурёнку, с корову. Вот открыла пасть. Сказал [колдун]: “Кто из вас желает это принять, дело моё, полезайте к ней в пасть”. Дедушка-то мой испугался, бежал без памяти до дома. А тот остался, наверно, принял”²⁸. Как показывают источники по народной культуре русских XIX-XX вв., тема приобретения знаний от колдуна путём проникновения в пасть животного была распространена в произведениях устного творчества²⁹. По мнению В.Я. Проппа, рассматривавшего названный мотив на основе сказочного фольклора, цель и содержание данного ритуала – проникновение в “иной” мир и получение неопитом сверхъестественных способностей³⁰.

Отдельную группу текстов составляют произведения, тема которых – предупреждение возможного вреда со стороны колдунов. В качестве средств против них упоминались матерная брань; острые металлические предметы (ножи, иглы), воткнутые в одежду, потолок или косяк двери. Примером данных рассказов служит следующая быличка: “Все говорили, что она колдунья. И она взошла в дверь, а мы с той стороны две иголки и засобачили. Она всё: “Пойду, пойду, пойду, пойду”. Дойдёт до двери, разворачивается и на стул садится. Так она, наверно, часа четыре, наверно, шла. А мы всё сидим, смеёмса, потом надоело, говорю: “Придурки, выньте иголки-то. Дайте бабушка уйдёт, может, она в туалет захотела”. Иголки вынули – она как рванула бодрой рысью”³¹. Вероятно, в приведённом тексте отражены представления, согласно которым влиять на состояние живого существа можно посредством физического воздействия на связанный с ним предмет³². В данном случае последнее выражено в том, что иглы были воткнуты в дверь помещения, в котором находилась колдунья.

Подводя итоги, можно констатировать, что в настоящее время в устной культуре Мосейцевского сельского округа Ростовского района сохраняются рассказы о знахарях и колдунах, повествующие о событиях, которые происходили как в сравнительно недавнее время, так и в отдалённом прошлом. Анализ приведённых текстов

позволил не только говорить о соответствии их мотивов общерусской и общемировой традициям, но и выявить этнографические основы данных произведений.

Примечания

1. Мосейцевский сельский округ располагается в восточной части Ростовского района Ярославской области (центр – с. Мосейцево находится в 21 км к юго-востоку от г. Ростова).
2. Материалы, составляющие основу настоящего сообщения, хранятся в личном архиве автора. В цитатах сохранены особенности произношения информантов, в квадратных скобках приводятся слова автора.
3. Информант А.С. Зайцева, 1934 г.р., уроженка д. Ново-Иванова (здесь и далее населённые пункты Мосейцевского сельского округа). Запись сделана в д. Ново-Иваново 30 июня 2005 г.
4. Информант С.И. Демидова, 1934 г.р., уроженка с. Погорелова. Запись сделана в с. Погорелово 11 августа 2005 г.
5. См.: Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: ТОО "Полисет", 1994. С. 101-102.
6. Информант А.С. Зайцева.
7. Информант С.И. Демидова.
8. Информант Н.И. Богомолова, 1926 г.р., уроженка с. Мосейцево. Запись сделана в с. Мосейцево 2 июля 2005 г.
9. См., например: Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903. С. 71; Минёнок Е.В. Бабка Неживая // Живая старина. 2000. № 1. С. 33.
10. Об этом см., например: Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1983. С. 21, 23.
11. Информант Т.В. Дюдюкина, 1962 г.р., уроженка д. Мирославки. Запись сделана в д. Мирославка 30 июня 2005 г.
12. Так, в рассказе, приведённом ростовским краеведом А.Я. Артыновым в последней трети XIX в., повествовалось о колдуне, вызывавшем чертей "в красных колпаках". [Артынов А.Я.] Воспоминания крестьянина села Угодич Ростовского уезда Ярославской губернии. М., 1884. Ч. 2. С. 38. Ср.: Кузнецова Н.В., Лурье М.Л. Черти на службе колдуна // Живая старина. 2000. № 2. С. 50.
13. Известно, что в мифологических представлениях южных и западных славян некоторые персонажи изображались в одежде красного цвета. Кроме того, у ряда европейских народов бытовали поверья о карликах, одетых в красные плащи и шапочки. См.: Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу в трёх томах. М.: Индрик, 1994. Т. 2. С. 724, 733. О сакральном значении числа "двенадцать" см.: Журавлев А.Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева "Поэтические воззрения славян на природу". М.: Индрик, 2005. С. 641.
14. Ср.: Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила... С. 6.
15. Там же. С. 94; Фенютин А. Заметки о нравах жителей города Молога // Ярославские губернские ведомости (н.ч.). 1863. № 1. С. 3.
16. Информант А.Л. Першина, 1933 г.р., уроженка д. Мирославки. Запись сделана в с. Мосейцево 18 августа 2005 г.
17. Информант Г.Д. Клюев, 1933 г.р., уроженец д. Ново-Иванова. Запись сделана в д. Ново-Иваново 16 июня 2005 г. Иванов день – день Рождества Иоанна Крестителя, отмечаемое 7 июля (н.ст).
18. Информант А.П. Дюдюкина, 1922 г.р., уроженка д. Ново-Иванова. Запись сделана в с. Каликино 30 июня 2005 г.
19. Информант Н.Е. Дюдюкина, 1930 г.р., уроженка д. Мирославки. Запись сделана в д. Мирославка 30 июня 2005 г.
20. См., например: Терновская О.А. Пережины в Костромском крае (по материалам анкеты "Культ и народное сельское хозяйство" 1922-1923 гг.) // Славянский и балканский фольклор. Этногенетическая общность и типологические параллели. М.: Наука, 1984. С. 118-121; Лобкова Г. Древности Псковской земли. Жатвенная обрядность. Образы, ритуалы, художественная система. СПб., 2000. С. 27-28.
21. Информант Б.А. Орлов, 1925 г.р., уроженец с. Погорелова. Запись сделана в с. Погорелово 16 июня 2005 г.
22. Информант С.И. Демидова.
23. Информант А.А. Корчагина, 1935 г.р., уроженка д. Ново-Иванова. Запись сделана в с. Мосейцево 18 августа 2005 г.
24. Информант Т.В. Дюдюкина.
25. Ср., например: Добровольская В.Е. Народные представления о колдунах в сказочной прозе // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре: Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор. М.: Лабиринт, 2001. С. 100.
26. Информант Н.Е. Дюдюкина.
27. Информант А.А. Корчагина.
28. Информант А.Л. Першина.
29. Ср.: Киселёв А.В. Русские поверья о колдунах и ведьмах в Ярославском Поволжье в XX в. // История и культура Ростовской земли. 2002. Ростов, 2003. С. 46; Криничная Н.А. Посвящение в колдуны: историко-этнографическая основа русских мифологических рассказов о передаче-усвоении эзотерических знаний // Этнографическое обозрение. 2002. № 2. С. 12.
30. См.: Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. Собрание трудов В.Я. Проппа. М., 1998. С. 313; Ср. мотив "глотания" чудовищем в обрядах инициации у ряда племен Новой Гвинеи. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь... С. 649-650.
31. Информант Т.В. Дюдюкина.
32. Ср.: Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь... С. 47-50.

А.Б. Козлов,
г. Рыбинск

РУКОПИСЬ МЕЩАНИНА А.П.БОЯРЧЕНКОВА

В Рыбинском филиале Государственного архива Ярославской области хранится дело, к которому до подготовки этого сообщения обращался всего один исследователь – доцент Ярославского государственного университета им. П.Демидова Н.С.Велитченко. Его название: "Дело о предписании г. гражданского губернатора к градскому голове с проектами мещанина Александра Боярченкова об улучшении торговли при рыбинской пристани хлебом и о предполагаемых от того городу Рыбинску пользах"¹.

Свою рукопись об улучшении хлебной торговли в Рыбинске рыбинский мещанин А.П.Боярченков адресовал министру внутренних дел, графу В.П.Кочубею. Из министерства рукопись направили ярославскому губернатору, а тот отослал ее рыбинскому городскому Голове с тем, чтобы рыбинцы высказали свое мнение о предложениях А.П.Боярченкова. Таким образом, А.П.Боярченкову, чтобы довести свои мысли до земляков, пришлось прибегнуть к помощи министерства. Содержание ответов рыбинцев на предложения и сами предложения являются содержанием этого дела.

На листах 6-15 находится «Мнение города Рыбинска, градского главы и занимающихся хлебным торгом на прозекты рыбинского мещанина Александра Петрова Боярченкова». Под Мнением 20 подписей, в том числе городского Головы, купца Михаила Ивановича Журавлева, а также самых богатых и авторитетных рыбинских купцов: Лаврентия Алексеевича Попова, Федора Ильича Тюменева, Михаила Никифоровича Вязмина, Петра Селецкого, Абрама Щербакова, Александра Григорьевского, Василия Тропского, Михаила Алексеевича Иконникова и других².

Сразу скажем: мнение по поводу предложений мещанина А.П.Боярченкова у ведущих рыбинских купцов резко отрицательное. Сквозь строки чувствуется пренебрежение к автору: как смеет им советовать по делам торговли, в которых «они собаку съели» какой-то мещанин? В Деле имеется еще один интересный документ.

Это «Записка, заключающая возражения против предложений рыбинского мещанина Александра Боярченкова, представленных к ЕГО КОРОЛЕВСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, главноуправляющему путями сообщения прошением его особою запискою». Автор «Записки» – рыбинский смотритель конторы водяных коммуникаций Смагин.

Уже в самом названии следует обратить внимание на следующее:

1. Записка заключает в себе только возражения.

2. Слова «его королевскому высочеству» выделены, тем самым подчеркивается неграмотность и подобострастность Боярченкова, который министра водных путей сообщения России называет Королевским высочеством.

3. А.П. Боярченков направлял свои предложения не только в министерство внутренних дел, но и министерство путей сообщения.

Боярченков делит всех торгующих на статьи³. Первая статья – «Главнейшая статья, не заключающая народной многочисленности, но одних капиталистов, имеющих собственные суда и большия по торгам производства».

Вторая статья – «Статья заключает народную многочисленность торговцев, которая с посредственными капиталами и умеренную производящие торговлю и небольшие обороты имеющая и доставляют хлеб для продажи по большей части не в своих собственных судах, а наемных».

Третья статья – «Статья заключает торговцев тех, которая из многих городов имеют стекаться в Рыбинск для покупки хлеба и отправления онаго в разныя вверху места».

Четвертая статья – «Статья составляет промышленников и судохозяев, которая имеют собственные суда и расшивы и занимаются промыслом всякой перевозки и с низовых пристаней в Рыбинск».

Пятая статья – «Статья составляет тех судохозяев и промышленников, которая занимаются перевозкой всякой тяжести от Рыбинска в разныя вверху места».

Подытоживая эту градацию, Боярченков пишет: «Из всех пяти статей одна – капиталистич».

На эти размышления автора предложений Смагин дает ответ, что это общеизвестно, определено Манифестом о гильдиях от 1 января 1807 года.

Далее следует критическое замечание Боярченкова: Торговцы второй статьи, привозящие в Рыбинск малое количество зерна, вынуждены продавать его с большой уступкой в цене капиталистам, имеющим большие партии зерна. В результате капиталисты могут диктовать в Рыбинске цены на зерно.

Ответ: «Какая наглая ложь! Вся пристань рыбинская есть общая для всего судоходного купечества биржа, каждый промышленник приступает к делу, имея уже по торговле разныя связи и знакомых. Если он не вдруг находит того, кого именно отыскать желает, тогда справлясь токмо со своими знакомыми или распрашивая людей однородных с тем лицом, весьма скоро получает желанное сведение. Если же располагает продать товар не особенно известному купцу, но первому желающему, тогда сам или посылай прикащика своего извещать покупателей большою частью из верхового купечества состоящих на самой пристани в балаганах или на квартирах в городе находящихся...»⁴

Боярченков утверждает, что торговцам третьей статьи не всегда удастся в Рыбинске как можно быстрее купить хлеб и отправить его в верховые места, пока не сошла вода и не наступило мелководье. Смагин возражает, что для торговли в Рыбинске созданы все условия:

1. Полная свобода хлебной торговли дарована Высочайшим Указом 1787 года, сентября 23 дня.

2. Купить хлеб в Рыбинске можно: а). За наличные, б). За вексель, в). По рекомендации от капиталиста, дав письменное свидетельство⁵.

Боярченков сообщает, что для торговцев четвертой статьи является большим неудобством: слишком долог путь бурлацкой артели до Рыбинска и слишком долго идет разгрузка и погрузка в Рыбинске. В результате судно за навигацию совершает только один рейс, а могло бы и больше. Смагин отвечает: большие суда не могут совершать два рейса с низовьев до Рыбинска. Только самые легкие на ходу суда: расшивы, шитики и городецкие лодки, снабженные лучшим такелажем и притом грузящиеся на ближайших пристанях, успевают сделать по два рейса⁶.

Боярченков продолжает критические замечания: пятая статья народа доставляет большое количество хлеба в Рыбинск на наемных судах. В Рыбинске большое количество хлеба остается на зиму, что очень дорого для

этих торговцев. Ответ Смагина: механик Паудебард изобрел новые суда, что убило доставку хлеба. Для зимовки хлеба в городе и уезде имеется множество частных и казенных складов⁷.

Боярченков утверждает, что людям шестой статьи, тем, кто доставляет грузы от Рыбинска вверх по Волге и искусственным водным системам, трудно найти заказчиков в Рыбинске. Смагин возражает: это неправда. В Рыбинске существуют для пустопорожних судов специальные места. Например, на реке Шексне, у деревни Башарово, или на Волге при деревне Тоговщина, которые известны всем заказчикам грузов⁸.

Далее Боярченков утверждает, что сделки в Рыбинске часто заключаются устно, без составления документа. Часто устные договоренности не выполняются, и дело доходит до суда. А суд иногда принимает решение в пользу не правого.

Смагин возражает, что большинство купцов заключает все же письменные сделки. А если дело доходит до суда, и нет письменного договора, то правый может доказать свою правоту с помощью свидетелей. Для решения споров между судовладельцами существует судоходная расправа. В 1820 году в судоходную расправу поступило 189 дел, из них закончены примирением 186. В 1821 году поступило 82 дела, мирно завершились 78. В 1822 году: 162 дела, мирно закончились 159. Таким образом, судоходная расправа очень хорошо выполняет свои задачи, делает вывод Смагин, и добавляет: "Сочинитель прозекта, не удовлетворяясь общим спокойствием судоходного купечества, один за всех печется и в знаменитом звании рыбинского мещанина, упиваясь, как полагать должно, полною доверенностию к собственным достоинствам своим, восклицает, что он по довольной в делах сих опытности взирая многовременно и соображая все таковыя по торговле и промыслам народныя обстоятельства – оканчивает тем, что согласно (будто бы) с учреждением о судоходстве наложить пошлины на приходящая в Рыбинск суда..."⁹

Смагин последними словами предвосхитил следующее предложение Боярченкова: установить денежный сбор с приходящих на рыбинские пристани судов. Смагин против и этого предложения, отвечая, что сбор с судов, согласно наставлению судоходной расправы (глава 2, параграф 10) может производиться только с согласия самого купечества¹⁰.

Боярченков предлагает: на средства от денежного сбора с судов можно было бы иметь в Рыбинске пять биржевых маклеров, которых можно было бы выбрать из наиболее сведущих в торговле граждан Рыбинска. На средства от этого сбора можно было бы также построить в Рыбинске гавань для укрытия судов.

И вновь Смагин возражает: об устройстве в Рыбинске гавани сочинитель рассуждает так, как если бы устроить на городской земле забор! А ведь город не имеет и столько свободной земли, чтобы выкопать даже порядочный пруд. Лучше углубить русло реки Черемхи, чтобы суда могли свободно заходить в реку – чем сейчас и занимается начальник округа (округа путей сообщения – А.К.)¹¹.

Предложение Боярченкова: маклеры, объединенные в биржевую контору, могли бы вывешивать списки приходящих в Рыбинск судов с товаром в биржевом зале для общего сведения. На это от Смагина следует ответ: прибытие в Рыбинск судов и без этого фиксируется смотрителем судоходства. Судохозяева приходят к нему с накладными. Хождение судохозяев еще и на биржу будет отвлекать у них много времени, что нерационально¹².

Боярченков предлагает: покупатель и продавец должны заключать сделки в биржевом зале и договор должен быть записан в специальной книге. Ответ Смагина полон пафоса: "Новыя узы, обременяющия и продавца и покупателя! Лишающия каждого располагать собственность свою, основываясь на личной к кому либо доверенности и уничтожающия такая коммерческая связи, в коих весьма часто вместо всяких документов приемлются по рукам честь и совесть!"¹³

Очередное предложение Боярченкова: в биржевом зале мог бы быть список порожних судов в Рыбинске – для удобства нанимателей судов. И вновь, возражение Смагина: в этом нет необходимости, так как порожние суда в Рыбинске и так сконцентрированы на Волге в одном месте. Приходи и нанимай!¹⁴.

В заключение "Записки" Смагин делает общий вывод по предложениям Боярченкова. Приведем его частично:

"В заключение же всего надлежит присовокупить, что учреждение при Рыбинских пристанях биржи может приносить судоходному купечеству пользу, если не будет налагать уз на свободу торговли и ежели судоходныя промышленники не будут невольниками каких либо обременительных правил биржевого заведения.

Во всех торговых городах, в коих не находятся устроенныя биржевыя здания, биржами называются обыкновенно те места, на которыя купечество привыкло собираться, а потому и должно, что бы представлять оному такая удобства, которыя бы сами по себе привлекали промышленников.

В Рыбинском биржевое здание построено близ главной пристани, над самым бичевником, на счет городских доходов с некоторою частью денег, пожертвованных на таковое построение судоходным купечеством, но как оное со стороны города поныне в ведомство путей сообщения не сдано, и город помещает в оном градскую полицию, магистрат и думу, а самый зал отдан в летнее время внаймы, пользуясь доходами с этого участка денег, который как было сказано, пожертвован судоходным купечеством, то оное и обращается для записки условий и договоров к судоходным маклерам при Рыбинском отделении состоящим, которыя в противном случае, то есть когда бы биржевое здание находилось в ведомстве путей сообщения, могли бы помещаться в биржевой зале, а отделение судоходной расправы в прилегающих комнатах, что само по себе обязывало многих являться в биржевую залу; доставляемая же каждодневно в оную Главным рыбинским смотрителем разныя для судоходного купечества любопытныя о действиях каравана сведения возбуждали бы еще более к этому охоту.

Но как построения городом биржевого здания, коим он же единственно пользуется, служит, однако, поводом к упрекам за издержки, на оную употребленныя, и к некоторым притязаниям к обложению судоходных промышленников тягостною податью в пользу города, то к прекращению столь несправедливых намерений и пресечению самих поводов к этому ближайшим предположением можно представить приобретение сего здания с заплатою из доходов ведомства путей сообщения 26 тысяч рублей, употребленных городом на построение онаго,

с вычетом однако ж из суммы сей того числа денег, какое окажется пожертвованным на сей же предмет судоходным купечеством”¹⁵.

Данным сообщением автор хотел еще раз привлечь внимание исследователей к этому источнику по истории хлебной торговли. Но, не анализируя разногласия мещанина А.П.Боярченкова и Рыбинского смотрителя конторы водяных коммуникаций Смагина, следует заметить, что многие из предложений А.П.Боярченкова в будущем воплотились в жизнь.

Примечания

1. РФ ГАЯО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1395, на 104 листах.
2. Там же. Л. 6-15.
3. Там же. Л. 80-81.
4. Там же. Л. 85-86.
5. Там же. Л. 88-89.
6. Там же. Л. 89-90 (об).
7. Там же. Л. 90 (об) – 91 (об).
8. Там же. Л. 91 (об) – 92.
9. Там же. Л. 92-95 (об).
10. Там же.
11. Там же. Л. 98 (об) – 99.
12. Там же. Л. 99.
13. Там же. Л. 99 (об).
14. Там же. Л. 99 (об) – 100.
15. Там же. Л.103 (об) – 104 (об).

Шубина С.А., канд. ист. наук
г. Ярославль

КИТАЙ ГЛАЗАМИ ЯРОСЛАВСКОГО МИССИОНЕРА

Петр Андреевич Тугаринов¹ (о. Поликарп), уроженец Ярославля, пятнадцать лет провел в Пекине сначала в качестве иеродиакона, а затем архимандрита Российской духовной миссии в Китае. Выполняя обязанности начальника миссии в 40-е гг. XIX в., он наиболее ярко проявил себя как дипломат, многого достигнувший в деле урегулирования российско-китайских отношений.

В период пребывания двенадцатой миссии в Китае там произошли события, круто изменившие его историческое развитие. Поражение Цинской империи в первой “опиумной” войне (1840-1842 гг.) и подписание неравноправного для Китая англо-китайского Нанкинского договора и дополнительного Хумэньского соглашения повлекли за собой аналогичные договоры Китая с другими странами. Это означало крах внешней изоляционистской политики Цинов, и, прежде всего, политики “закрытых дверей”, проводившейся ими на протяжении почти 200 лет, и насильственное открытие страны для иностранных товаров, а затем и иностранного капитала. Постепенно через открытые порты (Гуанчжоу, Фучжоу, Сямэнь, Шанхай и Нинбо) на китайский внутренний рынок стали поступать иностранные, прежде всего, английские, товары промышленного производства. Поток дешевых европейских товаров, хлынувший в Цинскую империю, вызвал сильное сокращение русско-китайской торговли в Кяхте, значительно уменьшились и таможенные поступления, составлявшие от 15 до 20% всего таможенного дохода России. Неблагоприятная для русской торговли тенденция на китайском рынке беспокоила Петербург, и МИД поручил двенадцатой миссии максимально полно и компетентно информировать его о торговой ситуации в Китае.

Заслуживает внимания ответ миссионера, присланный в Министерство. Прежде всего, миссионер упоминал о давних отношениях дружбы и добрососедства России с Китаем. Он писал “о благородстве наших торговых с Китаем сношений”, которые “мы, как известно китайскому правительству, никогда не обращали и не намерены обращать во вред его”². Учитывая свершившиеся события, начальник миссии с достаточной долей уверенности предполагал, что китайское правительство не откажется от торговых отношений с русскими, но “... по своей политике подозрительной и робкой, оно не так охотно как прежде станет слушать наши предложения, и <...> может быть прибегнет к уловкам слабого, – проволочке и медлительности. Это – всегдашний и обыкновенный образ действий китайцев в делах, которые не совсем им нравятся”³.

Взаимовыгодная торговля могла способствовать активизации дипломатических отношений. Не случайно, особое внимание уделялось вопросам сбыта в Китае изделий русских промышленников. В 1842 г. миссией были получены образцы всех основных промышленных товаров. Членам миссии вменялось в обязанность “не упускать из виду замечаний китайцев о посылаемых тканях”. Еще одной задачей стало приобретение образцов “китайских бумажных и частью шелковых изделий с обозначением ширины материй, употребления их, потребной для этого меры в куске, цены и любимых красок”⁴. По поводу функционирования рынка в Китае МВД и миссией велась активная переписка. В одном из донесений за 1842 год отмечалось, что скатерти не нашли сбыта, так как они не приспособлены к китайским столам и обычаям, а вот салфетки оказались востребованы в большом количестве. Очень понравились китайцам ситцевые покрывала, которые имели “то важное преимущество... что состояли из одной штуки, тогда как китайские состоят из двух неравной величины”⁵. Одновременно сообщалось, что и “английские товары спросом не пользуются и по ценам неподходящи”.

Отвечая на запрос о возможностях расширения рынков сбыта, начальник миссии отмечал, что спрос в Северном Китае на грубые сукна, которые являлись основным товаром из России и были доступны местным жителям по цене вследствие дешевизны в 40-х гг. русской шерсти по сравнению с западноевропейской, может быть временным. Потенциальным рынком сбыта для русской промышленности мог стать Западный Китай, менее доступный англичанам и более близкий к России⁶.

Центральное место в сообщениях Тугаринова занимало социально-экономическое положение в Китае, которое автор характеризовал как кризисное: “Правительство занято обеспечением продовольствием столицы и финансовыми соображениями. По причине ежегодно возрастающего дефицита в сборе и доставке в столицу из южных губерний хлеба, оно нашлось вынужденным приступить к покупке его из частных рук и ассигновало на сей предмет большие суммы. Это обстоятельство впрочем – совершенно лестное и для нас лишенное всякого интереса. Но оно повлекло за собой такие распоряжения со стороны китайского правительства, которые могут иметь некоторую важность и для нас”. Центром операций по закупки хлеба стал Шанхай, агентами правительства выступали местные купцы. Правительство для оживления торговых операций “не только дозволило беспошлинный привоз в Тянь-цзинь хлеба” и принимало его по весьма выгодным ценам, но и сделало возможным беспошлинный “привоз товаров на каждом корабле по две части (8 частей хлеба и 2 части товаров)”. Тугаринов сообщал: “Все это дело, по участию в нем шанхайских купцов и большим льготам, им предоставленным, которая могут послужить во вред нашей торговле, заняло меня до крайности, и я слежу его со всевозможным вниманием; но до сих пор верных сведений ни о качестве, ни о количестве ввезенных ими товаров еще не имею”. Пытаясь анализировать происходящее, начальник миссии писал: “Ход этого дела в Пекине, мне представляется весьма странным и загадочным. В прошлом году, когда в первый раз прибегли к этой мере беспошлинного привоза хлеба и товаров, между императорским указом, которым она разрешалась, и известием, что корабли уже пришли в Тянь-цзинь, промежуток времени был не более четырех дней. Уверен, что китайские корабли не так легки на ходу, как птицы, и заключаю, что дело уже заранее было подготовлено и устроено в Пекине. Если бы эти льготы шанхайским купцам были мерюю только временною, то они конечно не могли бы иметь для нас слишком большой важности; но прочитав в первый раз императорский указ, я подумал, что одне и те же причины могут привести и на будущее время к одним и тем же последствиям, и тогда вид дела совершенно изменится; теперь вижу, что эта мысль оправдывается. Поставлю долгом сообщить Вашему Превосходительству об этом, по моему мнению, важном предмете более подробностей. Для поправления финансов, китайское правительство хочет возвысить налог на соляные откупа, и без того уже расстроенные; но это дело пока еще не решено”⁷.

Ничто не ускользало от взгляда внимательного начальника миссии. Он сообщал об утверждении декретом Богдыхана нового ламы для Тибета; о суде и казнях над чиновниками, о ссылке их в провинцию Или; о строительстве на Хубэйской верфи пароходов по модели, известной из Европы: флотилия должна была обслуживать берега северного Китая; о требованиях прибывших в Кантон французского, испанского, португальского и американского посланников для своих государств тех же прав в торговле, которые даны были англичанам по договору; о распространившихся в то время слухах о разрешении миссионерам селиться в Китае, которые не оправдались: это относилось лишь к портовым городам, открытым для европейской торговли (так, однажды французский миссионер, проникший было уже в Калган, арестован и возвращен в Кантон)⁸.

Таким образом, донесения о. Поликарпа (Тугаринова) в Министерство иностранных дел давали яркую и точную характеристику ситуации в Среднем государстве в середине XIX в.

Примечания

1. См. биографические сведения о П.А. Тугаринове: Петр Андреевич Тугаринов (1799-1894) // VIII Золотаревские чтения. Рыбинск, 2000. С. 26-28.
2. АВПРИ. Ф. Азиатский департамент. Оп. 729. Д. 77. Л. 19 об.
3. АВПРИ. Ф. Азиатский департамент. Оп. 729. Д. 77. Л. 24-24 об.
4. Цит. по: Единархова Н.Е. Кяхта и кяхтинская торговля (40-60-е гг. XIX в.) // Взаимоотношения России со странами Востока в середине XIX – начале XX вв. Иркутск, 1982. С. 21.
5. Там же. С. 21-22.
6. Г.Л. Пекинская духовная миссия и русско-китайская торговля в 30-50-е гг. XIX в. // Красный архив. 1932. Т. 4. № 53. С. 164.
7. АВПРИ. Ф. Азиатский департамент. Оп. 729. Д. 77. Л. 30-33.
8. Двенадцатая Миссия // Китайский благовестник. 1916. Вып. 9-12 (15 июля). С. 15, 16.

Нуждина А.А.
г. Ярославль

САНИТАРНО-БЫТОВОЕ СОСТОЯНИЕ ДЕРЕВНИ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.

Санитарно-бытовое состояние российской деревни XIX века мало способствовало крепкому здоровью и выносливости русского крестьянина. Одной из важнейших причин слабого здоровья было плохое питание – скудное, однообразное, с подавляющим господством растительной пищи в рационе, в первую очередь ржаного хлеба. По подсчетам исследователей, в среднем в начале XX века по Европейской России среди крестьянского населения на одного едока приходилось 84,7% килокалорий растительного происхождения, в том числе 62,9% хлебных, и только 15,3% килокалорий крестьяне получали с пищей животного происхождения¹. По статистике, на

одну душу в год приходилось 4 кг творога, 1,6 кг рыбы, 11 кг мяса, 800 г. масла и сметаны; на практике же, некоторые члены семьи (не работники), и целые хозяйства этих продуктов не получали вообще².

Средние крестьяне чаще всего ели мясо только по праздникам, бедные же в праздники употребляли рыбу, чаще всего соленую, субпродукты. Молоко и яйца также употреблялись скорее как лакомство: «пища крестьян нашей местности скудна и однообразна, – сообщал в Этнографическое бюро учитель Чудцовской начальной школы Николай Колосов Солигаличского уезда Костромской губернии. – Главным пищевым продуктом служит ржаной хлеб и картофель <...> Обычная пища крестьянина весной: каша овсяная или щи с капустой, картофель, каша и горох составляют принадлежности стола лишь немногих состоятельных хозяев. При недостатке коров и корма и молочными продуктами небогаты, так что разница между постным и скоромным столом почти отсутствует»³.

Такое скудное и однообразное питание вело к различным желудочно-кишечным заболеваниям, резкое ограничение пищи во время постов и неумеренное потребление ее в праздники приводило к тяжелейшим сбоям в работе пищеварительной системы, а в летние страдные месяцы вся семья питалась исключительно сухой пищей, даже самые маленькие дети: «дома одно сухоядение, без белого хлеба»; «дома дети по большей части питаются сухой пищей без всякого приварка и неравномерно» – единодушно отмечали строители летних яслей-приютов в деревнях⁴.

Одной из серьезных проблем было неправильное вскармливание грудных детей: несмотря на долгое кормление грудью, ребенка с первых месяцев приучали к хлебной соске («как же можно обойтись без хлебного?»), а затем довольно рано сажали за общий стол, в летнее время давали грудным детям огородные продукты, вызывавшие сильные кишечные расстройства⁵. Разъяснения строителей детских яслей в деревне о правильном уходе за детьми находили мало понимания среди крестьянок: «кипяченую воду пить, да у нас из любой лужи пьют <...>. Только родится – квасом поим. А помрут, так и слава Богу» – отвечали они⁶.

Помимо гастроэнтерологических заболеваний, врачи в отчетах и на съездах отмечали, что большую долю составляют болезни, вызванные резкой переменой температуры, сыростью, холодом, «которым крестьяне по своему образу жизни и занятиям неминуемо должны подвергаться в нашем суровом климате – ревматизмы, катары, особенно дыхательных органов». Работа в холодную и сырую погоду, плохая одежда, мокрые ноги в течение длительного времени, ночлег на голой земле, дальние поездки для торговых и других целей вызывали целый ряд простудных заболеваний, воспаления легких, ревматизмы, лихорадки и т.д.

Одной из самых серьезных проблем того времени было крайне плохое санитарное положение в деревне. Вот как описывал быт крестьян в деревне Новом-Гостилове Задубровской волости Рыбинского уезда земский врач К.А. Ливанов в 1904 году, по случаю открытия там яслей-приюта для крестьянских детей на летнее время: «Избы у крестьян светлые, но низкие и тесные. Летом эта теснота еще не так чувствуется <...>. Но в остальное время года жилищем служит зимняя половина дома, зимовка, – одна небольшая комната, в лучшем случае разделенная дощатой перегородкой; в этой одной комнате семья двигается, ест, спит большую часть года. Рабочая одежда сменяется редко, через две недели, – от бани до бани; спят в той же одежде; постельные принадлежности – наволочки, тюфяки, одеяла не меняются целыми месяцами. Дети за недостатком места, большую часть времени проводят на печи, ходят в платье грязном до невозможности, босые, неумытые, нечесанные»⁷. «Мыло почти не употребляется, – писал в Этнографическое бюро Николай Колосов, – считаясь излишней роскошью. На человека приходится едва ли по фунту в год. Одна пятнадцатилетняя крестьянка увидела, как стирались с мылом детские белье. Ее удивлению и изумлению не было конца, когда она увидела, что простынки и пеленки моются с мылом. – «Девоньки, девоньки!.. Мыла-то, мыла-то. Все одно мыло, и воды не видно, да у нас и на больших столько не выйдут мыла!»⁸

Важнейшим показателем плачевного санитарного состояния российской деревни была высокая общая смертность населения, очень высокая детская смертность и резкое колебание смертности по годам и месяцам, и как результат ничтожный прирост населения. Так, по обследованию земского врача С.И. Сычугова Васильевской волости Шуйского уезда Владимирской губернии за 12 лет, с 1869 по 1880 г., из родившихся в течение 12 лет 3642 детей, умерло, не прожив года, – 37,7% человек, а от года до пяти лет – 17% – то есть всего 1992 человек, или 55% детей умерли, не дожив до пяти лет⁹. При этом 92% умерших детей от 1 до 5 лет скончались от эпидемических болезней и желудочно-кишечных катаров, то есть от болезней, напрямую зависящих от санитарного состояния местности, при этом пик смертей приходился на летние месяцы июля и августа¹⁰.

Примечания

1. См.: Привалова Т.В. Питание российского крестьянства на рубеже веков // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник 1997. М., 1997. С. 129.
2. Там же. С. 134.
3. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 1. Костромская и Тверская губерния. СПб: «Деловая полиграфия», 2004. С. 340.
4. Врачебно-санитарная хроника // Вестник ярославского земства. 1905. № 3. С. 60; Там же. 1904. № 1. С. 20.
5. Там же. С. 118.
6. См.: Врачебно-санитарная хроника // Вестник ярославского земства. 1904. № 7. С. 262.
7. Врачебно-санитарная хроника // Вестник ярославского земства. 1905. № 4. С. 106.
8. Там же. С. 342.
9. См.: С.И. Сычугов. Санитарный очерк Васильевской волости Шуйского уезда // Владимирский земский сборник. 1882. № 12. С. 101.
10. Там же. С. 104.

Бикташева Н.Н.
г. Рыбинск

ИЗ ИСТОРИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЫБИНСКА (XIX – НАЧ. XX ВВ.) (САНИТАРНОЕ СОСТОЯНИЕ И САНИТАРНЫЕ ВРАЧИ)

Город Рыбинск в XIX веке являлся одним из крупнейших внутренних портов России. Сюда в период навигации в поисках заработка из разных губерний приходило от 70 до 100 тысяч судорабочих. При населении 30 тысяч человек, в 90-е годы XIX века, в период навигации Рыбинск становился шумным и деятельным, он был «житницей Петербурга, как Сицилия в древности называлась житницей Рима»¹. Вместе с тем в летнее время в городе свирепствовали эпидемии чумы, холеры, оспы, сыпного, брюшного и возрастного тифа. Известны годы, в которые случались большие эпидемии: 1830, 1831, 1848, 1866, 1893, 1909 годы, когда во время эпидемии умирало до 2 тысяч бурлаков и грузчиков. Лишь в 1848 году в городе был построен первый барак для холерных больных.

В публикациях писателя И.С. Аксакова за 1849 г. можно прочитать о Рыбинске следующее: «Здесь есть две маленькие больницы, содержащиеся из городского дохода по распоряжению Правительства и на пожертвования. В Рыбинске работало 2 доктора из немцев»².

Для холерных больных были выстроены деревянные бараки вблизи Городской тюрьмы (в районе теперешней «Собачьей площадки»). Рыбинские медики, санитарная служба царской России в лице санитарного врача Никитина и чиновников особых поручений Клопова и Вернадского были озабочены санитарным состоянием города Рыбинска. По мнению врачей того времени причиной холеры «было громадное скопление людей рабочего класса при крайне антигигиенической обстановке»³ - как докладывал на первом съезде земских врачей Ярославской губернии в сентябре 1873 года земский санитарный врач М.С. Путятин.

Таким образом, самый «богатый» на эпидемии был Рыбинский уезд, где нередко свирепствовал тиф, возвратная горячка (возвратный тиф) и дизентерия.

Еще в 1738 году смотритель водяных коммуникаций Грейер доносил царскому правительству о том, что «больные бурлаки остаются на берегу без вспоможения»⁴. И уже в 1810 году была построена первая больница для судорабочих на 30 коек, а в 1886 году больница для судорабочих на левом берегу Волги близ с. Александровское на пожертвования почетного гражданина г. Рыбинска А.А.Фролова. Больница была освящена 15 мая 1886 года и стала бесплатной для больных судорабочих в период навигации, при ней была организована собственная аптека. В 1892 году было построено отдельное здание для холерных больных. Известно, что в 1903 году главным врачом этой больницы, кстати, единственной «ведомственной» в России был С.Н. Афанасьев, впоследствии профессор медицинского факультета Московского университета⁵.

О санитарном состоянии Рыбинска часто сообщала газета «Северный край». В частности в статье от 16 апреля 1903 года говорилось о том, что на медицину рыбинское земство ежегодно тратит более 37 тысяч рублей, но «сама постановка медицинской помощи оставляет желать лучшего и ни в коем случае не может быть признана соответствующей действительным нуждам уездного населения ... Врачей на земской службе всего 6 человек, из них 4 квартируют в городе ...»⁶. Рыбинская уездная земская управа под председательством князя А.Н. Ухтомского (дядя А.А. Ухтомского) и с участием земских врачей Роберта Романовича и М.С. Путятин разработали «Правила для предупреждения холеры в Рыбинском уезде», в которых в 9 пунктах приводились рекомендации населению уезда, в том числе и самостоятельному приему лекарств: каплей Иноземцева или Тильмана и порошков Бисмута»⁷.

Большое внимание лечению холерных больных уделял врач А.О.Цастов. Сначала он работал в земской больнице, а затем в железнодорожной. Врач В.Н. Соснин, работавший в амбулатории при земской больнице, сын священника, участник русско-японской войны, испытывавший на себе прививки против оспы, был крайне озабочен санитарным состоянием города. Поэтому в мае 1910 года он пишет донесение в Рыбинское уездное земство следующего содержания: «Прибывшие 5 тысяч человек грузчиков размещаются на жилье в Ягутской слободе, представляемой в санитарном отношении что-то невообразимое. Небольшое помещение вместо 10 человек занимает артель в 40 человек. Размещаются рабочие вповалку на трех ярусных нарах, тут же сушится мокрая одежда. Стены и полы покрыты пылью и грязью. Умывальников и уборных нет. Эти потребности удовлетворяются около жилья. Вода берется из Волги и Черемухи»⁸.

Земский врач М.А. Шахов в своих донесениях в Земскую управу также упоминает о сильной эпидемии натуральной оспы в Рыбинске в 1909 году и констатирует что «прививочные работы проводятся только во время эпидемий»⁹.

Санитарным состоянием города и неудовлетворительной профилактикой заболеваемости были озабочены не только санитарные врачи, но и врачи другой специализации. Активно работали в этом направлении зубной врач П.М. Битюцкий (1876-1943 гг.), который вел прием больных в доме Эльтековых по Крестовой (лечил, удалял, протезировал зубы). Он был активным членом Рыбинского отделения Естественнонаучного общества и выступал с лекциями о личной гигиене человека. В 1915 году он читал лекции на тему «Чухотка легких в связи с запущенностью полости рта». Битюцкий был равнодушным, умным, добрым и обаятельным человеком, который собрал очень интересные воспоминания еще об одном рыбинском санитарном враче ведомства путей сообщения по р. Волге – В.Е. Строганове (1860-1914 гг.). Родился он в Нижнем Новгороде, где окончил гимназию, высшее образование получил в Петербургской военно-медицинской академии, был учеником С.П. Боткина. «Нравственное развитие врача – практика – говорил Боткин – именно она помогает сохранить то душевное равновесие, которое дает возможность исполнять священный долг перед ближними и перед родиной, что и этим

будет обусловлено истинное счастье для жизни". И сердце ученика жило заветами великого учителя С.П. Боткина.

В 1884 году В.Е. Строганов получил место заведующего земской больницы и городского врача в г. Белозерске Новгородской губернии, где проработал с 1884 по 1901 год. Ввиду того, что в Белозерске не было гимназии, он со своей супругой Александрой Васильевной, тоже врачом, решил переехать в Рыбинск, чтобы дать гимназическое образование единственному сыну. Полный знаний, жизнерадостный, отзывчивый к чужому горю, он лечил богатых и бедных, иногда помогая им деньгами. Он не любил ничего показного, сам жил удивительно скромно и был истинным демократом. Рыбинский присяжный поверенный А.И. Штенберг, вспоминая о В.Е.Строганове, говорил: "Я имел счастье находиться с ним в непрерывном духовном общении, подолгу беседовать с ним на общечеловеческие, религиозные и социально-политические темы и не знал чему больше удивляться: обширности его познаний, глубине ли ума или красоте его сердца"¹⁰. Не случайно рыбинцы избрали его в 1905 году в I Государственную Думу как человека кристальной честности и доброты, который смог бы согласно народным желанием поправить работу Высшего Государственного Учреждения и тем самым способствовать возрождению России. Не достигнув намеченной цели, он возвратился в Рыбинск, был арестован и 3 месяца просидел в Рыбинской пересыльной тюрьмы, что подорвало его здоровье. П.В. Битюцкий в своих воспоминаниях о Строганове пишет: "Василия Егоровича по своей доброте, отзывчивости, помощи ближнему можно сопоставить с доктором Гааз, но с той разницей, что последний иностранец, пользовался защитой своего консульства, а Василий Егорович русский человек, пользовался всеми правами и преимуществами русского гражданина и награждения правительством тюрьмой и встать на его защиту было некому"¹¹. Погребен доктор В.Е. Строганов был 4 октября 1914 года на Георгиевском кладбище.

Много талантливых врачей работало в г. Рыбинске, это и К.А. Ливанов (1874-1942 г.), который был другом доктора В.Е. Строганова, и как он, врачевал тело и душу больного. В дневнике К.А. Ливанова, частично опубликованном в журнале "Новый мир" за 2002 год, есть такой отрывок: "Вся моя жизнь – в ее прошлом, настоящем и будущем – чувствуется и понимается как странствие на земле, как выполнение не моей воли, а того, кто послал меня в мир"¹².

Как известно, врачу присущ четкий и даже жесткий взгляд на мир и людей. Это прослеживается в "Записках врача" В. Вересаева и записках А. Чехова, но наши рыбинские врачи В.Е. Строганов и К.А. Ливанов не были такими. Их сердца не очерствели, несмотря на жуткие картины жизни, и поэтому мы, изучая историю провинциального города Рыбинска, не можем не обратиться к этим людям, которые очень верили в преобразование родного Рыбинска и всей России.

Примечания

1. Отечественные записки. Павел Свиньин. № 78, октябрь 1826 г. С. 1-4.
2. Аксаков И.С. Из письма русского публициста. 1849. С. 149.
3. Лозинский Б.Р. Съезды земских врачей Ярославской губернии. Ярославль, 2002 г.
4. РФ ГАЯО. ф. 6. Д. 251. Л. 1.
5. Лозинский Б.Р. Земская медицина в уездах Ярославской губернии. Ярославль, 2003 г.
6. Северный край. 1903. 16 апреля. Письма из Рыбинска: земская медицина. НВФ-2186/12а.
7. НВФ-2376 "Правила для предупреждения холеры в Рыб. уезде", 05.01.1885 г.
8. Лозинский Б.Р. Земская медицина в уездах Ярославской губернии. Ярославль, 2003 г. Книга 6. С. 132.
9. Там же. С. 140.
10. РБМ 15390. ДС-3918. Некролог доктора Василия Егоровича Строганова. С. 4.
11. Там же. С. 4.
12. Дневник доктора Ливанова. Частная коллекция С.В. Вейде.

Соболева О.Ю., канд. ист. наук
г. Рыбинск

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК ЗЕРКАЛО НРАВСТВЕННОСТИ ОБЩЕСТВА: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX- XX ВВ.

Русское сообщество всегда отличала способность к состраданию, милосердию, жалости. Философ Н.О. Лосский говорил о доброте как об отличительном качестве русского национального характера. Истоками благотворительности была православная вера, которая определяла нравственность, жертвенность наших предков. Православие рассматривало помощь ближнему как одно из условий спасения души, что обусловило практику широкой общественной благотворительности и взаимопомощи.

В отличие от столичных городов, где интеллигенция имела возможность реализации своей общественной инициативы в различного рода общественных организациях: политических, просветительских, научных, профессиональных, в провинции благотворительность оставалась практически единственной общественной нишей. На почве помощи неимущим, больным, престарелым, детям объединялись консерваторы и либералы, монархисты и социал-демократы, интеллигенция и купечество. На рубеже XIX-XX вв. произошел взлет общественной активности, что было следствием великих реформ императора Александра II. В провинции всплеск общественной инициативы обозначился, прежде всего, в росте благотворительных общественных организаций. Следует отметить, адресность помощи: благотворительность не была абстрактной. Многие организации

возникали для оказания конкретной помощи и, по достижению цели, свертывали свою деятельность. Деятельность благотворительных организаций была обращена на самые различные социальные слои, нуждающиеся в поддержке, носила самый разнообразный характер: общества вспомоществования, кассы взаимопомощи, общества помощи детям, религиозные братства, благотворительные организации при больницах и др.

Большую группу благотворительных общественных организаций составляли общества помощи детям. Такое общество, называвшееся “Молодая жизнь”, возникло в Ярославле в 1909 году по инициативе родителей учеников мужской гимназии [1]. В основу деятельности были заложены популярные идеи физического развития молодежи П.Ф. Лесгафта. Уже через год Общество насчитывало более 400 членов. Первым его председателем стал известный общественный деятель К.Ф. Некрасов, позднее его сменил П.А. Критский. С самого начала организация стремилась распространить свою деятельность на фабричные районы, осознавая, что дети фабричных рабочих чаще всего “находятся без присмотра, под бурным влиянием улицы” [2]. Одними из первых начинаний были устройство детских спортивных площадок на окраинах Ярославля, ледяных горок и катка в Тверицах, загородных прогулок в Яковлевское, бесплатных обедов и др. Газета “Голос” в 1910 г. сообщала, что в загородной прогулке в Яковлевское приняло участие около 2 000 детей [3]. В этом же году общество расширяет деятельность, создав свои отделения в Тверицах и за р. Которослью. В Тверицком отделении были открыты технические классы, где дети готовили домашние задания под руководством опытных педагогов – членов Общества [4]. Не забывая первоначально заявленную цель, общество “Молодая жизнь открыло гимнастические классы [5], сформировало группы для занятий лыжным спортом [6]. Общество устраивало гуляние в Горячинском саду, где его члены играли любительские спектакли. Общество просуществовало до 1914 г. Вероятно, его деятельность была свернута с началом первой мировой войны.

В этот же период в Ярославле существовало Общество призрения подкидышей [7], которое заботилось о совсем крохотных детях, в Переяславле – Общество призрения бесприютных и нуждающихся в защите детей [8]. Целый ряд благотворительных организаций для целевой помощи детям создавался при учебных заведениях или для учащихся города и уезда [9]. Такие общества оказывали материальную помощь, выдавали бесплатные учебники, одежду, вносили плату за обучение, “обеспечивали квартирой и столом”. Общества вспомоществования существовали также в Рыбинске [10], Любиме [11], Мологе [12], Пошехонье [13]. Их организаторами выступали учителя или родители, которые определяли их социальный, профессиональный состав. Часто членами обществ вспомоществования становились выпускники данных учебных заведений.

Существовали и комплексные благотворительные организации, которые оказывали широкую помощь всем нуждающимся. В Ярославской губернии – это Мышкинское общество пособия бедным [14], Общество попечения о бедных г. Углича [15]. Членами таких обществ состояли, как правило, состоятельные мещане и купцы, так как их деятельность сводилась к выдаче денежных пособий и обеспечению одеждой.

Благотворительные организации возникали и при земских больницах: они снабжали выздоравливающих из числа бедных слоев населения “одеждой, медицинскими пособиями, средствами существования впредь до приискания работы” [16], иногда помогали в трудоустройстве. Время не донесло многих имен людей, которые не оказывались равнодушными к чужой беде и, чем могли, помогали другим людям. Они не получали льготы, не освобождались государством от налогов, часто сами не были богатыми, но не отказывали в своем сострадании и милосердии тем, кто нуждался более их.

Особняком среди благотворительных организаций стояли религиозные братства. Имевшие глубокие исторические (их появление относится к XVI веку) традиции, на рубеже XIX-XX вв. они вновь активизировали свою деятельность, наполнив ее принципиально иным содержанием. Ранее они занимались миссионерской деятельностью, боролись с расколом, теперь – благотворительностью и просвещением. Их целевой аудиторией стали приходы. Это были и бедные прихожане, и пришлые нищие. Часто при церкви прихожане устраивали приюты для сирот, больных и старых людей. Социальный состав религиозных братств был разнообразным, но “тон” задавали священники прихода. Они инициировали организацию библиотек, приютов, школ, богаделен и т.д. В Рыбинске особенно активно действовало общество при приходе церкви Покрова Божьей матери [17].

Русское провинциальное общество не отказывало в сострадании никому. На рубеже XIX-XX вв. возникли организации, оказывавшие помощь преступникам, алкоголикам и т.д. Так, в 1901 г. в Ярославле было создано общество “Трудовая помощь” [18], усилиями которого были открыты артель, лечебница и убежище для алкоголиков [19]. У истоков общества стояли тюремный инспектор А.П. Аксаков и старший фабричный инспектор В.И. Дейш. Вскоре благая цель привлекла в общество и других горожан: учителей, врачей, купцов, что во многом расширило направления его деятельности. Общество открыло воскресную школу, библиотеку, привлекло священников для чтения лекций о нравственности и вере [20]. Предпринимались меры и по лечению алкоголиков [21]. Ни один десяток людей возвратился благодаря деятельности общества “Трудовой помощи” к честной и здоровой жизни. Подобные же задачи решались и другими общественными организациями: Ярославским губернским обществом пособия освобожденным из заключения [22], Рыбинским обществом христианского попечения о лицах, подвергшихся тюремному заключению, и их семьям [23].

Трудно перечислить все филантропические общественные организации. Если принять во внимание деятельность многочисленных попечительств и благотворительных учреждений (богадельни, чайные, ночлежные дома и др.), носивших полуофициальный, полублаготворительный характер, можно с уверенностью утверждать, что благотворительность носила массовый характер, и ей занимались все социальные слои русского провинциального общества. Более того, именно благотворительность стало той нишей, где слились купеческие капиталы и инициатива интеллигенции, где примирились политические и идейные оппоненты. Но, невольно, приходится констатировать и другой факт: современный социум глух к чужой боли. Что же случилось с нами?

Почему совершенно для русского языка несвойственное выражение: “Это ваши проблемы” - не сходит с уст? Возможно, с западной экономикой, формой хозяйствования мы заимствовали и формы нашего поведения. Перенесенный на русскую почву чужой рационализм обернулся безнравственностью, жестокостью, бессердечием, равнодушием. Нет надобности копировать чужой опыт филантропии – у нас своя богатая историческая традиция сострадания и добра.

Примечания

1. Ежегодник общества “Молодая жизнь”. 1910. Задачи общества и очерк его деятельности за первый год существования (с 28 мая 1909 года по 1 марта 1910 года). Ярославль, б. г. С. 9.
2. Голос. 1910. 24 января (6 февраля).
3. Голос. 1910. 25 мая (7 июня).
4. Голос. 1910. 12 (25) февраля.
5. Ежегодник общества “Молодая жизнь”. С. 32.
6. Там же.
7. См.: Отчет о состоянии и деятельности ярославского общества призрения подкидышей за 1912 год. Ярославль, 1913.
8. См.: Устав переяславского общества призрения бесприютных и нуждающихся в защите детей. – Переяславль-Залесский, 1911.
9. См.: Устав ярославского общества вспомоществования учащимся недостаточного состояния. Ярославль, 1890; Отчет правления ярославского общества вспомоществования учащимся недостаточного состояния за 1878-1916 гг. Ярославль, 1917; Устав общества вспомоществования недостаточным ученицам ярославской Мариинской женской гимназии. Ярославль, 1908; Отчет правления общества вспомоществования недостаточным ученицам ярославской Мариинской женской гимназии за 1910-1911 гг. Ярославль, б. г.; Устав общества вспомоществования нуждающимся ученикам Ярославского реального училища. – Ярославль, 1914; Отчет правления Попечительства о недостаточных студентах Демидовского юридического лица с 1 июля 1887 по 1 июля 1888 г. Ярославль, 1888; Отчет правления Попечительства о недостаточных студентах Демидовского юридического лица с 1 июля 1887 по 1 июля 1888 г. Ярославль, 1888; Отчет Совета попечительства об учениках недостаточного состояния в Ярославской духовной семинарии за 1889 г. Ярославль, 1900 и др.
10. См.: Отчет общества вспомоществования учащимся в учебных заведениях города Рыбинска за 1905-1907 гг., 1915 г. Рыбинск, 1905, 1907, 1916; Устав общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам рыбинской Мариинской женской гимназии. Рыбинск, 1915; Устав общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам рыбинской Мариинской гимназии за 1906-1907 гг., за 1908 г., за 1914-1915 гг. Рыбинск, 1907, 1908, 1916; Устав общества вспомоществования нуждающимся ученикам в рыбинском механико-техническом училище и ремесленной школе при нем. Рыбинск, 1899; Отчет о деятельности попечительства о недостаточных учениках рыбинского речного училища за 1914 г. Рыбинск, 1915; Отчет правления общества вспомоществования нуждающимся учащимся рыбинского коммерческого училища за 1914-1915 гг. Рыбинск, 1916 и др.
11. См.: Устав общества вспомоществования нуждающимся ученицам любимской женской прогимназии. Любим, 1908.
12. См.: Устав общества вспомоществования нуждающимся ученицам мологской женской гимназии. Рыбинск, 1916.
13. См.: Отчет общества для пособия бедным учащимся в учебных заведениях г. Пошехонья за 1915 г. Пошехонье, 1916.
14. См.: Устав Мышкинского общества пособия бедным. Мышкин, 1898; Отчет Мышкинского общества пособия бедным за 1900 год. Мышкин, 1901.
15. См.: Отчет совета общества попечения о бедных г. Углича с 1 января 1916 по 1 января 1917 гг. Углич, 1917.
16. См.: Устав благотворительного общества при земской больнице г. Рыбинска. Рыбинск, 1901; Устав благотворительного общества при Ростовской (Ярославской губ.) земской больнице. Ростов, 1890 и др.
17. См.: Устав общества вспомоществования бедным в приходе Покрова Божьей матери в Рыбинске и состоящего при нем приюта бедных детей. Рыбинск, 1881; Отчет рыбинского Покровского общества и состоящего при нем приюта с 14 марта 1889 по 14 марта 1890 гг. Рыбинск, 1890.
18. Устав общества “Трудовой помощи”. Ярославль, 1901.
19. Там же. С. 3.
20. См.: Отчет общества “Трудовой помощи” в Ярославской губернии за 1903 г. Ярославль, 1904. С. 5.
21. Там же. С. 25.
22. См.: Очерк возникновения и первый отчет о деятельности ярославского общества пособия освобожденным из заключения с 3 ноября 1895 года по 1 января 1897 года. Ярославль, 1897; Отчет о деятельности ярославского губернского общества пособия освобожденным из заключения в 1897-1906. Ярославль, 1898-1907.
23. См.: Устав рыбинского общества христианского попечения о лицах, подвергшихся тюремному заключению, и их семьям. Рыбинск, 1901; Отчет о деятельности и обороте сумм рыбинского общества христианского попечения о лицах, подвергшихся тюремному заключению, и их семьям за 1902, 1906, 1911. Рыбинск, 1903, 1907, 1912.

Гожалимова О.С.
г. Рыбинск

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЫБИНСКОГО БИРЖЕВОГО КОМИТЕТА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Благотворительная деятельность предпринимателей в широких масштабах начинается в России в конце XIX в. Несомненно, этому способствовали и благоприятные экономические условия, и поощрительное законодательство, но главным источником, определившим размах этого движения, оставались внутренние побуждения российских предпринимателей, приводившие их постепенно к осознанию своей внутренней личной ответственности перед обществом.

Вначале благотворительность купцов согласовывалась с реальными традициями и проявлялась в виде подачи милостыни нищим и убогим, а также пожертвований церковным учреждениям, раздаваемых лично и без

помысла об их практических последствиях. Важное место занимало и чувство сословной ответственности, участие в органах сословного и городского самоуправления, предпринимательских и общественных организациях, носившее большей частью выборный, а в некоторых случаях и обязательный характер. Но общественные экономические условия развития пореформенной России постепенно приводили все большее число предпринимателей к осознанию своей социальной ответственности перед обществом.

Рыбинские купцы много жертвовали поодиночке, на их средства были построены реальные училища, богадельни, детские приюты, устроены парки, сады. Их имена помнят жители города – Тюменевы, Миклютины, Комаров, Фролов, Карякин. После организации в городе хлебной биржи, а особенно после создания рыбинского Биржевого Комитета в 1842 году, начинается новый этап благотворительности в Рыбинске.

Что же входило в понятие “благотворительность” в начале XX века? Термин “благотворительность” (или “филантропия”) применимы к области общественной деятельности, связанной с передачей физическими и юридическими лицами (но не государством) денежных и материальных средств нуждающимся¹.

Согласно статье “Устава об общественном призрении” (СЗРИ т. XIII) “предметы по призрению суть: 1) установление, содержание и управление богоугодных и общественных заведений, как-то: сиротских и воспитательных домов, больниц и домов призрения умалишенных, богаделен и рабочих домов для прокормления неимущих работою и 2) заведование подобными заведениями, от частных лиц и общественными учреждениями...”²

Устаревшее действующее законодательство по общественному призрению не определяло категорий лиц, нуждающихся в помощи, как не определило и вообще границ общественного призрения. Поэтому, города, земства, ведомства и сословные общества сами избирали подходящие формы помощи бедным, исходя из местных условий.

По ст. 17 “Устава об общественном призрении”, кроме процентов с благотворительных капиталов и специальных сборов, общественное призрение осуществлялось на: 1) пособия от городов и от казны, 2) подаяния, пожертвования и завещания в пользу заведений общественного призрения, 3) пенные и штрафные деньги, и 4) хозяйственные и случайные доходы всякого рода”.

В энциклопедическом словаре “Отечественная история” термин “благотворительность” разъясняется как помощь нуждающимся со стороны общественных организаций, государственных учреждений, церкви и частных лиц (общественное и частное призрение). Вызывалось разными мотивами: состраданием, сознанием гражданской солидарности между членами общества, нравственными воззрениями, патриотизмом, желанием получить признательность со стороны правительства, которое поощряло благотворительность в т.ч. стремлением устранить социальную опасность, источником которой нуждавшееся население.

Расходы владельцев торгово-промышленных предприятий зачастую включали средства на родильные дома, ясли, детские сады, школы, библиотеки, бани, больницы, приюты и прочее.

При работе над докладом были использованы следующие источники – “Обзор деятельности Рыбинской биржи и движения хлебных, зерновых и других товаров и нефтяных грузов на рыбинских пристанях” (далее “Обзор деятельности биржи”). В 1842 г. был организован биржевой Комитет, в него входили – председатель, 5 старшин, 3 кандидата в старшины и старейший маклер. Всеми капиталами биржи распорядился Комитет. К 1892 г. у биржи имелись следующие средства: капиталы биржевого Комитета, Волжско-Камского банка, депутатии по Маринской системе, для вспоможения престарелым маклерам, для организации речной полиции, императора Петра Великого, императора Александра III, кровати Вел. Кн. Владимира Александровича, высочайше утвержденных сборов, по постройке больницы, кредиторов, судопромышленников, переходных сумм – на общую сумму 653 404 руб. 35 коп.³. Из этой суммы часть денег шла на заботы об улучшении быта рабочих, в огромном количестве стекающихся во времена навигации в Рыбинск.

Главное внимание купечества было обращено на подаяние медицинской помощи рабочим на судах и пристанях. Деятельность биржевого Комитета в этом направлении завершилась открытием 15 мая 1886 г. постоянной больницы для рабочих. Для этого биржевой Комитет в 1883 г. организовал подписку для сбора средств, т.к. своего капитала не хватало. Капитал тогда составлял 19303 руб. Половина из этой суммы была переведена в процентные бумаги, как неприкосновенный фонд. В 1885 г. была организована вторая подписка, также устраивался благотворительный спектакль для сбора средств на строительство больницы. Больница была открыта. Она была устроена на 40 коек. Прием больных производился только в навигацию. Больничный персонал состоял из доктора, фельдшера и служащих⁴. В Отчете за 1904-1905 г. указывалось, что на балансе биржи состояло два барака: хирургическое и терапевтическое отделение, приемный покой, кухня с бетонной канализацией, водопровод, баня и прачечная, барак тифозный, часовня с покойницей, сарай, конюшня, амбар, ледник, дезинфекционная камера, жилой дом для доктора и фельдшера, забор, полисад, навес для дров, колодец. В 1905 г. на больницу было израсходовано 6552 руб.⁵. В 1907 г. в больнице было - палатных больных 1277 (28 умерло), амбулаторных – 9291⁶, стоимость лечения – 3914 руб. 63,67 коп. В 1910 г. при больнице был построен инфекционный барак на 12 кроватей, также биржевой Комитет специально для прачечной приобрел стиральную машину типа “Крауз” за 180 руб.⁷ В 1914 г. на содержание больницы было выделено 25 тыс. рублей. Была построена новая покойницкая с часовней стоимостью 6000 руб.⁸

В 1905 г. биржевой комитет остановился на мысли осуществить постановление общества о постройке плавучей столовой-кухни для приготовления пищи на 400 человек и столовой на 150 человек стоимостью 9950 рублей 08 коп. и поручить постройку В.А. Карякину и И.Н. Величко. Судно строилось при мастерских “Товарищества бр. Нобель”, от которого поступило много материалов, как пожертвование, и поэтому биржевой комитет счел своим долгом послать Э.Л. Нобелю телеграмму: “Рыбинское биржевое общество просит Вас принять его искреннюю благодарность за Ваше содействие и пожертвование на постройку плавучей столовой для

судорабочих, освященной и открытой сегодня⁹. Столовая была открыта в 10 часов утра 25 июня 1907 г., освящена причтом церкви с. Александровского в присутствии биржевого Комитета и с 11 часов начала отпуск пищи для рабочих. В 1907 г. с 25 июня по 17 октября было отпущено: щей с хлебом 3171 порция, щей без хлеба 1286 порций, каши с маслом 1149 порций¹⁰ на общую сумму 254,58 руб.

Биржевой Комитет в русско-японскую войну (1904-1905 гг.) построил барак для лечения больных и раненых воинов – за это В.А. Карякин, как председатель биржевого Комитета, получил портрет Вел. Кн. Елизаветы Федоровны и жетон в память совместной деятельности в деле помощи пострадавшим воинам. Эти награды были помещены в торговом зале биржи¹¹. В годы Первой Мировой войны были устроены два барака для раненых стоимостью 10000 рублей¹².

Помимо медицинского направления, другим большим направлением была сфера образования. 2 сентября 1902 года было открыто Рыбинское восьмиклассное коммерческое училище. Устав училища был утвержден 22 марта 1902 г. Учредителями его являлись рыбинский биржевой Комитет и Волжско-Камский коммерческий банк. Средства училища составляли: 1) плата за обучение. 2) капитал в 425 000 руб., образовавшийся из 1% отчислений от прибыли Волжско-Камского коммерческого банка на пользу русской торговли и промышленности и находящиеся в его непосредственном распоряжении Рыбинского биржевого комитета.

На открытии училища выступал председатель биржевого Комитета М.Н. Журавлев: “Идея основания коммерческого училища в Рыбинске всецело принадлежит учредителям Волжско-Камского коммерческого банка: после первых же отчислений от прибылей этого банка в распоряжение биржевого комитета на пользу русской торговой промышленности учредителями банка было предложено комитету устроить в г. Рыбинске коммерческое училище и содержать его на средства, получаемые из этого источника.

Документальное подтверждение этому находится в делах Биржевого комитета 1872 г., когда покойный В.А. Кокарев, в бытность свою в Рыбинске дал эту идею. В то время, однако, Биржевой комитет не признал возможным принять на себя перед правительством ответственность за существование училища, особенно в виду того, что дело банковское было еще новое в России, и не было данных, по которым с большею или меньшею вероятностью можно было определить размер этих отчислений, т.е. говоря короче – нельзя было судить, будут ли они достаточны для покрытия всех затрат по оборудованию и содержанию училища. Тем не менее, Биржевой комитет не только не отказался от этой мысли, но и направил всю свою последующую деятельность на ее осуществление. Скопляя ежегодно поступающие от банка проценты отчисления, увеличивая их приращиванием процентов, охраняя их от расточения, Биржевому комитету удалось образовать из них солидный капитал.

Когда в 1892 году капитал достиг цифры в полмиллиона рублей, Биржевой комитет вошел с ходатайством о разрешении устроить в г. Рыбинске коммерческое училище, которое с сегодняшнего дня и получает свое существование.

Из капитала, образовавшегося от 1% отчисления и выросших на них процентов оставлено на постройку и содержание училища в непосредственном распоряжении Биржевого комитета 425 000 руб. Сумма эта и представляет из себя те проценты, которые были приобретены заботами Биржевого комитета. Из самих отчислений банка образован ныне неприкосновенный фонд в более чем 700 000 руб. Проценты с этого фонда вместе с последующими отчислениями банка будут поступать на пособия вновь открываемым коммерческим учебным заведениям в городах, где имеются отделения Волжско-Камского коммерческого банка¹³.

Члены биржевого Комитета обязательно входили в Попечительский совет училища. Так, в 1913 г. в него входили: председатель Рыбинского Биржевого комитета М.Н. Журавлев, биржевые старшины: В.А. Карякин, Н.И. Жеребцов, И.Н. Величко, М.М. Охлобыстин, И.И. Садовый, директор училища М. И. Черников.

С 1916 г. воспитанникам, окончившим курс, было предоставлено право поступления в университеты с дополнительным экзаменом по-латыни. Таким образом, был подтвержден высокий уровень подготовки в Рыбинском коммерческом училище.

Помимо Рыбинского коммерческого училища, которому Комитет ежегодно выдавал субсидии в 10000 рублей, на балансе биржи были коммерческие училища в других городах, например, в Самаре, которым также выделялись субсидии. Лучших учеников училищ Комитет поощрял стипендиями в размере 30 руб.¹⁴

Не забывал Биржевой Комитет и о социальных нуждах города. В 1907 г. Комитет оплатил половину суммы (163 руб. 45 коп.), которую потратил город на устройство ночлежного дома и кормления ночлежников, выдачи горячей пищи в течение двух недель. В 1914 г. биржевой Комитет принимает участие в строительстве убежища для алкоголиков, выделив при этом 200 руб.¹⁵

В 1912 г. в Поволжье выдался неурожайный год, и рыбинские купцы посылали деньги голодающим Самарской и Уфимской губерний на общую сумму 1000 рублей¹⁶.

Большое внимание биржевой Комитет уделял пожилым маклерам, вдовам и детям маклеров. Ежемесячно им выплачивались пособия от 3 до 10 рублей в месяц.

Таким образом, благотворительная деятельность рыбинского биржевого Комитета охватывала разнообразные стороны социальной жизни города.

Примечания

1. Ульянова Г.Н. Законодательство о благотворительности в России (конец XVIII - начало XX века) // Отечественная история. 2005. № 6. С. 17.
2. Цит. по “Россия в 1913 году”. С. 381.
3. Пятьдесят лет Рыбинской биржи. СПб., 1892. С. 39.
4. Там же. С. 94-95.
5. РФ ГАЯО ф. 9. Оп. 1.Д. 1908. С. 28.

6. Обзор деятельности рыбинской биржи за 1907 г., Рыбинск, 1908. С. 138.
7. Обзор деятельности рыбинской биржи за 1910 г. Рыбинск, 1911. С. 56.
8. Обзор деятельности рыбинской биржи за 1914 г. Рыбинск, 1915. С. 20.
9. Цит. по "Обзор деятельности рыбинской биржи за 1907 г.". Рыбинск. 1908. С. 60-61.
10. Там же. С. 138.
11. Там же. С. 72.
12. Обзор деятельности рыбинской биржи за 1914 г. Рыбинск, 1915. С. 35.
13. Вестник Рыбинской биржи. 1902 г. Сентябрь.
14. РФ ГАЯО Ф. 9. Оп. 1. Д. 1908. С. 19-20.
15. Обзор деятельности рыбинской биржи за 1914 г. Рыбинск, 1915. С. 22-23.
16. Обзор деятельности рыбинской биржи за 1912 г. Рыбинск, 1913. С. 31-32.

Степанов К.А.
г. Ростов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОСТОВСКОГО ЗЕМСТВА ПО ОТКРЫТИЮ СТРЕЛЬСКОГО УЧИЛИЩА В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.

Проблема деятельности земств в России - одна из важнейших в науке. Вкладом в ее решение является изучение работы уездных земств и, в частности, Ростовского земства Ярославской губернии. В процессе своей деятельности земство решало вопросы, связанные со сбором налогов, оказанием помощи семьям погибших воинов, здравоохранением, народным просвещением, дорожным строительством и др. Одним из наиболее значимых вопросов было развитие народного образования. Необходимость в этом была вызвана небольшой сетью училищ имевшихся в основном в селениях государственных крестьян. В связи с этим Ростовское земство на одном из первых своих собраний 5 июня 1865 г. рассмотрело вопрос "Об обязательной грамотности" в уезде для детей от 10 до 13 лет (в 1865 г. в Ростовском уезде имелось всего 8 сельских начальных училищ), а 29 сентября 1866 г. приняло решение об открытии в уезде 50 земских начальных школ.

Деятельность Ростовского уездного земства в этом направлении интересна и всегда привлекала внимание исследователей¹, но, несмотря на это, проблема строительства и открытия земских школ в Ростовском уезде мало изучена. Исследование работы Ростовского уездного земства по открытию училища в д. Стрелы представляет большой интерес и выполнено на основании архивных и опубликованных источников.

В результате деятельности губернского и уездного земств к концу XIX в. в Ростовском уезде имелось 71 земское начальное училище. 16 апреля 1897 г. собравшиеся на сход крестьяне Стрельского сельского общества обратились с просьбой в Ростовское земство открыть школу в д. Стрелы Приимковской волости. В вынесенном приговоре, подписанном пятьюдесятью девятью домохозяевами (от 73 имевших право голоса на сходе), указывалось на необходимость открытия училища. Для его содержания было решено "сбор производить с каждой души 50 копеек каждый год ... в деревне Стрелах душ находится 200"². Приговор подписали: Иван и Александр Лапины, Алексей и Иван Силины, Михаил Вагин, Александр и Павел Цаплины, Константин и Павел Тюрины, Иван и Василий Копнины, Федор Семенов, Александр, Иван и Владимир Степановы, Иван и Петр Паршивиковы, Александр и Федор Панчеины и др., а потом заверили печатями волостной старшина Воинов и сельский староста Василий Паршивиков. После этого приговор был направлен земскому начальнику 1-го участка, который передал его для рассмотрения в уездную земскую управу.

10 октября 1897 г. на очередном Ростовском земском собрании был заслушан доклад управы "Об устройстве народной школы в д. Стрелах", в котором сообщалось: "Докладывая собранию приложенный приговор и просьбу ... земского начальника о принятии этого нового училища в ведение земства, управа находит: 1) ... сумма в 100 руб. ежегодного взноса вполне достаточна для необходимых расходов по отоплению, освещению, стороже, небольшому ремонту и для покупки некоторых учебных пособий для беднейших учеников школы; и 2) ... в этой местности единственная ближайшая школа в 5 верстах - в селе Сулость и та значительно переполнена. Ввиду этого, по мнению управы, представляется полная возможность принять усматриваемую школу в деревне Стрелах в ведение Ростовского земства, внося в училищную смету сумму в 246 руб., необходимую для жалования преподавателю и законоучителю ..."³ Под текстом доклада управы А.А. Титов написал мнение школьной комиссии, в котором отметил, что комиссия согласна с мнением управы, но только при условии, чтобы строительство школьного дома и квартиры учителя в нем осуществлялось под личным наблюдением земского начальника. Однако, открыть училище так и не удалось. В ведомостях на выдачу денег учителям за 1898 г. в графе "Стрельское училище" не было никакой записи. И только на другой год, благодаря личным стараниям его попечителя Ивана Михайловича Цаплина⁴, училище было открыто. Заседание уездной земской управы от 26 ноября 1899 г. заслушало словесную просьбу Цаплина о выдаче ему 50 руб. на первоначальное "обзаведение" училища⁵. Управа отметила, что "Стрельское училище назначено к открытию с 1898 года ... но училище открыто лишь только с 10-го минувшего октября [1899 г.] и до того времени никакого расхода на содержание этого училища производимо не было"⁶. Указанная попечителем сумма была выдана ему на обустройство открывшегося в Стрелах земского народного училища. До открытия училища дети были вынуждены учиться в Васильковском (удалено на 6 верст) и в Сулостском (удалено на 5 верст) земских училищах⁷.

Отношением за № 154 от 22 сентября 1900 г. школьная комиссия Ярославской губернской земской управы направила на рассмотрение Ростовского уездного училищного совета проект школьной сети в уезде, который был рассмотрен на заседании 12 октября 1900 года. Журнал заседания совета рассматривался 28 сентября 1901 г. на

Ростовском уездном земском собрании, в ходе которого управа предложила добавить в список существующих школьных районов "еще и Стрельский, Приимковской вол., где в 1899 г. открыта земская школа"⁸ и получила одобрение со стороны собрания.

Здание школы, в котором начались занятия, принадлежало Стрельскому сельскому обществу. Оно было построено жителями этой деревни в 1900 г. и стоило 1420 руб.⁹ Для возмещения ущерба от возможного пожара жители селения застраховали здание в "Обществе страхования от огня" на сумму в 1443 руб.¹⁰ Классная комната имела следующие размеры: длина 6,5 аршин, ширина 13 арш. и высота 4 арш., а учительская "квартира" была 6,75 арш. длины, 5,25 арш. ширины и 4 арш. высоты. В среднем на одного ученика приходилось по 1 кв. арш. площади и 6 куб. арш. воздуха¹¹. Форточек и вентиляции в школе и учительской квартире не имелось. Для поддержания надлежащей чистоты в училище ежедневно проводилась влажная уборка "прислугою беспрекословно". На отопление классной комнаты, квартиры учителя и кухни (в каждой комнате имелось по одной кирпичной печи), а также на оплату прислуги в учебном году было израсходовано 79 руб. Однако, в зимнее время года в помещении училища было прохладно, потому что оно нуждалось в ремонте, для чего Ростовское земство выделило 7 руб. на ремонт печи в квартире учителя.

В библиотеке училища имелись учебники и необходимые пособия. В частности "Закон Божий" епископа Агафодоры - 20 экземпляров (требовалось еще 20 экз. "Начального наставления" Д. Соколова). Имелись карты: Палестины, полушарий, Европы, России, Ярославской губернии, по географии и 12 карт "Священной истории", атласы по русской истории, были наглядные материалы: глобус, компас, макет луны, "человеческие расы", а также торговые счета, меры длины, фунтовый разновес, арифметический ящик и магнит. Все эти наглядные пособия были получены из Ростовской уездной земской управы в 1908 году. Училище нуждалось в атласах по анатомии, зоологии, ботанике, картах по солнечному и лунному затмениям, движению земли вокруг солнца, "Священной истории" и Ветхого Завета. По русскому языку имелся учебник Баранова "Наше Родное" (1-я часть - 23 экз., 2-я ч.-8 экз. и 3-я ч. - 8 экз., однако училищу необходимо были еще 2-я ч. - 15 экз. и 3-я ч. - 8 экз.), Святое Евангелие на церковно-славянском языке в количестве 11 экз., задачки по арифметике Арженикова (1-я ч. - 24 экз., 2-я ч. - 12 экз. и 3-я ч. - 13 экз., еще требовалось 2-я ч. - 3 экз.) и Гольденберга (1-я ч. - 17 экз. и нужно было еще 2-я ч. - 14 экз.) По грамматике имелся учебник Некрасова (1-я ч. - 11 экз., 2-я ч. - 4 экз. и 11 экз. этой части были еще нужны). Кроме этого, в училище имелись 14 экз. "Прописи" Пуцыковича. Училище ежегодно пополнялась учебниками. Исключением не стал и 1908-1909 учебный год, в течение которого были закуплены следующие учебники: "Закон Божий" епископа Агафодоры - 20 экз., задачки Арженикова - 22 экз., Гольденберга - 13 экз., учебники Баранова 1-я ч. - 23 экз. и 3-я ч. - 8 экз., "Прописи" Пуцыковича - 14 экз. и "Грамматика" Некрасова - 15 экз. Все учебники на сумму 21 руб. 51 коп. поступили из Ростовской уездной земской управы¹². 8 декабря 1909 г. при училище была открыта библиотека, книги для которой поступили из Макаровской библиотеки.

В 1908 г. училище окончили 7 человек, 12 мая 1909 г. - 4 мальчика и 4 девочки, а 16 мая 1910 г. после выпускных испытаний, которые "производил" предводитель ростовского уездного дворянства Георгий Михайлович Леонтьев - 8 мальчиков.

В 1909-1910 учебном году в училище было три группы: младшая, средняя и старшая. Занятия в младшей группе начались со 2-го, средней - с 9-го, и старшей - с 17-го сентября 1909 г., а закончились 26 мая 1910 года¹³. В младшую группу было принято в 1909 г. 15 мальчиков и 10 девочек, из которых во 2-ю группу было переведено 12 мальчиков и 8 девочек. Во время учебного года 2 девочки выбыли "по случаю отказа". Во 2-й группе учились 5 мальчиков и 10 девочек. Выбыл 1 мальчик "по домашним обстоятельствам". Переведено в 3-ю группу 4 мальчика и 10 девочек. В 3-й группе обучалось 8 мальчиков и все они "окончили курс"¹⁴. Уроки в этом учебном году вела учительница Лидия Васильевна Свечникова (преподавала с января 1909 г.)¹⁵. До нее в училище работали: Флоридова Анна Васильевна, Богородская Елена Ивановна (окончила курс Ярославского епархиального Ионафановского женского училища) и Князева Екатерина Никитична¹⁶. Законоучителем был священник церкви с. Васильково о. Владимир Берсенев¹⁷. Ранее Закон Божий преподавали о. Геннадий Царевский, священник из с. Никольское-на-Перевозе и о. Михаил Успенский, священник из с. Сулость¹⁸. В училище обучались дети только из д. Стрелы, которые в начале осени и весны часто задерживались дома "по случаю полевых работ". В остальное время учебного года они "аккуратно" посещали занятия и не имели пропусков занятий. На уроках ребята сидели за партами, которые имелись в училище в достаточном количестве. Занятия начинались с 8 часов и заканчивались в 15 часов, с учетом одного часа на обед. Кушать ребята ходили домой, поскольку горячих завтраков для детей в училище не было.

Согласно "экзаменационного списка" от 4 мая 1911 г. 13 крестьянских детей д. Стрелы (Горюнов А.И. 1 марта 1900 г.р., Лапшин С.А. 13 ноября 1900 г.р., Панчехин А.С. 26 октября 1901 г.р., Тюрин Ф.А. 25 августа 1899 г.р., Горюнова Е.Н. 11 ноября 1899 г.р., Горюнова М.Н. 11 января 1901 г.р., Горюнова О.Ф. 5 июля 1898 г.р., Горюнова С.П. 18 июля 1898 г.р., Кузина А. В. 27 сентября 1900 г.р., Кузина А.П. 20 ноября 1900 г.р., Силина А.А. 22 июня 1900 г.р., Тюрина Е.К. 23 ноября 1893 г.р. и Тюрина Л.Г. 22 марта 1900 г.р.) были "подвергнуты испытанию" по окончании курса Стрельского училища, из них по Закону Божьему получили 12 оценок "отлично" и 1 - "хорошо", чтению 11 - "отлично" и 2 - "хорошо", письму 5 - "отлично", 7 - "хорошо" и 1 - "удовлетворительно", арифметике 5 - "отлично", 6 - "хорошо" и 2 - "удовлетворительно"¹⁹. На основании протокола от 4 мая 1911 г. комиссия в составе председателя Волкова (земский начальник 1-го участка Ростовского уезда) и членов о. Владимира Берсенева и Л.В. Свечниковой признала достойным получить свидетельства об окончании курса мальчиком и девочкам (последним на основании предложения Министерства народного просвещения от 12 августа 1882 г. за № 9524). По "экзаменационному списку" 1917 г. 8 детей (Силин П.П. 13 декабря 1904 г.р., Тюрин А.Н. 1 июня 1906 г.р., Горелова А.П. 30 декабря 1904 г.р., Горелова В.А. 9 сентября 1906 г.р., Горюнова А.Н. 15 мая 1905 г.р., Киселева С.А. 3 января 1905 г.р., Лапшина О.А. 13 июня 1905 г.р. и Панчехина Л.С. 11 октября 1906 г.р.) были "подвергнуты

испытанию», из них по Закону Божьему получили 6 оценок «отлично» и 2 – «хорошо», чтению 5 – «отлично» и 3 – «хорошо», письму 5 – «отлично» и 3 – «хорошо», арифметике 6 – «отлично» и 2 – «хорошо»²⁰. Протоколом от 27 апреля 1917 г. комиссия в составе председателя Л.В. Свечниковой, членов о. Михаила Успенского и В.М. Усачевой (2-я учительница) признала этих ребят «достойными получить свидетельство» об окончании курса в Стрельском начальном училище.

Попечителем училища с 1907 г. был крестьянин д. Стрелы Иван Васильевич Паршивиков, который достаточно много времени и внимания уделял учебному учреждению и «старательно заботился о школе»²¹.

Почтовый адрес Стрельского училища в 1912-1917 гг., куда направлялась почтовая корреспонденция для него, был: г. Ростов, Кураковское подворье²².

Таким образом, благодаря земству и помощи, которую ему оказали жители д. Стрелы, удалось открыть еще одно училище в Ростовском уезде. Крестьяне обязались не только финансово помогать вновь открывающемуся училищу, но и наблюдали за ним и поддерживали в нем порядок.

Примечания

1. Титов А.А. Деятельность Ростовского земства по народному образованию с 1865 по 1876 год. Ярославль, 1879.; Трефолев Л.Н. Очерки деятельности Ярославского губернского земства (1865-1891 гг.). Народное образование. Вып. 1. Ярославль, 1896.; Очерк деятельности Ростовского уездного земства по народному образованию. (1865-1904 гг.). Под ред. Петрова Л.Е. Ярославль, 1905.; Дружинин П.Н. Просвещение в Ярославской губернии в пореформенный период // Очерки истории Ярославского края. Ярославль, 1974. С. 94-136.
2. РФ ГАЯО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 454. Л. 266.
3. РФ ГАЯО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 454. Л. 1, 12.
4. РФ ГАЯО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 576. Л. 86 об., 87.; Д. 608. Л. 50 об., 51.; Д. 638. Л. 49 об., 50.
5. РФ ГАЯО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 474. Л. 404.
6. РФ ГАЯО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 474. Л. 404.
7. РФ ГАЯО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 464. Л. 50, 51.
8. РФ ГАЯО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 434. Л. 143, 393 об.
9. РФ ГАЯО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 781. Л. 70.
10. РФ ГАЯО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 691. Л. 126.
11. РФ ГАЯО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 781. Л. 70 об.
12. РФ ГАЯО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 781. Л. 119.
13. РФ ГАЯО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 781. Л. 70.
14. РФ ГАЯО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 781. Л. 70.
15. РФ ГАЯО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 710. Л. 115 об.; Д. 782. Л. 62 об.; Журнал экстренного Ростовского уездного земского собрания заседания 6 февраля 1908 г. Ярославль., 1908. С. 170.
16. Там же. Д. 576. Л. 86 об., 87.; Д. 710. Л. 97 об.; Журнал экстренного Ростовского уездного земского собрания заседания 6 февраля 1908 г. Ярославль., 1908. С. 378.
17. Там же. Д. 754. Л. 41.
18. Там же. Д. 492. Л. 1, 6.
19. Там же. Д. 824. Л. 48, 48 об., 91.
20. Там же. Д. 1119. Л. 8, 8 об., 42.
21. Там же. Д. 781. Л. 119 об.
22. Там же. Д. 872. Л. 80.

Иерусалимская С.Ю., канд. ист. наук
г. Ярославль

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО НАЧАЛЬНОМУ НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Важное место среди статистических источников по начальному народному образованию Ярославской губернии занимают материалы первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. Ярославскому краю там посвящен отдельный том. Издание включает в себя сведения о количестве грамотных и неграмотных в крае по половому признаку, возрастным группам; показывает зависимость уровня образования от принадлежности к определенному сословию¹. Первичные бланки всеобщей переписи 1897 г. по губернии хранятся в ГАЯО, где им посвящена отдельная опись².

Значимые сведения по начальной школе региона накануне XX в. содержатся в статистических таблицах, опубликованных в специальном документальном сборнике «Начальное народное образование в России»³. Там приводятся данные, характеризующие количество начальных училищ всех типов, численность учащихся и учителей, их половой состав и т.д. Все сведения даны по уездам Российской империи.

Интерес представляют труды первого общеземского съезда по статистике народного образования 1913 года⁴. В них содержится информация об организации школьной земской статистики. Среди участников съезда были такие видные деятели в этой области, как И.С. Скотников, Г.И. Горкушко, А.К. Гермоннус, В.И. Чарнолуцкий и др. Их доклады были посвящены вопросам школьной статистики на совещаниях земских статистиков, опыту статистической обработки материалов текущей школьной статистики. На съезде предлагались программы и бланки, предназначенные для обработки статистических материалов. Доклады, прозвучавшие на съезде, показывали высокий уровень развития земской статистики народного образования.

О том, что из себя представляет, какими знаниями владеет, хочет ли продолжить свое образование учитель земской школы, дает представление «Анкета учащим земских школ»⁵, составленная при Московской губернской земской управе. По постановлению Бюро общеземского съезда по народному образованию, летом 1910 г. были разосланы опросные листы в земские управы с просьбой направить их в земские школы с трехгодичным курсом, в которых учителя преподают не менее 3 лет. До 20 апреля 1911 г. было получено 15.707 ответов из 34 земских губерний от большинства (94%) уездов земской России. Из всех полученных анкет обработке подверглись 14.841, так как остальные 886 анкет давали сведения от школ иного типа, чем земская. Главные практические выводы, сделанные из данных анкет содержатся на заключительных страницах работы и представляют собой 18 пунктов. Выводы показывают состояние земской школы в начале XX в. и дают рекомендации по улучшению ее деятельности.

Статистические сведения, опубликованные в центральной печати, позволяют проанализировать количественные характеристики начальных школ, раскрыть финансовое положение образовательных учреждений, подчиненных Министерству народного просвещения, а также земских и церковноприходских учебных заведений. В центральной печати также приводились статистические данные, сведенные в таблицы. Они показывают количество начальных школ в Российской империи, численность учащихся, содержат сведения, характеризующие учительский бюджет, имеются и погубернские данные⁶.

Установление числа начальных училищ, учителей и учащихся на 1 января 1915 г. – основная цель ведомственного издания «Начальные училища ведомства Министерства народного просвещения в 1914 г.»⁷ Источниками работы послужили составленные инспекторами именные списки начальных училищ. В издании училища распределены на группы, численность и состав которых имеют существенное значение при соображениях о финансировании всеобщего обучения.

Заметное место в местной статистике занимают ежегодные обзоры Ярославской губернии (приложения к всеподданнейшему докладу губернатора). Они регулярно публиковались во второй половине XIX – начале XX веков. Содержащиеся там сведения включают в себя информацию о количестве школ в губернии, учащихся, их половозрастной состав, финансировании народного образования в Ярославской губернии. Данные приводились регулярно из года в год, по единой схеме, следовательно, есть возможность сравнения и сопоставления, показать динамику развития школьного дела в губернии⁸. Общая тенденция, прослеживающаяся по всем «Обзорам...», говорит о том, что уровень образования населения в Ярославской губернии неуклонно рос. Об этом же говорят статистические данные, опубликованные в специальных ежегодниках⁹. В фонде 642 «Ярославский губернский статистический комитет» ГАЯО имеются сведения об учебных заведениях, числе учителей и учащихся в крае¹⁰.

Важную роль в изучении начальной школы играют материалы земской статистики. Российская земская статистика занимала ведущие позиции в мире. Особенно большое внимание она уделяла делу народного образования: статистические материалы предоставляли сведения для анализа динамики численности учащихся земских и церковноприходских школ, распределения их по половозрастному признаку. Земская статистика предоставляла ценные сведения о финансировании начальных народных училищ, жаловании учителям и их помощникам, о выделении средств на приобретение учебных пособий и т.д. Эти документы хранятся как в архивах (материалы земской статистики в значительной части находятся в ГАЯО в фонде 485), так и опубликованы в земской периодической печати. Статистическое бюро Ярославского губернского земства приоритетное внимание уделяло анализу сведений о состоянии грамотности в губернии. В основу цифровых данных бюро брало извлечение из подворной земской переписи по уездам: выявлен процент грамотных и учащихся по отношению ко всем жителям губернии, установлены географические аспекты уровня грамотности населения.

Сравнивая статистические материалы различных ведомств: правительственных органов (МНП, губернского статистического комитета и др.), Св.Синода, земств, городской думы и управы - следует отметить некоторые недостатки статистических источников. Прежде всего, это расхождение в сведениях разных ведомств, неточные данные внутри одного и того же ведомства (это объясняется тем, что не все опрашиваемые присылали свои ответы, а некоторые из заполненных анкет содержали лакуны и отступления от заданного трафарета), что несколько затрудняет сравнение и сопоставление информации. Статистические сведения не всегда проверялись, в них встречались и арифметические ошибки. В результате статистические материалы у разных ведомств за один и тот же период времени не всегда точно совпадали. Однако указанные погрешности не являлись существенными и не влияли на общую картину событий. Статистические материалы являются важным источником, раскрывающим основные тенденции, цифры и количественные параметры развития народного образования в Ярославской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.

Примечания

1. См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. 50: Ярославская губерния. СПб., 1904. С. 70 - 75.
2. См., например: ГАЯО. Ф. 642. Оп. 3. Д. 1353; и др.
3. См.: Начальное народное образование в России / Под ред. Г. Фальборка и В. Чарнолуцкого. СПб., 1900. Т. 1 / Статистические таблицы по уездам, городским поселениям и селениям империи.
4. См.: Первый общеземский съезд по статистике народного образования 1913 года: Доклады. Харьков, 1913.
5. См.: Анкета учащим земских школ. М., 1911.
6. См., например: Русская школа. 1912. № 5. С. 89 - 95; 1913. № 1. С. 61 - 70, 71 - 76; и др.
7. См.: Начальные училища ведомства Министерства народного просвещения в 1914 году. Пг., 1916.

8. См.: Обзор Ярославской губернии за 1878 г. Ярославль, 1879; Обзор Ярославской губернии за 1879 г. Ярославль, 1880; Обзор Ярославской губернии за 1880 г. Ярославль, 1881; и др.
9. См., например: Начальное народное образование в Ярославской губернии за 1909 г. Ярославль, 1913; Школьная статистика за 1915 – 1916 уч. год. Ярославль, 1916; и др.
10. См.: ГАЯО. Ф. 642. Оп. 1. Д. 21479, 21499, 21510; Оп. 4. Д. 159; и др.

Невиницын Р.А.
г. Ярославль

МАТЕРИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗДАНИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ “СЕВЕРНОГО КРАЯ”)

Финансовая составляющая издания любого печатного органа является неотъемлемой частью его истории. Ряд изданий вынужден был закрыться, не выдержав тяжести долговых обязательств. Но коммерческая деятельность дореволюционной провинциальной печати мало изучена исследователями. Мы рассмотрим материальное положение газеты “Северный край”, основные статьи ее доходов, методы увеличения прибыли. Источниками по теме являются – бюджет издания на 1906 год, воспоминания сотрудников, эпистолярные источники, газетные статьи.

“Северный край” увидел свет 1 декабря 1898 года. Последний номер появился 16 декабря 1905 года: оппозиционный печатный орган был приостановлен за антиправительственную пропаганду. Основателем, издателем и редактором первой ярославской ежедневной газеты был Эдуард Германович Фальк, присяжный поверенный и владелец типографии. Газета обслуживала не только Ярославскую, но и Костромскую, Вологодскую, Архангельскую, Владимирскую губернии. Нерегулярно в ней выходили материалы из Тверской, Новгородской, Олонецкой и Вятской губерний. Тираж печатного органа достигал 8 тысяч экземпляров¹. Уже первые номера “Северного края” были высоко оценены коллегами. Так московский “Курьер” отнес газету к числу “лучших органов провинциальной печати, так небогатой хорошими изданиями”².

Первоначально все расходы по изданию газеты нес на своих плечах ее основатель Э.Г. Фальк. “Вместо того чтобы спокойно получать доходы от имущества и наживаться от адвокатской практики, он затеял газету, которая втягивала его в долги, отвлекала от адвокатуры”³. Как вспоминал сотрудничавший в ней Д.И. Шаховской: “материальные дела ... всегда были не блестяще, вернее сказать, они всегда были в таком критическом положении, что только энергия Эдуарда Германовича... спасала от крушения”⁴. За первые два года газета принесла долговых обязательств на 30000 рублей⁵.

После смерти в декабре 1902 года Э.Г. Фалька материальную сторону дела взяло на себя товарищество пайщиков. Большинство среди акционеров “Северного края” представляла местная интел-лигенция. Среди них, принимавшие активное участие в газете Д.И.Шаховской, В.М.Михеев, Н.П.Дружинин, С.А.Мусин-Пушкин, П.А.Критский, Н.В.Романов. В состав товарищества вошли местные врачи, инженеры, присяжные поверенные, предприниматели. Паи были двух видов: 1000 и 500 рублей. Первый могли уплатить лица, принимавшие участие в работе редакции⁶. Деньги вносились и в рассрочку, допускались задержки платежей пайщиками⁷. С изменением формы собственности положение органа печати упрочилось. Был составлен капитал на покрытие возможных в первые два года расходов⁸.

О финансовых затруднениях свидетельствует смета на 1906 г. Запланированная прибыль составляла 53168 рублей, расходы – 65310 рублей. В итоге – дефицит порядка 12000 рублей в год⁹. Первой в статьях доходов стояла подписка, приносившая 22000 рублей в год. 1000 экземпляров распространялось в Ярославле, а 2500 - в губерниях Севера и Верхнего Поволжья. Оставшиеся 4500 реализовывались в розницу через газетные киоски, книжные магазины, отделения “Северного края”, торговую сеть В.А.Грингута на железных дорогах.

Подписка с доставкой составляла на год - 8 рублей, на полгода – 5, на месяц – 1 рубль. Номер продавался за 5 копеек – цена большинства ежедневных газет. Самой дешевой газетой губернии тогда являлся “Ярославский вестник” - 4 рубля. Самым “недоступным” был “Вестник Рыбинской биржи” - 12 рублей. Если сравнивать с провинциальной прессой других регионов, то цена “Северного края” оказывается не так высока. Крупные ежедневные газеты дешевле 8 рублей обычно не стоили. Так подписная цена на “Донскую речь” (Ростов-на-Дону) составляла 8 рублей, на “Волжский вестник” (Казань), “Бессарабец” (Кишинев) - 9, “Одесские новости” (Одесса) - 10, “Приднепровский край” (Екатеринослав) – 12¹⁰.

Однако 8 рублей за газету мог позволить себе не каждый. На это указывали и сами подписчики: “Я, конечно, понимаю, что дешевле вы не можете дать ее, но это понимают не все и в глазах многих - это крупный недостаток”¹¹. Поэтому газета проводила гибкую ценовую политику. Для преподавателей народных училищ, студентов, сельских священников предусматривались скидки. Сумма могла быть внесена по частям. С 1901 года была снижена стоимость месячной подписки с 1 рубля до 75 копеек¹². Подписчики, оплатившие сразу 8 рублей в ноябре-декабре уходящего года, до января получали газету бесплатно¹³. А высылка 14 копеек марками позволяла получать ее в течение недели¹⁴. Таким образом “Северный край” стремился увеличить число своих читателей, расширить регион распространения, увеличить тираж и свое влияние.

Газета стремилась поднять доходы. Одной из таких мер было соглашение с комитетом выставки “Северного края”, проходившей в Ярославле в 1903 году. В итоге издание стало официальным органом мероприятия, имевшего большое число участников и широкий общественный резонанс в целом ряде губерний. В газете появился специальный отдел, в котором регулярно с 1 августа по 1 октября освещалась подготовка и проведение выставки. Все, интересующиеся экономической и культурной жизнью Севера, могли выписать издание на этот

период¹⁵. Для компенсации расходов на “Северный край” Э.Г. Фальк в 1899 году начал издание коммерческой газеты “Ярославский листок объявлений”¹⁶.

Помимо чисто коммерческих приемов использовались и литературные. Так весной 1905 г. редакция командировала в Рыбинск фельетониста Снегульского Н.А., писавшего под псевдонимом Саур. Целью поездки было написание им злободневных и острых материалов о местной жизни и, посредством этого, увеличение тиражей¹⁷. Значение талантливого журналиста для “Северного края” подчеркивал его коллега И.А. Волков: “Без фельетонов Снегульского слабо шла розница газеты”¹⁸.

Реклама приносила значительно меньше денег в бюджет ярославской газеты, чем это характерно для современных изданий. Поступления по этой статье доходов составляли всего 12000 рублей в год. “Северный край” - единственная газета Ярославля на тот период, в которой регулярно размещались крупные, в первую очередь, столичные рекламодатели. Это свидетельствует о высоком уровне издания и его респектабельности. Больше всего рекламы выходило в воскресных номерах. Рекламные объявления приятно поражают качеством печати, разнообразием изображений и шрифтов. Бросающееся в глаза отличие от современных газет – наличие информации о других органах печати. Так “Северный край” размещал свою рекламу в епархиальных ведомостях, а сам печатал объявления с предложениями о подписке многих провинциальных и столичных газет и журналов не консервативного направления.

“Северный край” в отличие от современных и многих газет того времени, большую часть своего существования был убыточным предприятием. Он не окупал себя ни при Э.Г.Фальке, ни позднее, хотя убытки и сократились. Но создавался печатный орган в первую очередь, чтобы проводить в сознание общества определенные ценности и идеи. Как вспоминал сам Э.Г.Фальк: “Весь край был немой, без языка”, пока не появился “Северный край”. Но стоило ему начать свое дело, как “люди нашлись, закопошились, зашевелились”¹⁹. И значение газеты именно как общественной трибуны местных оппозиционных сил нельзя недооценивать и сравнивать с материальными затратами.

Примечания

1. Государственный архив Ярославской области. (ГАЯО). Ф. 582. Оп. 1. Д. 177. Л. 17.
2. Курьер. 1898. 13 декабря.
3. Тыркова-Вильямс А.В. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 273.
4. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1691. Оп. 1. Д. 628. Л. 1.
5. Там же.
6. ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 177. Л. 17.
7. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. (РНБ ОР). Ф. 266. Оп. 1. Д. 54. Л. 1.
8. РГАЛИ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.
9. ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 177. Л. 17.
10. См.: Календарь для деятелей и любителей литературы. На 1901 год / Сост. И.Г.Советов. Ч. 1. М., 1901.
11. Северный край. 1901. 14 августа.
12. Ярославские епархиальные ведомости. 1900. 17 декабря.
13. См.: Северный край. 1902, 1903. ноябрь-декабрь.
14. Северный край. 1899. 28 ноября.
15. Северный край. 1903. 20 июля.
16. Северный край. 1899. 31 января.
17. РНБ ОР. Ф. 266. Оп. 1. Д. 495. Л. 1 об.
18. Волков И.А. 20 лет по газетному морю. Из воспоминаний газетного работника. Иваново-Вознесенск, 1925. С. 17.
19. Цит. по: Северный край. 1993. 4 декабря.

Давыдова Н.А.
г. Рыбинск

О СОСТОЯНИИ ЦЕРКОВНО-ПЕВЧЕСКОГО ДЕЛА В РОССИИ В ПЕРИОД С 80-Х ГГ. XIX В. ДО 1916 ГОДА

Одной из насущных проблем современной церковной практики является состояние церковного пения. Недовольство ревнителей Православия вызывает качество церковных хоров, репертуар, профессионализм регентов, манера пения в храме. Весьма примечательно, что подобные же вопросы волновали современников и более ста лет назад.

Богослужбное пение в России имеет более чем тысячелетнюю историю, в течение которой оно преодолело ряд глубоких кризисов. Первый и самый болезненный произошел в середине XVII века, когда под влиянием западноевропейской музыкальной культуры коренным образом изменился весь смысловой строй православного пения, началось его постепенное “обмирщение”, приведшее к искажению православной певческой традиции. Другим столь же серьезным переломом в развитии церковно-певческого искусства в России, по нашему мнению, можно считать кризис, который ясно обозначился в последней четверти XIX века. Современники в этот период говорили об упадке церковного пения в России. Сегодня можно утверждать, что за упадок искусства принимался кризис стиля. Монополия Придворной певческой капеллы на распространение новой духовной музыки заслонила собою развитие возможного нового стиля. К 1878 г. в церквях России было официально разрешено исполнять музыку лишь восьми авторов: Бортнянского, Березовского, Львова, Турчанинова, Бахметева, Грибовича,

Воротникова, Макарова. В то же время в 70-80-е гг. к сочинению духовной музыки обращались Н.А.Римский-Корсаков, М.А.Балакирев и П.И.Чайковский. С этого момента в развитии русской церковной музыки начинается новая эпоха, эпоха поисков национального русского стиля, в основу которого вновь полагаются древние обиходные напевы, преобразованные новым гармоническим стилем музыки.

Интерес к проблемам церковного пения в обществе был необычайно высок. Его проявляют и знатоки церковного пения, и историки культуры, и теоретики музыки, и любители из числа священнослужителей, и светские композиторы, и церковные регенты, и Священный Синод как представитель государственной власти. Как отмечал современник, “движение растет вширь и вглубь”: в епархиях увеличивается число церковных хоров; появляются новые типы хоров - школьные и сельские; возобновляется практика исполнения произведений, написанных для церкви, в концертах духовной музыки; в Москве, Санкт-Петербурге, крупных областных центрах открываются школы псаломщиков, регентские училища, регентские курсы и курсы учителей пения церковно-приходских школ, разрабатываются новые программы для специальных учебных заведений по истории, теории и практике церковного пения; издается новая учебная литература и современная церковно-певческая литература, пропагандируется искусство композиторов так называемого “нового направления”. Проблемы церковного пения в России широко обсуждаются на страницах центральной и провинциальной периодической печати.

Ярославская епархия занимала в процессе обновления церковно-певческого дела самую деятельную, активную позицию – как благодаря вниманию к этой проблеме духовных и светских властей, так и благодаря подвижнической, высокопрофессиональной деятельности регентов, псаломщиков, церковных композиторов: Н.Всеславинского, Н.Розова, В.Зиновьева, В.Воскресенского.

Большое внимание среди обсуждаемых проблем уделялось причинам, по которым современная практика церковного пения находится в состоянии упадка. Среди важнейших современниками назывались, прежде всего, незаинтересованность со стороны духовенства и плохо поставленное обучение церковному пению. Духовенство в большинстве случаев равнодушно относилось к проблемам церковного пения, полагая его роль второстепенной и маловажной в богослужении, и этим определялось правовое и материальное положение регента и певчих¹. Наилучшим образом церковное пение было поставлено в тех городах и храмах, где местное духовенство проявляло заинтересованность и внимание к церковно-певческому делу².

С другой стороны, низкий уровень церковных хоров объяснялся отсутствием у регента необходимой музыкальной подготовки. Специальное музыкальное образование регента – большая редкость; чаще всего, особенно в сельской местности, регентом являлось случайное лицо из числа прихожан, часто не имевшее элементарного музыкального образования³. В свою очередь, недостаток профессиональных регентов объяснялся постановкой обучения церковному пению в России вообще.

В целях изменения существующего положения вещей в Москве были созваны Первый и Второй Всероссийские регентские съезды. Одним из главных вопросов Второго съезда было обсуждение проблемы постановки преподавания пения в духовных семинариях, училищах и епархиальных женских училищах. Специальная комиссия разработала новые программы для всех классов с указанием пособий и учебников для преподавателей пения и составила объяснительные записки к программам. Кроме того, съезд разработал ходатайство о защите интересов школьно-хорового дела для представления на рассмотрение в Государственную думу⁴. В 1891 г., а затем в 1901 г., в Ярославле были открыты курсы пения для учителей церковно-приходских школ, целью которых было ознакомление учителей с древним церковным пением, лучшими способами и приемами обучения пению и с организацией хоров из учащихся⁵. В качестве методической помощи учителям пения церковно-приходских школ и церковным регентам в периодической печати публиковались методические записки. В них содержались рекомендации к разучиванию песнопений, ведению спевков и богослужений, к формированию репертуара⁶.

Одной из весьма значимых являлась проблема определения критериев “церковности” музыкальных сочинений и вопрос о том, что считать истинно русским стилем в церковно-певческом искусстве. Вопрос о “церковности” духовно-музыкальных сочинений связан с творчеством композиторов “нового направления” (А.Д.Кастальского, А.Т.Гречанинова, П.Г.Чеснокова, В.С.Калиникова, С.В.Рахманинова), произведения которых вызывали самые разноречивые отзывы со стороны представителей духовенства, церковных композиторов, музыкальных критиков, теоретиков и историков музыки. С одной стороны, произведения композиторов этого направления обвиняли в “нецерковности” то в силу излишней эмоциональности, то в силу использования не принятых в церковной музыке гармонических, фактурных средств и хоровых приемов, то в силу того, что эта музыка не похожа на то, что обычно привыкли слышать в храме. С другой стороны, находилось немало сторонников “нового направления”, как среди профессиональных музыкантов – композиторов и теоретиков церковного искусства, так и в среде священнослужителей, говоривших о возрождении традиций исконно русского церковного пения в творчестве композиторов “нового направления”. Однако спор этот был до некоторой степени отвлеченным в силу непроясненности термина “церковность” в отношении духовно-музыкальных сочинений.

Исходной точкой в определении понятия “церковности” обозначалось соответствие музыкального содержания песнопения содержанию литургического текста. Что касалось определения круга музыкально-выразительных средств, здесь единого мнения не было. Одна точка зрения указывала на то, что признаком “церковности” и соответствия православной русской традиции пения следует считать песнопения, где сохранен древний напев, закрепленный в Октоихе И.Дамаскина, не искаженный средствами гармонической обработки⁷. Другая точка зрения указывала на то, что одного древнего напева недостаточно, да и сами напевы – лишь “продукт известного времени”, они постоянно изменялись и установить их подлинность не представляется возможным, главное же для церковного песнопения – мелодии в “народном духе”, близкие и знакомые слуху простого человека, и самая

простая и ясная гармония⁸. Иные критерии “церковности” выдвигают теоретики “нового направления”, в частности, А.В.Никольский⁹:

- во-первых, он говорит о том, что “церковна” лишь та музыка, употребление которой естественно только в церкви;

- во-вторых, существенным признаком “церковности” являются черты древних церковных напевов и особый “дух церковности”. Объективно эти требования должны проявляться в особенностях ладогармонического языка:

а) отсутствие ясно-выраженного мажоро-минорного наклонения;

б) “ладовый” склад гармонии, определяемый специфическими оборотами мелодии, а не правилами классической западноевропейской гармонии.

Автор формулирует основные черты “нового направления”: мелодия древнего распева свободно перемещается из одного голоса в другой; тональность “свободно модулирует в другие строи”; стиль хорового письма свободный. Главное условие “церковности” в том, чтобы мелодия распева была проведена везде ярко и рельефно, а характер сопровождения неизменно определялся характером основной темы. Роскошество и пышность таких обработок говорит в данном случае не о нарушении “церковности”, а о скрытой глубине и силе выражения древних распевов, о раскрытии заключенных в них потенциальной мощи и глубине религиозного чувства.

С 80-х гг. XIX в. возобновилась практика исполнения произведений, употребляемых при богослужении, в концертах духовной музыки вне церкви. Такие концерты проводятся в столицах и других крупных городах: Москве, Петербурге, Ярославле, Пензе, Тамбове, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Перми, Тифлисе.

Итак, с одной стороны, со второй половины XIX в. в состоянии церковно-певческого дела в России обнаруживается очередной глубокий кризис, корни которого уходят в период середины XVII вв., когда произошел во многом силой навязанный слом естественного исторического развития русского церковного пения. С другой стороны можно говорить о начале возрождения церковного пения в России на основе возвращения к древним традициям, обновленным средствами современного искусства.

Примечания

1. Регенты и певчие не имели трудовой книжки, регент не являлся членом причта, то есть не входил в штат основных сотрудников в отличие, например, от чтеца, псаломщика, сторожа, церковного старосты. Нередко приемом регента на работу занимался церковный староста, а не настоятель храма. Зарплата регента и певчих была крайне низкая, поэтому певчие без конца увольнялись и нанимались, регенты менялись слишком часто, на клиросе зачастую оказывались случайные люди, не сумевшие найти лучшее место. Этим объяснялись проблемы дисциплины на клиросе: во время богослужения певчие отвлекались, разговаривали, смеялись, выходили во время чтения.
2. Известно, что одним из таких городов был Ярославль. Архиепископ Ярославский и Ростовский Иоанн и ярославский губернатор генерал-майор А.Я.Фриде были любителями и почитателями церковного пения, всячески способствовали благоустройству певческого дела. В 1891 г. по распоряжению архиепископа были открыты летние курсы церковного пения. В Ярославле был прекрасно организованный архиерейский хор, его регентами были хорошо образованные музыканты, знатоки своего дела, священники Н.Розов, В.Зиновьев. Хор регулярно выступал с концертами духовной музыки.
3. Нередко песнопения пелись не в той тональности, без ключевых знаков, регент-самоучка по своему усмотрению делал поправки в нотах, в результате напевы искажались, порой до неузнаваемости. В репертуаре царил полный “произвол”, лишь бы нравилось публике – преклонение перед обиходом Бахметева, иногда с полным игнорированием местного осмогласия, произведения Веделя, Сарти, Галуппи, Бортнянского; произведения “нового направления” не понятны такому регенту.
4. По новому проекту, разработанному учебным комитетом при Священном Синоде, оклад учителя пения предполагалось сравнивать с окладами преподавателей других предметов. Это имело целью привлечение опытных преподавателей пения, прошедших курс консерватории или специальных учебных заведений, что, в свою очередь весьма благоприятно должно было сказаться на совершенствовании церковного пения, так как позволило бы готовить хороших специалистов в этой области.
5. Курсы проходили с 1 июля по 15 августа 1891 года. Они получили “блестящую оценку” и были поставлены в пример другим епархиям, отчет о курсах публиковался в Ярославских епархиальных ведомостях и в Церковных ведомостях. В программу входили теория церковного пения, элементарная теория музыки, сольфеджио, практическое изучение церковного пения, унисонное пение и анализ гласов, методика преподавания пения, церковный устав, полифоническое пение, игра на скрипке. Известно, что курсы посетили высокопоставленные гости из Москвы: управляющий канцелярией Священного Синода В.К.Саблер, управляющий Московской Синодальной канторой А.Н.Шишков, тайный советник, сенатор В.П.Мордвинов.
6. См.: Всеславинский Н.В. Первые шаги обучения простому церковному пению в начальных школах // Ярославские епархиальные ведомости, 1916, ч.н., № 21; Методические заметки // Хоровое и регентское дело, 1909.
7. См.: Зиновьев В. Об улучшении церковного пения // Ярославские епархиальные ведомости. 1902, ч.н. С. 253.
8. См.: Архангельский А.О церковности духовно-музыкальных сочинений // Ярославские епархиальные ведомости. 1909, ч.н. С. 1015.
9. См.: Никольский А.В. О церковности духовной музыки // Хоровое и регентское дело. 1909. С. 74.

Алексеева А.В.
г.Рыбинск

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ РЫБИНСКОЙ УЕЗДНОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВЫ
(1865-1917 ГГ.)**

Декабрь 1991 г. стал переломным в истории нашего государства, положив конец советской власти и дав начало формированию демократического гражданского общества. Требования нового дня остро поставили проблему местного самоуправления в России. Поэтому история и теория земства в настоящее время приобрели особую актуальность.

Согласно закону 1864 г. система земских учреждений была следующей. Все земства делились на уездные и губернские. Причем губернские земства формировались из членов уездных земств. Уездными земскими органами были земские собрания и земские управы. Первые – принимали решения, вторые – их исполняли. Земские собрания собирались ежегодно на сессии (не реже одного раза в год). На первом заседании земских собраний избирался личный состав управ. Во главе земской управы стоял председатель.

В Рыбинском филиале ГАЯО находятся на хранении формулярные списки председателей уездной земской управы, из которых мы можем узнать об их имущественном, образовательном и профессиональном облике.

С 1865 по 1917 год Рыбинскую уездную земскую управу возглавляло пять председателей. Первым председателем Рыбинской уездной земской управы был действительный статский советник Александр Сергеевич Хомутов (1828-1890 гг.). Он родился в 1828 г. в городе Вильно в семье потомственных дворян. В 1847 г. А.С.Хомутов окончил курс наук в Ярославском Демидовском Лицее со степенью действительного студента. После окончания учебы Александр Сергеевич поступил на службу в канцелярию Ярославского губернатора чиновником. 1 ноября 1847 г. он был определен младшим чиновником особых поручений при начальнике Ярославской губернии, а 19 декабря 1849 г. назначен на должность старшего чиновника. В 1851 г. А.С.Хомутов был причислен к Министерству Внутренних Дел и командирован в Ярославскую губернию по делам особой важности в составе следственной комиссии. Журналом МВД от 3 июня 1853 г. он был определен чиновником особых поручений XIII класса при Министре. Надо отметить тот факт, что все поручения были исполнены им "усердно и хорошо". В 1855 г. А.С.Хомутов был назначен чиновником особых поручений в статистический комитет МВД.

Высочайшим приказом от 28 августа 1855 г. А.С. Хомутов в качестве подпоручика был причислен в дружину № 130 Ярославского ополчения, позднее переведен в дружину № 133 того же ополчения, а затем прикомандирован в дружину № 136. В знак памяти о службе А.С.Хомутову было разрешено носить на груди без ленты крест ополчения. За отлично усердную и ревностную службу в Государственном ополчении он был пожалован кавалером ордена Св. Станислава 3 степени.

После службы в ополчении Александр Сергеевич был зачислен сверхштатным чиновником при канцелярии начальника Ярославской губернии. В 1858 г. он был избран членом губернского комитета для устройства и улучшения быта помещичьих крестьян. С 6 марта 1861 г. А.С.Хомутов был назначен на должность члена Ярославского Губернского по крестьянским делам присутствия. В этом же году был награжден серебряной медалью, учрежденной за труды по освобождению крестьян для ношения, в петлице на Александровской ленте. Высочайшим именованным указом, в память успешного введения в действие положения 19 февраля 1861 г., Александр Сергеевич был пожалован особым знаком отличия для ношения на левой стороне груди.

26 мая 1865 г. А.С.Хомутов был избран Рыбинским уездным земским собранием председателем местной управы. Надо отметить, что Хомутовы были крупными землевладельцами: только в Рыбинском уезде они имели более 900 дес. земли. Этот немаловажный факт позволил ему быть избранным и утвержденным начальником Ярославской губернии в должности председателя Рыбинской уездной земской управы. Одновременно А.С.Хомутов был избран в почетные мировые судьи по Рыбинскому округу, а также исполнял обязанности гласного Рыбинского земского собрания. Александр Сергеевич знал нужды народного образования и, как мог, помогал. Неоднократно он избирался членом Рыбинского училищного совета, комитета по заведению мореходного класса, совета реального училища при Евангелической Лютеранской церкви. 15 октября 1868 г. А.С.Хомутов прекратил исполнять обязанности председателя Рыбинской уездной земской управы.

Следующим председателем земской управы стал князь Александр Николаевич Ухтомский (1829-1891). Он родился 11 июля 1829 г. Образование получил в морском кадетском корпусе, окончил курс мичманом. Служил на флоте командиром военных судов. За время своей службы на Волге и Каспийском море он был награжден орденом Св. Анны 3 степени, персидским орденом Льва и Солнца 2 степени. 16 сентября 1861 г. Александр Николаевич вышел в отставку с чином капитан-лейтенанта и мундиром.

В Рыбинском уезде князь А.Н.Ухтомский имел 508 десятин земли, доставшихся ему от родителей, с усадьбой Липовка и деревянный дом в Рыбинске за р.Черемхой. Этот имущественный ценз дал ему право участвовать в выборах в земское собрание и быть избранным.

С этого времени князь А.Н.Ухтомский начинает вести активную общественную деятельность. В 1868 г. он был избран председателем Рыбинской уездной земской управы. В то же время Александр Николаевич был выбран гласным Ярославского губернского земства, Рыбинской Городской Думы, непременным членом Рыбинского съезда мировых судей. С 11 июня 1874 г. он уже был избран Рыбинским уездным предводителем дворянства и находился на этой должности до конца своей жизни. За время своей общественной деятельности А.Н.Ухтомский стал полным кавалером ордена Св. Станислава, кавалером орденов Св. Анны 2 степени и Св. Владимира 3 степени, действительным статским советником. А также он был награжден медалью в память войны 1853-1856 гг. и знаком отличия за введение положения 19 февраля 1861 г. А.Н.Ухтомский умер 24 мая 1891 г.

Чрезвычайным Рыбинским уездным земским собранием 25 мая 1891 г. председателем управы был избран Александр Петрович Кожевников (1845-1909 гг.) и исполнял эту должность до 11 февраля 1893 г. Он был избран неслучайно. Его деятельность была охарактеризована следующими словами: "...В последние годы, 8 лет, ближайшим сотрудником покойного князя был член управы А.П.Кожевников и с глубокою преданностью земскому делу вполне добросовестно исполнял все возлагавшиеся на него обязанности... А.П.Кожевников неоднократно

подчинялся вполне заслуженным просьбам земского собрания и покойного князя продолжать земскую службу, все мы видели в г. Кожевникове честного и добросовестного слугу земскому делу”.

Александр Петрович Кожевников родился 10 августа 1845 г. в д. Фоминской Ивановской волости Рыбинского уезда в крестьянской семье. Воспитание получил домашнее. Пользуясь авторитетом среди крестьян, он был избран сельским сходом старостой Макаровского сельского общества. В 1883 г. от первого сельского избирательного съезда по Рыбинскому уезду А.П.Кожевников был избран в гласные Рыбинского уездного земского собрания. С этого времени его судьба была неразрывно связана с Рыбинским уездным земством. Неоднократно он избирался гласным уездного земского собрания. Одновременно А.П. Кожевников находился на должности члена Рыбинской уездной управы. Как человек умный и порядочный, он пользовался доверием среди земцев, поэтому и был назначен 25 мая 1891 г. председателем Рыбинской уездной земской управы.

Известно, что с 1887 по 1901 г. А.П. Кожевников избирался в гласные Рыбинской Городской Думы, а 25 января 1907 г. его избрали депутатом Государственной Думы России.

А.П.Кожевников умер 3 мая 1909 г. Двадцать пять лет он служил верой и правдой Рыбинскому уездному земству и внес важный вклад в земское дело. Следует отметить, что он являлся также попечителем Александровского начального училища. Его заветной мечтой было возможное обеспечение сирот и престарелых земских служащих. По духовному завещанию он пожертвовал Рыбинскому земству часть своего капитала на благотворительные цели. А также он завещал 20 тыс. рублей на постройку храма. Церковь был выстроена в селе Макарово (строилась с 1913 по 1919 гг). Теперь нам известна как церковь Св. Александра Невского в деревне Макарово.

11 февраля 1893 г. на должность председателя Рыбинской уездной земской управы был назначен потомственный дворянин Лидор Николаевич Хлебников (1842-1907 гг.). Воспитывался он в первой Московской губернской гимназии, не окончив полного курса, выбыл в 1859 г. из 5 класса. В службу вступил 29 апреля 1859 г. в канцелярию Серпуховского предводителя Дворянства служителем. 22 мая 1867 г., согласно прошения, Л.Н.Хлебников был уволен от службы по домашним обстоятельствам.

С 1883 г. он начинает активную общественную работу. Имея 1032 десятины земли в Рыбинском уезде, в 1883 г. он избирается в гласные Рыбинского уездного и Ярославского губернского земства, а также членом Рыбинской уездной земской управы. В 1885 г. Л.Н.Хлебников отказывается от должности члена управы. На очередном дворянском собрании 1884 г. он избирается от Рыбинского уезда депутатом в Ярославское дворянское депутатское собрание. С 22 мая по 2 октября 1885 г. Л.Н.Хлебников находился на должности постоянного члена Рыбинского уездного по крестьянским делам присутствия. В 1891 г. исправлял должность Рыбинского уездного предводителя дворянства. 12 марта 1893 г. он вступил в должность председателя Рыбинской уездной земской управы и состоял в ней до 1 февраля 1896 г. 2 марта 1896 г. он был утвержден в должность Рыбинского уездного предводителя дворянства и исполнял ее до конца жизни. Он умер 10 сентября 1907 г. За время своей общественной деятельности статский советник Л.Н.Хлебников был награжден орденом Св. Владимира 4 степени.

Последним председателем Рыбинской уездной земской управы был Иван Иванович Лютер. Известно, что он родился 5 февраля 1860 г. в дворянской семье. Воспитывался в Николаевском кавалерийском училище, куда поступил 31 августа 1879 г. юнкером рядового звания. В 1880 г. он получил звание унтер-офицера, два года спустя – прапорщика Лейб-гвардии конно-гренадерского полка (1881 г.). Отслужив положенный срок, в 1894 г. был уволен с военной службы ротмистром. Уже 5 ноября 1894 г. Рыбинским уездным земским собранием И.И.Лютер избран в губернские земские гласные, а в мае 1895 г. – в уездные. 6 ноября 1895 г. И.И. Лютер был избран, а 13 января 1896 г. утвержден Ярославским губернатором в должности председателя Рыбинской уездной земской управы.

Общественная деятельность И.И.Лютера была широкой и разнообразной. В 1897 г. Министром финансов Лютер был утвержден в должности члена учетного комитета по сельскохозяйственным операциям при Рыбинском отделении Государственного банка. В 1901 г. он снова был утвержден в должности члена учетно-ссудного комитета по сельскохозяйственным кредитам (работал до 1905 г.). Участвовал в первой всеобщей переписи населения 1897 г. в качестве члена Рыбинской уездной переписной комиссии. В 1898 г. Рыбинской Городской Думой был избран в члены попечительского совета Рыбинской Мариинской женской гимназии (работал до 1903 г.). В 1899 г. он был избран заместителем председателя Рыбинского уездного попечительства детского приюта Баскаковой и Тюменева. В 1899 г. Рыбинским уездным земским собранием И.И.Лютер избран на должность почетного мирового судьи по Рыбинскому уезду. В 1905 г. он был утвержден в должности помощника Рыбинского уездного предводителя дворянства – Л.Н.Хлебникова. В 1907 г., после смерти Л.Н.Хлебникова, вступил в должность Рыбинского уездного предводителя дворянства. За свою деятельность имел следующие знаки отличия: орден Св. Станислава 3 степени, Св. Анны 3 степени, два ордена Св. Станислава 2 степени, два ордена Св. Анны 2 степени, также медалями: серебряной в память царствования императора Александра III, темно-бронзовой за труды по первой всеобщей переписи населения 1897 года, коронационной медалью на Андреевской ленте, медалью за участие в деятельности Российского Общества Красного Креста во время русско-японской войны. И.И.Лютер был награжден знаком отличия в память столетнего юбилея учреждений Императрицы Марии Федоровны, а также знаком в память 250-летия конно-гренадерского полка. Он имел право носить золоченый знак, установленный Высочайшим повелением 14 августа 1894 г. и 8 февраля 1899 г. для лиц, служащих по детским приютам ведомства учреждений Императрицы Марии Федоровны. И.И.Лютер был женат на дворянке Софье Александровне, бывшей Хомутовой. Он имел родовое имение в Рыбинском уезде.

Таким образом, председатели Рыбинской уездной земской управы были, в основном, высокообразованными, состоятельными людьми, профессионалами своего дела. Это были люди с открытой душой, добрым сердцем. Много полезного они сделали для Рыбинского уезда.

Шустрова И.Ю., канд. ист. наук
г. Ярославль

“ЗА БЕЗДОКАЗАТЕЛЬНОСТЬЮ ЖАЛОБУ ОСТАВИТЬ БЕЗ ПОСЛЕДСТВИЙ”: МАТЕРИАЛЫ ВОЛОСТНЫХ СУДОВ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СЕМЬИ И СЕМЕЙНОГО БЫТА

Изучение обычного права народов России началось в пореформенный период. Первым этапом исследования стала разработка программ, согласно которым был осуществлен сбор материалов¹. Отечественные юристы обращались к сопоставлению функционирования законов и принятых в традиционном обществе правовых норм². Этнографы всесторонне проанализировали место обычая в регулировании взаимоотношений в крестьянской общине³. Историки, ориентированные на новые подходы к исследованиям, отметили оправданность включения материалов судебных органов в поле зрения исторической антропологии⁴. Вместе с тем, вплоть до настоящего времени, значительная часть материалов, отложившихся в архивах различных регионов России, в должном объеме не введена в научный оборот. Далеко не случайно в отечественной науке в последнее десятилетие обозначилось такое исследовательское направление как юридическая этнология⁵. Наблюдение Е.И. Якушкина о том, что приговоры волостных судов представляют “превосходный и богатый материал для изучения обычного права”⁶ сохраняет свое значение. Названные источники дают возможность составить представление о событиях, происходивших в повседневной жизни конкретных поселений, проанализировать функционирование сельского социума, то есть обратиться “к малым жизненным мирам, серым зонам и нишам повседневности”⁷.

В настоящем сообщении, которое отнюдь не исчерпывает многообразия и многоаспектности темы, а лишь призвано наметить одно из возможных направлений для исследования процессов, происходивших на локальном уровне, речь пойдет о возможности использования документов волостных судов для исследования семьи и семейного быта у русских Верхнего Поволжья. Предметом рассмотрения стали дела, отложившиеся в результате деятельности волостного суда Хмелевской волости Пошехонского уезда в 60-80-х годах XIX века⁸. Выбор объекта исследования обусловлен необходимостью введения в научный оборот круга источников, пригодных для изучения конкретного прихода, демографическое развитие которого изучается в рамках проекта “Интегральная история на локальном уровне”⁹.

Известно, что волостной суд – это выборный, низший сословный крестьянский суд в дореволюционной России, обособленный от системы общих судов. В его состав входили председатель и трое судей, которые рассматривали наиболее распространенные в жизни крестьян мелкие гражданские и уголовные дела. Учрежденные в 1861 г. волостные суды были упразднены в 1917 г. В 1889 г. были утверждены “Временные правила о волостном суде”. Обратимся к рассмотрению материалов конкретных дел.

Часть вопросов, которые рассматривались волостными судами, касалась взаимоотношений супругов. 25 февраля 1862 г. в суд поступило прошение проживавшего в с. Ильинское крестьянина Леонтия Моисеева, который жаловался на “крестьянских детей” д. Хвоцевик Дениса Васильева и Кузьму Егорова, приходивших в неподходящее время, т.е. ночью, “неизвестно зачем к дому”. Во время суда сельский староста Михаил Григорьев “объявил”, что жена крестьянина Моисеева Катерина Кузьмина “прежде сего имела любовную связь с Денисом Васильевым, как она сама созналась”. Екатерина Кузьмина за этот проступок должна была выполнять “общественные низкие работы”, т.е. мести улицы в течение двух дней. Вина Дениса Васильева требовала наказания розгами. И он был приговорен к наказанию пятнадцатью ударами. Кузьма Егоров был “подвергнут” аресту при волостном правлении сроком на два дня¹⁰.

В октябре 1862 г. крестьянином с. Ильинское Григорием Макаровым была подана жалоба на сноху Марину Васильеву. Вина последней, по словам истца, состояла “в самовольном отходе от мужа своего и из дому по неизвестной причине”. Сама Марина Васильева, проживавшая у своего дяди Василия Абрамова “без надлежащего позволения мужа”, созналась, что “тихим образом из дома своего свекра и мужа выкрала четыре полотна и передала своим брату и сестре”. Волостной суд приговорил ответчицу к наказанию розгами. Она должна была возратить полотна и вернуться к мужу. Вскоре Григорий Макаров обратился в суд вновь со словесной жалобой, поскольку пришедшая в дом сноха обругала его. Новое рассмотрение дела показало, что сын и сноха разошлись “по добровольному согласию”. Решение волостного суда наказать Марину Васильеву двадцатью ударами розог осталось в силе¹¹.

18 мая 1863 г. рассматривалась жалоба крестьянина д. Корниговцево Ивана Трифонова на жену Василису Яковлеву. По утверждению истца, с женой на протяжении семи лет они жили “в хорошем согласии”, теперь же “неизвестно по каким причинам” жена с ним жить не хочет. Несмотря на то, что Василиса Яковлева утверждала, будто муж ее бьет, волостной суд приговорил ее к наказанию двадцатью ударами розог “за неповиновение мужу”, приказав, чтобы она “непременно шла в дом к своему мужу жить”¹².

28 мая 1885 г. поступила жалоба от крестьянина д. Подвзяной Осипа Андреева, который находился с октября 1884 г. “в посторонних заработках”. В отсутствие Осипа Андреева умерла его жена Марфа Савельева. Ведением хозяйства занималась сестра умершей жены, свояченица истца, крестьянка д. Малафеево Ненила Савельева. Вернувшись домой, Осип Андреев “заметил похищенными разного рода вещи”, в пропаже которых считал виновной свояченицу. Последняя показала, что никаких вещей не брала. Поскольку ни у истца, ни у ответчицы не оказалось свидетелей, волостной суд принял решение “в жалобе просителю отказать”¹³.

Часть дел содержит сведения об имущественных отношениях в крестьянских семьях. Так, 8 июля 1886 г. волостной суд рассматривал конфликт крестьянской вдовы Анны Ивановой, проживавшей в д. Музга, и ее сына

Глеба Спиридонова. Вдова жаловалась, что ответчик «постоянно притесняет ее и оскорбляет ее разными скверно матерными словами <...> отобрал от нее корову и амбар, почему она и просит привлечь его к ответственности по закону». Рассмотрев обстоятельства дела, суд принял решение оставить без последствий жалобу просительницы относительно отобранного имущества. Это было вызвано тем, что раздел имущества был совершен по приговору сельского схода государственных крестьян Музгинского общества. За неуважение к матери Глеб Спиридонов был приговорен к аресту при волостном правлении сроком на один день¹⁴. Желанного мира в семье после такого решения не наступило, поскольку Анна Иванова продолжала жаловаться на сына и в следующем 1887 году¹⁵.

В 1886 г. рассматривался еще один семейный конфликт. В суд поступила жалоба крестьян д. Гаврилково Кондратия Потапова и его жены Елизаветы Семеновы. Обидчиком в данном случае выступал родной сын истцов, который «самовольно завладел имуществом: овином, амбаром и двадцатью яблонями и не допускает ни к чему...». Родители свидетельствовали о том, что сын постоянно их «оскорбляет разными скверно матерными словами и угрожает действием». Выяснение обстоятельств дела позволило установить, что 27 июля текущего года сельский сход принял решение о добровольном разделе имущества в данной семье. Тимофей Кондратьев «вышепоказанное спорное имение» получил в соответствии с решением схода. Постановление суда гласило: «за бездоказательностью жалобы просителей оставить без последствий»¹⁶.

Дела, касающиеся раздела имущества, занимают не последнее место в деятельности волостных судов далеко неслучайно. По официальным данным, по Ярославской губернии с 1874 по 1883 год было осуществлено 18897 разделов, из них 12244 у бывших помещичьих крестьян и 6653 у бывших государственных. «Ненормальное стремление» в крестьянской среде к образованию новых хозяйств обратило на себя внимание правительства. 18 марта 1886 года были приняты Правила, на основании которых «вменено сходам в обязанность обсуждать при разрешении разделов, податную состоятельность ищущих разделов семейств и достаточность имеющих принадлежать вновь образующимся семействам усадебных участков»¹⁷.

В 1889 г. современник писал: «...в настоящее время крестьянское семейство обыкновенно состоит, за редкими исключениями, лишь только из мужа и жены, а также несовершеннолетних детей их, если они есть»¹⁸. Тенденция перехода к простой (нуклеарной) семье в пореформенной России была заметна во многих губерниях страны. Экономические основы деятельности такой семьи были качественно иными: «...семейство до раздела состояло из четырех женатых братьев с их женами, детьми и стариками-родителями. Имущество этой семьи заключалось: 1) в постройках: доме...дворе, небольшом саде, огороде, амбаре, сарае, погребе, овине, риге, бане и картофельной терочной; 2) в сельскохозяйственных орудиях: молотилке, двух железных плугах, из которых один однолемешный, а другой трехлемешный; трех сохах, веялке, нескольких боронах, косах, серпах, вилах, граблях, пилах, топорах, молотках; 3) в самоваре, сбруе, трех телегах, трех дровнях, санях; 4) в скоте: трех лошадей, двухлетнем жеребенке, трех коровах, телке, баране, двадцати овцах; 5) в домашней птице: сорока курах, двенадцати гусях; наконец, 6) в сене. Соломе, одежде, посуде, дровах, посеянном хлебе, в зерне и муке, льне, картофеле, капусте, луке, пшене, крупе и в разном другом движимом имуществе...»¹⁹.

Заметное место среди прочих, рассматривавшихся волостным судом, занимают дела, связанные с порядком наследования. Прощение крестьянской вдовы д. Чечино Екатерины Ивановой Лебедевой, проживавшей вместе с детьми в Санкт-Петербурге, было подано в Хмелевской волостной суд в 1883 году. После смерти мужа Арсения Лебедева, по свидетельству истицы, в д. Чечино остался деревянный дом с овином и гумном, которые истица хотела продать «по вольной цене»²⁰. В волостной суд был подан встречный иск крестьянской вдовы д. Чечино свекрови Екатерине Лебедевой Марины Тимофеевой. Марина Тимофеева свидетельствовала, что оставшегося двухлетним после смерти мужа пасынка Арсения Никифорова, она воспитывала до двенадцати лет «в старом ветхом доме». Потом мальчика взяли в дворовые, затем он проживал в Санкт-Петербурге, где занимался «коммерческим оборотом». На протяжении тридцати лет пасынок не оказывал ей финансовой поддержки, дом, на который претендовала вдова пасынка, Марина Тимофеева выстроила «трусами своими». Поэтому участники сельского схода 1 сентября 1882 г. «единогласно приговорили» считать требования Екатерины Лебедевой необоснованными²¹.

В 1882 г. предметом разбирательства волостного суда стало прошение крестьянки д. Хмелевое Анны Ивановой и ее детей Семена, Сидора, Авдотьи и Анисьи Дмитриевых. Муж Анны Ивановой Дмитрий Моисеев умер в июне 1882 г., «приказав имущество» сыну Никите. В духовном завещании не были упомянуты «хлеб и корм». Намолоченный хлеб Анна Иванова положила в амбар Никиты, а сено хранила «в особом сарае». Весь хлеб, стоимость которого составила, согласно прошению, 220 руб. 20 коп., Никита Дмитриев присвоил себе «и корм увез». В прошении подробно расписаны потери: «ржи нажато 60 суслонов <...>, пшеницы 70 груд<...>, овса 110 груд <...>, ячменя 18 груд <...>, сена 5 возов <...>, соломы яровой четыре овина <...>, пшеничной соломы два овина <...>, ржаной соломы три овина <...> и мякны со всего хлеба». Дело закончилось «полюбовным разделом»²². Аналогичные дела, связанные с имущественными спорами, становились предметом разбирательства в волостном суде достаточно часто²³.

Анализируя порядок наследования в крестьянском обществе, Е.И. Якушкин писал: «...Так как крестьянское имущество главным образом состоит из семейной собственности, то по смерти членов семейства наследства не открывается. Только после смерти бездетной женщины, приданое ее возвращается ее родителям, или другим родственникам, принадлежащим к той семье, из которой она вышла. Иногда, впрочем, раздел имущества следует непосредственно за смертью домохозяина, и в таком случае право на получение имущества определяется не одним только родством, но, во-первых, принадлежностью к семейству, во-вторых, участием в семейном заработке. Лицо непосредственное (приемыш, зять принятый в дом), принадлежащее к семейству, получает известную часть, или даже и все имущество, между тем как ближайший, но отделенный родственник не получает

ничего"²⁴. Вполне понятно, что порядок наследования, установленный законом, не соответствовал "ни народным понятиям, ни его хозяйственному быту"²⁵.

Итак, на основании анализа дел волостных судов можно судить о порядке и правилах наследования, о семейных разделах, имущественных спорах, о взаимоотношениях супругов, родителей и детей в крестьянской семье русских Верхневолжского региона. Привлечение параллельных источников, в том числе данных церковной статистики, позволит создать многомерную картину жизни крестьянского общества в пореформенной России.

Примечания

1. См.: Харузин М.Н. Программа для собирания сведений об юридических обычаях // Программа для собирания этнографических сведений, составленная при этнографическом отделе Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1887; Программа для собирания народных юридических обычаев. СПб., 1889; Дополнительная программа для собирания народных юридических обычаев. Ярославль, 1900; Титов А.А. Юридические обычаи села Николо-Перевоз Сулостской волости Ростовского уезда. Ярославль, 1888.
2. Якушкин Е.И. Обычное право: Материалы для библиографии обычного права. Ярославль. Вып. 1. 1875; Вып. 2. 1896; Соловьев Е.Т. Гражданское право. Очерки народного юридического быта. Казань, 1888; Белогриц-Котляревский Л.С. Роль обычая в уголовном законодательстве. Актовая речь, читанная на торжественном собрании Демидовского юридического лицея 30 августа 1887 года. Ярославль, 1888; Духовской М.В. Имущественные проступки по решениям волостных судов. М., 1891; Никонов С.П., Якушкин Е.И. Гражданское право по решениям Крестобогородского волостного суда Ярославской губернии и уезда. Ярославль, 1902; Дружинин Н.П. Право и личность крестьянина. Ярославль, 1912 и др.
3. Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII – начало XIX вв. М., 1984; Власова И.В. Община и обычное право у русских крестьян Северного Приуралья (XVII-XIX века) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1991. С. 24-44; Крестьянское правосудие. Обычное право российского крестьянства в XIX – начале XIX вв. М., 2003; Безгин В.Б. Обычное право русской деревни (вторая половина XIX-начало XX вв.) Тамбов, 2004 и др.
4. Аكوпова Т.В. Менталитет русского крестьянства по материалам волостных судов (60-70-е гг. XIX в.) // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 4-6 февраля 1998 г. М., 1998. С. 50-51; Добренский С.И. Материалы волостных судов как источник по изучению проблемы "Человек и пространство в сельской местности пореформенной России (на примере Московской губернии) // Там же. С. 241-243.
5. См.: Обычное право и правовой плюрализм: Материалы . XI Международного конгресса по обычному праву и правовому плюрализму (август 1997 г., Москва). М., 1999; <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=485>; <http://ligainovo.narod.ru/fenomen.htm>; см. также: Кушкова А.Н. Повседневность и конфликт в крестьянской культуре второй половины XIX в. в контексте обычного права // http://eu.spb.ru/ethno/courses/et_p12n.htm.
6. Якушкин Е.И. Волостные суды в Ярославской губернии. М., 1872. С. 5.
7. См.: Леви Дж. К вопросу о микроистории // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996; Гренди Э. Еще раз о микроистории // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. М., 1997. С. 291-302; Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб., 1997; Медик Х. Микроистория // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Т. II. Вып. 4. С. 193-203; Горизонты локальной истории Восточной Европы. Сб. статей. Челябинск, 2003; Пушкарева Н.Л. История повседневности и история частной жизни: содержание и соотношение понятий // Социальная история. Ежегодник 2004. М., 2005. С. 93-112 и др.
8. Хмелевская волость находилась в составе первого мирового участка, включала 111 селений, в которых значилось 2055 душ. См.: Список мировых участков и волостей по Ярославской губернии. Б.м. и г. С. 157.
9. Where the twain meet. Dutch and russian regional demographic development in a comparative perspective. 1800-1917. Groningen, Wageningen, 1998; Where the twain meet again. New result of the Dutch Russian project on regional development 1780-1917. Groningen, Wageningen, 2004; Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований: Материалы межрегиональной научной конференции, Вологда, 20-21 июня 2000 г. Вологда, 2001; Шустрова И.Ю. Материалы по истории православных приходов XIX – начала XX вв. в фондах духовных ведомств // Молога. Рыбинское водохранилище. История и современность. К 60-летию затопления Молого-Шекснинского междуречья и образования Рыбинского водохранилища. Материалы научной конференции. Рыбинск, 2003. С. 173-182; Шустрова И.Ю. Интегральная история на локальном уровне: методика, источники, результаты // Горизонты локальной истории Восточной Европы. Сб. статей. Челябинск, 2003. С. 34-47.
10. РбФ ГАЯО. Ф. 393. Оп. 2. Д. 183. Б.п.
11. Там же.
12. Там же. Д. 192. Л. 190.
13. Там же. Д. 199. Л. 33-34.
14. Там же. Л. 38.
15. Там же. Л. 117об-118.
16. Там же. Д. 183. Б.п.
17. Колесников В. Последствия крестьянских семейных разделов. Ярославль, 1889. С. 1.
18. Там же. С. 3.
19. Там же. С. 9-10.
20. РбФ ГАЯО. Ф. 393. Оп. 2. Д. 192. Л. 145.
21. Там же. Л. 182.
22. Там же. Л. 50-55.
23. Там же. Д. 183. Б.п.
24. Якушкин Е.И. Волостные суды в Ярославской губернии. М., 1872. С. 11.
25. Там же.

Александров Н.М., канд. ист. наук
г. Ярославль

НЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ ОТХОД ЯРОСЛАВСКИХ КРЕСТЬЯН И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОЦИОКУЛЬТУРНУЮ ЖИЗНЬ ПОРЕФОРМЕННОЙ ДЕРЕВНИ

Малая доходность земли издавна способствовала развитию кустарных и отхожих промыслов среди крестьянского населения Ярославской губернии. Однако к концу XIX в. местная кустарная промышленность почти полностью пришла в упадок. В ней было занято только около 2 % общей численности сельского населения губернии. Для сравнения в соседней Владимирской губернии кустарными промыслами занимались более 7% сельских жителей.

С упадком кустарного производства отхожие промыслы становятся основной сферой неземледельческой деятельности ярославских крестьян. Это способствовало дальнейшему развитию отхода. За 40 пореформенных лет численность занимавшихся отхожими промыслами возросла в 2,6 раза. В начале XX в. уходившие на заработки составляли более 20% всего крестьянского населения губернии. Ярославская губерния занимала одно из первых мест в стране по уровню развития отхожих промыслов. В начале XX в. в целом по Ярославской губернии количество выбираемых паспортов превосходило количество дворов (на 100 дворов выбиралось 110 паспортов), т.е. в среднем на каждое крестьянское хозяйство приходилось более одного отходника. Наиболее интенсивно отход развивался в Угличском и Рыбинском уездах, где на 100 дворов приходилось 140 и 136 паспортов соответственно. Относительно слабо отхожие промыслы были распространены только в Пошехонском уезде (здесь на 100 дворов выдавалось 76 паспортов).

В отход, как правило, уходили молодые наиболее трудоспособные члены семьи. Так, в 1901 году 56% ярославцев - мужчин в возрасте от 18 до 60 лет занимались отхожими промыслами. Местные крестьяне искали лучшей доли преимущественно в столичных городах. Петербург и Москва, как два быстро развивавшихся центра промышленности и торговли в XIX - начале XX в., привлекали крестьян соседних губерний, среди которых было много выходцев из ярославских сел и деревень. Причем, Петербург являлся главным местом отхода ярославцев. В официальную столицу уходило около 60% всех занимавшихся отхожими промыслами. В то время как Москва привлекала чуть больше 10% отходников. Отход в Москву был более распространен в южных уездах губернии, тогда как Петербург привлекал в первую очередь крестьян из северных и северо-западных уездов Ярославского края, ближе других расположенных к столице.

Излюбленными занятиями ярославских крестьян-отходников была торговля и работа в трактирах. В 1901 г. в эти сферы была включена почти треть (31,4%) уходившего на заработки мужского населения губернии. В некоторых уездах, таких как Угличский, торговлей занималось больше половины отходников мужчин – 56,3%, в Рыбинском почти половина - 48,2%, в Мышкинском -39,2%, в Любимском -36,%. Причем трактирный промысел принес ярославцам наибольшую известность. Половые из ярославских крестьян, прислуживавшие в трактирах, считались лучшими в России.

Широко развитый отход крестьян на заработки в города не мог не отразиться на мировосприятии крестьянства, его образе жизни, быте и культурном развитии. В результате быстро расширявшегося в пореформенный период отхода “не только деревня шла в город, но и город шел в деревню”.

Современники отмечали, что уход крестьян на заработки в раннем возрасте, когда земледельческий труд был для них еще неизвестен или непривычен, пребывание молодых людей в течение 3-5 лет в городской среде приводило к тому, что между отходниками и деревней прерывалась всякая связь. Крестьянин смотрел на землю не как на кормилицу, а как на тяжелую ношу и желал от нее избавиться.

В то же время, отходники приобретали в столицах такие потребности, которые не соответствовали крестьянскому быту. Отход вносил в жизнь крестьян такие привычки, которые, по мнению ярославских чиновников, коренным образом видоизменяли крестьянский быт, постепенно лишали оригинальной простоты, приравнивая к быту низших слоев населения столичных центров. Однако, в деревне статус молодого человека, побывавшего на заработках в городе, резко возрастал. К “домачам”, т.е. крестьянам, не уходившим в отход, относились пренебрежительно. Такой человек, по мнению односельчан, не мог обеспечить тот уровень семейного благосостояния, какой мог дать отходник. В деревне было распространено представление: “парни тогда считаются женихами, когда побывали на промысле”.

Отходники приносили на родину разные новшества в одежде, пище и даже плясках. В местах развития отхожих промыслов сарафан уступал место городским платьям. Русская пляска сменялась кадрилию, а народные песни вытеснялись городским фольклором. По мнению современников, в конце XIX в. ярославская деревня “приняла какое-то пиджачное направление”. Так, первой мечтой подраставшего деревенского парня было сшить себе “тройку” (пиджак, брюки, жилет).

В ряде местностей установилось правило, что “питерщик”, приезжая домой, должен был дать односельчанам на водку. Причем, чем больше была сумма, выделяемая отходником на угощение, тем большим уважением пользовался крестьянин. Если вернувшийся отходник отказывался угостить односельчан, это вызывало резкое осуждение “мира”. Высшим шиком среди крестьян считалось, если “питерщик” являлся домой броско одетый на городской манер, сидя в тройке, управляемой совершенно пьяным ямщиком.

Отход влиял и на семейные взаимоотношения. Возвратившийся на родину, отходник часто относился к отцу или большаку далеко не с таким почтением, с каким все прочие члены и с каким прежде относился и сам он. Поступая так, он подавал пример подобного отношения к главе хозяйства и другим членам семьи. В особенности подрывали авторитет глав семейства крестьяне, жившие в столицах и достигшие успехов в промысле (приказчики в торговых заведениях, буфетчики в трактирах).

В местах распространения отхода подвергался трансформации и общественный статус женщины. Этому способствовали две причины: первая – из-за отхода на заработки взрослых мужчин на женщину ложились все

обязанности по управлению хозяйством; вторая – развивавшийся женский отход также разрушал патриархальные устои крестьянской семьи и вел к большей самостоятельности женщин.

Отрыв от семьи, свободное поведение крестьян в городе, широко распространенные внебрачные связи среди отходников были основной причиной широкого распространения венерических заболеваний (сифилиса) в ярославской деревне.

В то же время, благодаря отходу в города, в результате которого крестьяне знакомились с бытом других слоев населения, изменялся внутренний и внешний вид крестьянского жилища. Исчезали избы, отапливаемые по-черному, дома стали более красивыми, все чаще телят, ягнят и домашнюю птицу стали держать вне жилого помещения. В некоторых деревнях появились дома, стоившие 3-4 тысячи рублей, что для конца XIX – начала XX в. было достаточно значительной суммой.

Под воздействием отхода изменялась и речь крестьян. Благодаря отхожим промыслам словарный запас деревни значительно пополнился. В крестьянскую среду стали проникать слова иностранного происхождения, часто используемые не по смыслу. Так “москвичи” и “питерцы”, разыгрывая из себя людей образованных, выдавших свет и хорошее общество, любили шегольнуть перед “неотесанной деревенщиной” словами мало понятными не только окружающим, но и им самим.

Отхожие промыслы, особенно связанные с торговлей и работой в трактирах, способствовали распространению грамотности среди населения. Мальчик, отправлявшийся в Петербург или Москву для работы в трактире или лавке, должен был владеть элементарной грамотностью. Вот почему в этом виде отхожих промыслов начало трудовой деятельности, как правило, совпадало с окончанием сельской школы, т.е. с 12-14 годами. Нередко занятия отхожим промыслом начинались и в более раннем возрасте. В виду того, что земские школы принимали детей в возрасте от 9 до 11 лет, родители в местах наибольшего распространения отхода, не дожидаясь достижения ребенком школьного возраста, обращались к отставным солдатам, дьячкам или просто грамотным крестьянам, чтобы те научили их чтению и письму.

В связи с сильным развитием неземледельческого отхода, в первую очередь столичного, уровень грамотности в Ярославской деревне был одним из наивысших в стране. Так, в 1896 г. среди принятых на военную службу новобранцев 85,5% были грамотными. По этому показателю Ярославская губерния занимала одно из ведущих мест в Российской империи, уступая только прибалтийским губерниям. Причем, Угличский уезд, где отхожие промыслы были наиболее развиты, в 1892-1894 гг. не дал ни одного неграмотного новобранца.

Во многом благодаря городскому отходу в деревню стали проникать журналы и газеты. Таким образом, крестьяне пытались ввести в деревне нормы жизни чем-то напоминавшие городские.

Итак, неземледельческие промыслы ярославских крестьян внесли существенные изменения в жизнь деревни. В значительной степени были подвергнуты трансформации не только экономическая сторона деревенской жизни, но и общественная и культурная жизнь села.

Бородкин А.В., канд. ист. наук
г. Ярославль

“СПЕЦИАЛЬНЫЕ СЛУЖБЫ” ЯРОСЛАВСКОГО АКЦИЗНОГО ВЕДОМСТВА В БОРЬБЕ С НЕЗАКОННЫМИ ПОСТАВКАМИ АЛКОГОЛЯ В РЫБИНСК НАЧАЛА XX ВЕКА

В 1914 г. Российская империя вступила в Первую мировую войну. Чрезвычайные обстоятельства требовали от правительства новых подходов и мобилизации всех имеющихся ресурсов. Поэтому 2 августа 1914 г. в стране был введен “сухой закон”. Однако его принятие приводит к неоднозначным последствиям. Прежде всего, сформировалась индустрия, занимающаяся незаконным производством и продажей суррогатных спиртов и спиртосодержащей продукции. Ее масштабы и деятельность ни когда не являлись предметом отдельного комплексного исследования. Поэтому целью настоящего сообщения является изучение деятельности, так называемой системы незаконной продажи алкогольной продукции и методов борьбы с ней специальных подразделений акцизного ведомства.

В качестве хронологических рамок рассматривается период с 1914 по 1916 гг. В качестве территориальных рамок исследования используется непосредственно город Рыбинск, однако при необходимости будут рассмотрены и сопредельные регионы.

После введения “сухого закона” в ярославских деревнях резко возросло производство пива, браги и домашнего самогона. Первоначально, все это выдавалось крестьянами за “местные традиции”. Крестьяне Даниловского уезда Ярославской губернии указывали, на “традиционный промысел” заготовлении на зиму капусты - “капустницу”. Указанный промысел невозможно проводить без употребления водки, причем в водку принято было употреблять “по велению души”, т.е. без ограничений.

“Капустницами” дело не ограничилось. Крестьяне Грязовецкого и Вельского уездов Вологодской губернии проводили аналогичные совместные заготовки грибов, а крестьяне Никольского уезда “ягод и листа”. Вскоре проявились и иные “нездоровые симптомы”. Уже к концу 1914 г. в России было обнаружено свыше 2.000 тайных алкогольных заводов. Заботой о качестве и безопасности своей продукции производители себя не обременяли. Дело было “поставлено на поток” с единственной целью – получения доходов¹.

Возникают новые сорта винно-водочной продукции, о существовании которых раньше и не подозревали. Самая знаменитая водка этого времени: “кумушка” получила свое название за легкость, при употреблении

сменявшая тяжелейшим утренним похмельем, наступавшим из-за плохой перегонки дешевого некачественного сырья. Кстати сказать, она ни когда не достигала, так называемой “законной крепости” и была в 30 –35 градусов.

Другие заводы, оснащенные по последнему слову техники, “осуществляли вытяжку” спиртов из лаков, эмалей, составов и иной спиртосодержащей продукции.

Особой популярностью у представителей простого народа пользовался денатурированный спирт, используемый в качестве топлива (обогрева, освещения фонарей и т.д.). Попытка властей красить его в фиолетовый цвет (для освещения фонарей), зеленый (для спиртовок и печей), желтый (для борьбы с вредителями в сельском хозяйстве) или красный (для ветеринарии) привел к появлению целой гаммы спиртосодержащих ликеров, настоек, наливок. Не остались в стороне и местные ярославские, костромские и вологодские производители спирта. Они изобрели несколько собственных рецептов. При смешении суррогатной продукции с чаем и безалкогольным коньяком “возникал” знаменитый “Шустовский” коньяк, при подкрашивании его корой или текстильным красителем появлялась “Зубровка”, при помещении в жидкость перечной пыли “перцовая”, остатков сахара и пудры – “ванильная” и т.д. Кроме того, страну наводнили многочисленные иностранные ликеры названия, которых не повторялись, ибо производились путем нехитрой подкраски денатурированного спирта разнообразными красителями, в том числе техническими.

В 1915 г. Рыбинской полицией абсолютно случайно был вскрыт настоящий “алкотрафик”. Проведя совместные розыскные мероприятия, было выявлено наличие в стране так называемого “крупного канала нелегальной перевозки и распространения денатурированных спиртов и поддельной водки”. Размер его поражал воображение. При приготовлении напитка учитывалось все, вплоть от производителя до потребителя спирта². Криминальный канал начинался в Петербурге. Через Волхов, Тихвин и Кадуй суррогатная продукция поступала в г. Череповец. Здесь в деревне Матурино находился крупный сортировочный пункт. Для следования “товара” далее избирался один из нескольких каналов доставки.

Для провоза спирта в Рыбинск существовала хорошо отлаженная и законспирированная сеть курьеров. Продукт поступал в Череповец, затем местные обыватели под видом промышленных красителей перевозили его на грузовых баржах вниз по реке Шексне.

Аналогичная операция производилась в городе Весьегонске, откуда спирт также на речных судах переправляли в Рыбинск по реке Молога. В Рыбинске “товар” принимали жители деревни Копяево, которые под видом все тех же товаров химической промышленности отдавали его на реализацию местным мелким оптовикам. Таким же образом спирт попадал в Романов-Борисоглебск, а оттуда вниз по Волге в Ярославль, где вновь перегружался на подпольные склады и на других судах переправлялся до Костромы и Нижнего Новгорода.

В случае перевозки спирта мелкими партиями он транспортировался по железной дороге через Бологое и Бежецк. Разгрузка производилась на станции Волга, а оттуда крестьянами окрестных сел суррогат доставлялся в Рыбинск на телегах или перевозился далее в Ярославль, а оттуда в Вологду³.

Крупные партии спирта переправлялись из Череповца через Вологду, Кадников и Вельск в села Архангельской губернии и по реке Сухоне через Тотьму на Великий Устюг. Пресечение этого хорошо налаженного канала стало крупным успехом полиции и чиновников акцизного ведомства.

Успех был, а достижений не было. В ноябре 1915 г. Рыбинской полицией была раскрыта хорошо законспирированная сеть, занимавшаяся перепродажей денатурированного спирта из местной казенной лавки. В феврале 1916 г. в Рыбинске был обнаружен тайный винокурный завод “занимавшийся винокурением из уездных хлебных припасов”⁴.

7 июля 1916 г. на улице Вокзальной в Рыбинске была вскрыта целая сеть трактиров с подпольной продажей водки и спирта, все это плачевно сказывалось на состоянии здоровья рабочих и служащих Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги. Вместо курьеров мужчин перевозкой спиртов занялись женщины.

В ярославских и вологодских деревнях урожай 1916 г. ушел во многом на производство самогона⁵. Прокурор Московской судебной палаты сообщал, что перегонка спирта здесь “местами приняла повальный характер” и призывал, если нет возможности прекратить этот процесс, то хотя бы дать сведения как модифицировать “тот примитивный способ, к которому прибегают крестьяне...”. В целом приходится констатировать, что успехи 1915 года носили временный характер и коренным образом ситуацию не изменили.

Управляющий акцизными сборами по Ярославской губернии от полного бессилия бороться с проблемой прежними методами ходатайствовал перед губернатором Ярославской губернии Н.Л. Оболенским (1916-1917 гг.) об “установлении в г. Ярославле особого летучего отряда”⁶.

Эту дату, по-видимому, можно считать началом создания ярославских частей специального назначения. Их функции весьма напоминали действия современных подразделений такого рода. Члены отряда занимались сбором сведений о фактах незаконного производства и торговли спиртосодержащей продукцией, создавали агентурную сеть и систему осведомителей. При необходимости они должны были конфисковать партии алкоголя, арестовывать незаконных продавцов.

Особенно много хлопот первым бойцам Ярославского специального подразделения доставляли ярмарки и праздничные дни. Численность подразделения была невелика, и полностью контролировать ситуацию они не имели физической возможности. Архивные документы не сохранили упоминаний о том, были ли созданы аналогичные подразделения в уездных городах или акцизное ведомство ограничилось Ярославлем. Однако, как сообщалось в дальнейшей служебной переписке, отряд не справлялся с постоянно увеличивающимся объемом работы. Несмотря на явные позитивные достижения, новых сотрудников и средств выделено не было⁷.

К началу 1917 г. алкоголизация населения Вологодской, Костромской и Ярославской губерний начинает принимать ужасающий характер. Полицейские власти этих губерний констатировали собственную неспособность

не только прекратить, но и поставить этот процесс под какой-либо контроль. Что касается первого Ярославского специального подразделения, то в 1917 г. оно прекратило существование вместе с акцизным ведомством.

Примечания

1. Карандашев Г.В. Нелегальное производство и оборот спиртосодержащей продукции в период действия “сухого закона”... // Вопросы отечественной и зарубежной истории. Ярославль, 2005.
2. ГАЯО. Ф. 140. Д. 919. Л. 45.
3. ГАЯО ф. 140. Оп. 1. Д. 919. Л. 46-56.
4. ГАЯО ф.140. Оп. 1. Д. 771. Л. 2.
5. ГАЯО ф.140. Оп. 1. Д. 771. Л. 2.
6. Ярославские губернаторы 1777-1917 гг. Историко-биографические очерки. Ярославль, 1998. С. 383-389.
7. ГАЯО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 771. Л. 3-4.

Кузин С.Н., канд. ист. наук,
Шокин С.Д., канд. ист. наук
г. Ярославль

РЫБИНСК В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

В последние годы историческая наука подвергается своеобразной “интервенции”. Наряду с исследованиями, которые базируются на огромном материале центральных и местных архивов, появляется масса псевдонаучных работ. Неожиданно математики или полноценные дилетанты заявляют о пересмотре хронологии древнерусской истории. Другая тенденция – так называемый местечковый синдром, когда тот или иной город объявляют столицей России (например – Ярославль). Более того, на основании анализа ограниченных документов по истории отдельного уезда или даже поселения делаются попытки охарактеризовать отдельные процессы в общероссийском масштабе. Именно данное обстоятельство и вызвало стремление обратиться к выше обозначенной теме.

В изучении каждой проблемы исторического прошлого следует учитывать степень репрезентативности используемых источников. Относительно развития народного образования в России на рубеже XIX-XX вв. целый комплекс документов подлежит весьма серьезной критической оценке. Прежде всего, это касается данных Синода, которые грешили, по свидетельству современников, “приписками”, как по числу учебных заведений духовного ведомства, так и по количеству учащихся в них. Недостатки существовали и в земской статистике, несмотря на то, что ее долгое время считали идеальной в российских условиях. Последнее обстоятельство вызвано и несовершенством самой системы подсчета собранных данных, и отсутствием достаточного аппарата специалистов. В целом ряде случаев существуют расхождения в различных статистических таблицах, появляются категории учебных заведений, не сопоставимых между собой, что не позволяет порой проследить эволюцию развития народного образования.

Совершенно неоправданным является обращение к ставшему уже традиционным показателю “уровню грамотности”, который в условиях России конца XIX века определялся весьма оригинальным способом: по проценту грамотности новобранцев. Если учитывать долю призванных по жребию в армию, а также то, что каждый новобранец стремился любым способом преувеличить свои примитивные знания по письму, чтению и счету, чтобы сократить срок службы. Не случайно, когда в 1905 году из 100 ярославцев-призывников 94 заявили о своем начальном образовании, но только 82 смогли подтвердить свои соответствующие знания¹. Заметим, что Ярославская губерния в этом же году оказалась на 6-м месте по данному показателю среди земских школ, уступая не только столичным регионам, но даже Владимирской губернии (в 1899 году она по “уровню грамотности” была в данной категории первой, следуя лишь за Прибалтикой). Скорей всего, в каждой губернии существовали свои способы подсчета данного показателя.

Гораздо объективней воспользоваться такими терминами, как “уровень просвещения” или “уровень образования”. В этом случае рассчитывается либо число учащихся на 1 тысячу населения либо количество детей школьного возраста на одно учебное заведение. К сожалению, за отсутствием полноценных данных по всем регионам сделать сравнительный анализ в данном направлении невозможно. Так, подворная перепись в Ярославской губернии в конце XIX века была проведена лишь по трем уездам: Мышкинскому, Рыбинскому и Угличскому. Но это отнюдь не позволяет категорично заявить об исключительности какого-либо из них, о некоем “феномене”, который так хотят выявить некоторые краеведы.

Тем не менее, следует определять и общие тенденции и особенности развития отдельного региона или поселения. Рыбинск был уже во второй половине XIX столетия крупнейшим промышленным и торговым центром, уступавшим лишь Ярославлю. Так, в городе на 1900 г. существовало уже 13 начальных учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения (за исключением училища по положению 1872 года) из 42-х по всей губернии, а также 3 церковно-приходских школы².

На тот момент уже определилась характерная особенность для народного образования Ярославской губернии: в финансировании городских училищ наиболее активное участие принимали земства. В Рыбинске 6 учебных заведений содержались за счет города, 6 – получали средства от земских органов самоуправления. Однако по данным земских статистиков большинство городских учебных заведений принимало статус земско-

городских. Например, в 1913 году из 17 школ Рыбинска 8 записаны за земством, но фактически 7 содержались городом, а через земскую управу учителя получали жалование от МНП³. В этом и можно обозначить первую особенность образовательной системы Рыбинска.

Вышеуказанное обстоятельство, видимо, содействовало и еще одному отличительному фрагменту. По финансовым отчетам все того же 1913 г. от уездного земства Рыбинская мужская гимназия получила 1500 рублей, а женская – 1700 рублей (для сравнения: Угличской женской гимназии было выделено 1200 рублей). Более того, губернское земство ассигновало мужской гимназии в Рыбинске 5184 рубля, ближайшая по размеру сумма из бюджета губернской управы – 3000 рублей на содержание Мариинской женской гимназии в Ярославле⁴.

О перспективности Рыбинска в деле развития народного образования свидетельствуют и другие известные факты. По данным Н.Веригина, в 1908 году в Рыбинске действовало 3 учебных заведения, относящихся к повышенному начальному и профессиональному образованию. Только в одном училище В.А.Корякина обучалось 230 человек, что уступало только 1-му Ярославскому училищу (326 учащихся). Несмотря на наличие двух средних мужских учебных заведений и двух женских, а также профессионального училища М.Е.Комарова, Рыбинская городская управа ходатайствовала об открытии третьего (по положению 1872 года) училища и второй женской гимназии⁵. Поскольку официальные средства, отпускаемые на сферу народного образования, были весьма скудными, основная надежда возлагалась на частную инициативу.

Рыбинск, как и Ярославль, привлекал внимание подвижников просветительской деятельности. Так, одним из первых частных лиц, предложивших свои услуги в деле развития городского образования, стала Кошеварова Антонина Антоновна. Дочь технолога второго разряда, окончившая пятую Московскую женскую гимназию, имела опыт преподавания в подготовительном классе одного из столичных учебных заведений. В декабре 1893 года она получила свидетельство на право содержания учебного заведения в Москве. А в октябре 1895 года она подала прошение об открытии частной школы 3-го разряда в Рыбинске⁶. По причинам, которые, к сожалению, до настоящего момента не удалось определить, данное училище так и не было открыто.

Ситуация с привлечением частных средств существенно изменилась уже на рубеже XIX-XX столетий. Появляются постановления МНП (они заметно чаще публикуются в “Журнале МНП” относительно Рыбинска, нежели Ярославля) об учреждении стипендий для Рыбинского городского 4-классного училища. Это пожертвования купца М.А.Григорьевского, почетного гражданина Н.И.Тюменова. 31 мая 1900 года публикуется положение о стипендии им. Н.А.Комаровой при Рыбинской Мариинской женской гимназии. Для создания пристройки к мужской гимназии в 1907 году почетный попечитель учебного заведения Е.С.Калашников пожертвовал 20 тысяч рублей⁷.

При руководстве МНП Н.В.Игнатьевым частная инициатива получила поддержку, и в Рыбинске к 1914 г. появились три частных училища 3-го разряда, при одном из них была создана подготовительная школа “Детский сад”.

К особенностям образовательной системы Рыбинска можно отнести особую роль, которую исполняло мещанское сословие. Учащиеся этой категории заметно превышали выходцев из крестьян и купечества. Вероятно, этим объясняются ежегодные пожертвования городского мещанского общества, выделяемые на обучение бедных учащихся.

Таким образом, Рыбинск в системе российского провинциального образования может рассматриваться одним из хрестоматийных для уездных городов примеров. Но, с другой стороны, существует своеобразие, которое сопоставимо только с аналогичными городскими центрами не только относительно отдельной Ярославской губернии, но и в целом по России.

Примечания

1. Начальное народное образование в Ярославской губернии за 1909 год. Ярославль. 1913. С. 73.
2. Начальное народное образование в Ярославской губернии: статистические данные. Ярославль. 1901. Табл. 1.
3. Школьная статистика 1912-1913 гг. Ярославль. 1914. Табл. 7.
4. Краткий систематический свод постановлений по народному образованию уездных и губернского земских собраний Ярославской губернии за 1912 год. Ярославль. 1913. С. 64-65.
5. Веригин Н. Запросы среднего, профессионального и повышенного начального образования в Ярославской губернии в 1908 году. Журнал Министерства народного просвещения. 1909. Сентябрь. С. 145.
6. Государственный архив Ярославской области. Ф. 549. Оп. 3 Д. 31. Л. 62.
7. ГАЯО. Ф. 549. Оп. 2. Д. 678. Л. 153.

Лобанова М.А.
г. Ярославль

ОПИСИ ИМУЩЕСТВА УСАДЬБЫ ПЕТРОВСКОЕ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ УСАДЕБНОГО БЫТА

После революции 1917 г. усадьбу Петровское постигла та же участь как и множество других русских дворянских усадеб. Это касалось вывоза ценностей, накопленных Михалковыми. Вывоз предметов из Петровского проходил в несколько этапов. Вначале, зимой 1918-1919 годов работники Рыбинского отдела народного образования, побывавшие в усадьбе, вывезли часть наиболее ценных, на их взгляд, предметов в

Рыбинскую центральную библиотеку и на склад научных пособий, другую часть оставили в усадьбе в опечатанных шкафах.

Следующий этап вывоза приходится на первые месяцы 1920 года, когда было принято решение об организации в Рыбинске художественно-исторического музея и было выделено здание под музей. Тогда же в музей передали и предметы из Центральной библиотеки, ранее вывезенные из усадеб¹. Последняя партия поступлений из Петровского отмечена в сохранившейся учетной книге Рыбинского художественно-исторического музея 30 марта 1921 года². Документы начала 1920-х годов сообщают сведения о том, что из Рыбинской усадьбы Михалковых предметы вывозились не только в Рыбинский музей, но и в Москву в Центральную Коллегию охраны памятников искусства и старины³. Оттуда они затем поступали в Ярославский художественный музей, Государственную Третьяковскую галерею, Русский музей⁴ и, возможно, в другие собрания. Конечно, за годы своего существования Рыбинский музей пережил не одну реорганизацию, да и обстановка в стране не всегда благоприятствовала изучению и сохранению памятников истории и культуры. Поэтому многое из вещей, поступивших в 1920-е годы, оказалось впоследствии утраченным. Но, несмотря на это, и сейчас мы вправе считать, что михалковское собрание является одной из основ художественных коллекций музея в Рыбинске.

Обратимся к истории формирования коллекции. В 1850-е годы, в связи с приходом в семью Михалковых Елизаветы Николаевны, урожденной княжны Голицыной, в усадьбе Петровское появляются новые вещи, связанные с семейством князей Голицыных. Они перечислены в упоминавшейся уже описи движимого имущества в Петровском, составленной 29 июля 1869 года. Это, прежде всего, большое количество серебра, полученного Елизаветой Николаевной в качестве приданого: тринадцать предметов туалетного, двадцать шесть предметов чайного, около ста пятидесяти предметов столового. Кроме того, большое количество серебряных изделий Елизавета Николаевна получила от «папан» в подарок и по наследству. Среди этих вещей находились подлинные исторические реликвии, например: лохань для бритвы с рукомыльником, подаренные в свое время Петром Великим князю Б.А.Голицыну⁵.

Опись 1867 года показывает наличие в усадьбе Петровское большого количества произведений искусства: живописи, графики, скульптуры, произведений декоративно-прикладного искусства. Украшением большой гостиной были белые мраморные бюсты Вольтера и Ж.Ж. Руссо и девять семейных портретов. К сожалению, автор описи указал лишь общее число семейных портретов, не описывая каждый в отдельности. Видимо, в усадьбе этим портретам не придавали особого значения. В малой гостиной находились «Мадонна», написанная Э.Сирани, «Св. Иоанн» кисти Ф.Солимены, три портрета «неизвестных старых мастеров», - видимо, западноевропейских художников, - а также живописный портрет митрополита Филарета и акварель Брюллова (Александра?) «Портрет императрицы Александры Федоровны». В спальне в позолоченной раме висело живописное полотно Як. Бассано «Рождество».

Опись движимого имущества в Петровском, сделанная 29 июля 1869 года, позволяет представить планировку барского дома. Составитель описи, видимо, просто шел по дому привычным маршрутом и записывал в тетрадь то, что видел в комнатах. Описание начинается с помещений второго этажа, так называемого бельэтажа.

Первой описана передняя, потом автор описи переходит в столовую, далее - в зал, большую гостиную, малую гостиную, спальню, будуар, большой кабинет, малый кабинет, комнату для занятий, еще одну спальню, два коридора, комнату для прислуги. Затем автор описи спускается на нижний этаж и описывает предметы, находящиеся в комнате направо от главного входа, зале, гостиной, коридорах, кладовой, комнате мадемуазель Людмилы, комнате управляющего, конторе.

Здесь, на нижнем этаже, находилась и комната с фресками. Происхождение этих фресок, как и самого первого этажа, относится еще к периоду первого владельца и устроителя усадьбы П.Д. Михалкова, то есть к первой половине XVIII века. В 1869 году эта комната была меблирована весьма скромно: здесь стояли застекленный шкаф и простой стол. В период составления описи в усадебном доме существовал уже еще один этаж всего с одной детской комнатой. Видимо, это был мезонин. При доме была терраса, на которой также стояла мебель, перечисленная в описи⁶. К концу 1860-х годов дом в Петровском приобрел свой окончательный вид и выглядел таким же, как на открытке, выпущенной в 1915 году.

В середине XIX века рыбинская усадьба Михалковых становится хранилищем не только семейных реликвий и достаточно случайно попавших в Петровское произведений искусства, но и специально подобранных коллекций. Первое свидетельство этому - все та же опись усадебного имущества, составленная в 1869 году. В ней, среди огромного количества переписанной мебели, серебра, предметов искусства и домашней утвари нашлось место и для описи довольно обширной коллекции, которая носила название «Одежда, домашняя утварь, игры и забавы, воинские принадлежности, рыболовные и звероловные орудия алеутов, курильцев, отоитян и жителей других островов, открытых нашими мореходцами». В состав этой коллекции входило 70 различных предметов - от китового уса до китайского зонтика⁷. К сожалению, мы не знаем, как и кем собиралась эта коллекция, интересы кого из Михалковых она отражала. Можно только предположить, что эти экзотические предметы появились в усадьбе в результате одного из коллекционных увлечений молодого Владимира Сергеевича Михалкова.

Описи предметов из усадьбы могут стать основой для реконструкции быта дворянской семьи. Их изучение позволяет раскрыть многие стороны жизни повседневной жизни, проследить культурные контакты, сферу досуга, научных интересов представителей этого дворянского рода.

Примечания

1. Общество и власть в деле охраны памятников: По материалам Ярославской губернии 1918-1943 // Ярославский архив. Историко-краеведческий сборник. М.-СПб., 1996. С. 218-219.
2. Михайлова Г.Б. Усадьба Петровское и род дворян Михалковых в истории Рыбинского края. Рыбинск, 2000. С. 6.

3. Ярославский архив. Указ. соч. С. 22.
4. Михайлова Г.Б. Указ. соч. С. 6.
5. Опись всей движимости в Петровском 29 июля 1863 года. Л. 24-31.
6. Опись... Л. 1-19.
7. Опись... Л. 10-12.

Михайлова М.А.
г. Ярославль

КАРАБИХА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕКРАСОВЫХ

Бурные политические события в истории России начала XX в. затронули представителей всех сословий. Интерес представляет хозяйственная деятельность дворян в своих усадьбах в этот период.

История ярославского имения Карабиха начала XX века связана с именами двух владельцев: с именем брата известного русского поэта Н.А. Некрасова – Федора Алексеевича (1827-1913) и его сына – Бориса Федоровича (1883-1942). Федор Алексеевич – человек предприимчивый - смог превратить Карабиху во второй половине XIX в. в благоустроенное доходное имение. Так, по сведениям археолога В.А. Городцова, посетившего усадьбу в 1894 г., в Карабихе чувствовалась “богатство, деловитость и даже роскошь”¹. В имении был создан винокуренный комплекс, состоящий из винокуренного, водочного, пивомедоваренного и солодовенного заводов. До начала XX в. производство алкогольной продукции составляло основу благосостояния усадьбы.

Однако в начале XX века из указанных заводов действовал только винокуренный, просуществовавший до 1915 г.² Он был единственным дворянским предприятием в этой отрасли Ярославской губернии в период с 1911 по 1915 гг. Известно, что в 1905 г. производство держалось на прежнем, достаточно высоком уровне, даже по сравнению с 70-ми гг. XIX в. К сожалению, информация, содержащаяся в источниках, за последние десять лет в истории предприятия обрывочна и дает нам представление об объемах винокурения не за целый производственный год, а за отдельные месяцы. В то же время, анализ объемов денежных оборотов, получаемых при выпуске спиртных напитков, дает основания утверждать, что и в начале XX в. производство оставалось на высоком уровне, и позволяло владельцу получать хорошую прибыль – до 10 тыс. руб. в год³.

В 1913 г. умер Федор Алексеевич, и Карабиха вместе с винокурней перешла по наследству к его сыну Борису. При нем в 1914 г. сначала на два месяца было приостановлено изготовление спиртных напитков ввиду запрещения торговли спиртом в условиях начала Первой мировой войны. Через некоторое время предприятие вновь стало выпускать алкоголь, но лишь до 1 января 1915 г. (Производительность составила 112.875 руб.⁴). Однако уже в новом, 1915 г., завод бездействовал. Не выпуская продукции, он “ложится тяжестью на имение, так как на его ремонт и амортизацию (было необходимо) 3518 руб. 6 коп. По страховой оценке стоимость предприятия составляла 34.000 руб. (строительная стоимость - 50.000 руб.)”⁵.

Борис Федорович создал в имении еще одно предприятие – картофельно-крахмальный завод, сведения о существовании которого, находим лишь в одном источнике - “Резюме по описанию имения “Карабиха” Ярославского уезда” 1916 года. К сожалению, в документе нет точного указания даты основания производства. По-видимому, это произошло в период между 1914-1916 гг. Так в “Резюме...” зафиксировано, что “условия военного времени весьма серьезно отразились на системе всего хозяйства как в смысле *появления крахмального завода* (курсив – М.М.), так и во многом другом”⁶. И так, на территории усадьбы появилось предприятие, производившее крахмальную муку, чистая прибыль от изготовления и продажи которой составила 9815 руб., что вдвое превысило доход от продажи леса, втрое – от скотоводства, и в десять раз – от полеводства за 1915 г. Таким образом, можно говорить о том, что владелец имения нашел источник получения прежнего уровня прибыли в условиях запрета торговли спиртными напитками во время Первой мировой войны.

Предприятия, расположенные на территории Карабихи, имели статус сельскохозяйственных. Подобные заводы находились в тесной связи с “хлебопашеством и скотоводством”, призваны были помочь в реализации выращиваемых продуктов земледелия крестьянства, материально поддержать помещиков-дворян. Сельскохозяйственный завод обязательно должен был “находиться при имении, располагающем пахотной землей”⁷. Винзаводчик получал от государства поддержку в виде льгот при акцизных отчислениях.

Земледелие и скотоводство находились в зависимости от производства алкогольной продукции. Выращиваемая сельхозпродукция служила сырьем при изготовлении спирта. Отходы от винокурения (барда), употреблялась в качестве корма для своего скота, что особенно важно в зимние месяцы, когда и осуществлялось выкушивание водок и наливок. Таким образом, увеличивались надои молока, владелец получал мясомолочную продукцию, и была возможность вносить необходимое количество удобрений в малоплодородную почву, урожаи были обильнее.

Развитие животноводства в имении было сковано недостатком лугов, из-за чего необходимые для прокорма скота сено и солому приходилось приобретать у крестьян. Несмотря на это в Карабихе до XX в. содержалось большое количество лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, свиней, что было обусловлено наличием винокуренного производства в усадьбе. Однако ситуация изменилась в XX в.: наблюдался процесс сокращения поголовья, что, по-видимому, было связано с тем, что винокуренный комплекс бездействовал, и посевные площади сократили (в 1914-1915 гг. - до 117,75 дес., в 1915-1916 гг. - до 83,75 дес., а в 1916-1917 гг. - было обработано только 115 десятин земли)⁸.

В начале XX в. система полеводства оставалась плодосеменной, приуроченной к заводской деятельности, севооборот был четырехпольным. В целом, трех- и четырехполье в Ярославской губернии были наиболее распространены. Однако не при каждом имении располагался винокуренный и картофельно-крахмальный заводы, тесно связанные с хозяйством.

При обработке полей применялись рабочие лошади помещика. Их использовали при вспашке полей, при молотье, а до конца XIX в. - при переработке выращенной сельхозпродукции на заводе, так как до покупки паровых машин использовали механизмы, приводимые в движение лошадьми. Доставка готового продукта (алкоголя, а с XX в. – муки) до пунктов его реализации так же осуществлялась лошадьми. Отходы от производства шли на корм скоту, а навоз вносился в землю. Таким образом, происходило тесное взаимодействие скотоводства, полеводства и винокурения в хозяйстве.

Итак, в отличие от большинства других помещиков, Некрасовы в начале XX в. по-прежнему стремились рационализировать хозяйство. Они искали новые источники дохода после введения “сухого” закона во время первой мировой войны, путем создания нового предприятия, на котором перерабатывался выращенный в усадьбе картофель в крахмальную муку. В сложных экономических условиях не заложили имение и не распродали его по частям, как это делали многие провинциальные среднепоместные дворяне. Благодаря личностным качествам владельцев Карабихи и близости производства к железной дороге, Некрасовы и в начале XX в. получали высокий доход от своей предпринимательской деятельности.

Примечания

1. Городцов В.А. Дневниковая заметка об усадьбе “Карабиха”. 1894 г. Публикация Д.Ф. Полознева // Карабиха: Историко-литературный сб. / Сост. Б.В. Мельгунов; ГЛММЗ Н.А. Некрасова “Карабиха”. Ярославль: ТОО “ЛИЯ”, 1997. Вып. 3. С. 271.
2. В исследовательской литературе 1911 г. фигурирует в качестве последнего года существования предприятия. Нами были выявлены источники, которые позволяют утверждать, что завод действовал до 1915 г. - См.: Список фабрик и заводов Ярославской губернии (на 1 января 1915 г.) // Справочная книга Ярославской губернии на 1915 г. Издание Ярославского Губернского Статистического Комитета. Ярославль, 1915. С. 28; Резюме по описанию имения “Карабиха” Ярославского уезда, Крестобогородской волости - владению Б.Ф. Некрасова. Документальный фонд ГЛММЗ Н.А. Некрасова “Карабиха”. НВФ – 6948. Л. 26.
3. ГАЯО. Ф. 112. Оп. 2. Д. 7. Л. 341-342 об.; Ярославский календарь 1911 г. Изд. К.Ф. Некрасова, 1911. С. 98.
4. Список фабрик и заводов Ярославской губернии (на 1 января 1915 г.) // Справочная книга Ярославской губернии на 1915 г. Яргубстатском, 1915. С. 28.
5. Резюме по описанию имения “Карабиха” Ярославского уезда, Крестобогородской волости – владению Б.Ф. Некрасова... С. 10, 24, 26.
6. Резюме по описанию имения “Карабиха” Ярославского уезда ... С. 10.
7. Краткий очерк 50-летия акцизной системы взимания налога с крепких напитков и 50-летия деятельности учреждений, заведывающих неокладными сборами. СПб., 1913. С. 49-54.
8. ГАЯО. Ф. 642. Оп. 1. Т. 4. Д. 12849. Л. 2; Резюме по описанию имения “Карабиха” Ярославского уезда... Л. 4.

Иванова О.В.,
г. Рыбинск

МУЖСКАЯ ГИМНАЗИЯ В ЖИЗНИ А.А.УХТОМСКОГО: У ИСТОКОВ ТВОРЧЕСТВА

Поражавшие современников энциклопедические знания академика Алексея Алексеевича Ухтомского (1875-1942) были получены им в Рыбинской мужской классической гимназии, Нижегородском кадетском корпусе, Московской духовной академии и Санкт-Петербургском университете. Плюс природная любознательность и постоянное самообразование.

До поступления в гимназию Алеша Ухтомский получил неплохое домашнее образование. В 6 лет под руководством воспитывавшей его тети княжны Анны Николаевны Ухтомской освоил азбуку, с помощью домашних учителей учился письму, рисованию, французскому и немецкому языкам. Родители тоже принимали посильное участие в воспитании сына, например, дарили ему учебную литературу¹.

В 9 лет Алексей поступил в подготовительный класс мужской гимназии. В нашем распоряжении имеется “Календарь и памятная книжка для учащихся на 1885-1886 учебный год”², подаренная ему тетей на второй год учения и содержащая записи за I и II классы. Предметов в расписании I класса перечислено 8: Закон Божий, русский язык, латынь, арифметика, география, рисование, чистописание, гимнастика. В списке преподавателей указаны еще преподаватели пения, французского и немецкого языков – видимо, эти предметы стали изучаться позже.

Главными предметами на всем протяжении обучения считались русский язык, математика и древние языки – латинский и греческий³. Латинский язык преподавался с I класса 8 часов в неделю, греческий появлялся в числе предметов в III классе. Поскольку навыки изучения чужого языка были уже отработаны, оба языка пошли успешно. Преподаватель латыни Ф.Ф.Гертнер стал одним из любимых учителей Алексея. Восторженных отзывов удостоились также преподаватели русского языка В.Н.Филатов и арифметики Д.П.Мартынов. Главными критериями служили ум, усердность и доброе отношение к воспитанникам⁴.

Записная книжка дает представление и о круге увлечений Алексея. К 11 годам у него была уже неплохая личная библиотека: учебные пособия, карты, атласы, журналы (ряд принадлежал еще его деду и другим

родственникам), Библии, сочинения Пушкина, Грибоедова, Гончарова, Булгарина и других. Пользовался он и гимназической библиотекой. Читал много, охотно, внимательно. Прочитанные книги расширяли его кругозор и развивали умственные способности. В это время Алексей стал брать частные уроки игры на скрипке. Отказался от уроков рисования, зато увлекся рисованием образов. Пытался писать стихи – конечно, наивные и неумелые.

До уроков естественной истории (биологии) во время его пребывания в гимназии дело не дошло. Так что любовь к природе находила свой выход пока только в уходе за живущими в доме кошками и собаками и в засушивании цветов и листьев.

В записной книжке сохранились отметки Алексея за 4 четверти I класса – только “четверки” и “пятерки”. Все в порядке было и с поведением. I класс он закончил по успехам среди одноклассников шестым, за что был награжден похвальным листом. Правда, в следующем классе произошло снижение успеваемости. Это было связано с тем, что гимназию покинуло сразу несколько доброжелательно настроенных к нему учителей – нужно было привыкать к новым людям и к новым требованиям. III класс прошел под флагом подготовки к кадетскому корпусу – рвения к учебе это тоже не добавило.

Вместо положенных 9 лет Алексей Ухтомский проучился в гимназии всего 4 года (с 1884 по 1888 г.) и оставил ее после III класса ради военного образования в кадетском корпусе. Неоконченная гимназия аукнулась ему еще дважды. Во-первых, по окончании корпуса ему пришлось сдавать экзамены и за классическую гимназию. А во-вторых, при поступлении в Петербургский университет секретарь неожиданно заявил, что в университет его не примут, как не получившего классического образования. К счастью, все обошлось.

Сама гимназия в этих неприятностях была невиновата. Наоборот, как свидетельствуют рассказы Ухтомского своему другу Алексею Алексеевичу Золотареву⁵ и его письмо бывшему однокласснику Георгию Ивановичу Курочкину 1936 г.⁶, о том времени у него остались в основном светлые воспоминания. Запомнилось то, что было пережито в состоянии радости, горя или нравственной борьбы. Рыбинской мужской гимназии академик А.А.Ухтомский навсегда остался благодарен за первые шаги в мир знаний, за положительные примеры и за становление характера.

Примечания:

1. Ильин А. Подробный учебный атлас географии России, состоящий из 12 карт. СПб., конец XIX в. (РБМ-16368).
2. Календарь и памятная книжка для учащихся на 1885-1886 учебный год. М., 1885. (РБМ-8421).
3. РФ ГАЯО. Ф-71. ОП. 1. Д. 24. Л. 21 об.
4. Шлюпкиова А.В. Академик Алексей Алексеевич Ухтомский (1875-1942). Ярославль, 1968. С. 85, 19.
5. Наши земляки: А.А.Ухтомский. А.А.Золотарев. А.А.Сигсон. Рыбинск, 1992. С. 19.
6. Шлюпкиова А.В. Указ. соч. С. 84-88.

Иерусалимский Ю.Ю., докт. ист. наук
г. Ярославль

“НА БЕЛЫЙ ТЕРРОР ПРАВИТЕЛЬСТВА НАРОД ДОЛЖЕН ОТВЕТИТЬ БЕСПОЩАДНЫМ КРАСНЫМ ТЕРРОРОМ” (ЭСЕРОВСКАЯ ГАЗЕТА “РЫБИНСКИЙ ЗАТОН” В 1907-1908 ГГ.)

К малоизученным страницам истории первой российской революции относится деятельность местных эсеровских организаций. Они долгое время находились в тени работ по истории большевизма, а анализ деятельности партии социалистов-революционеров (ПСР) зачастую подменялся “разоблачительными” ярлыками. Лишь в последнее время появились работы, специально посвященные теории и практике эсеровской партии, основанные на тщательном анализе обширного комплекса источников и исследовательской литературы¹. Однако в отечественной и зарубежной историографии отсутствуют специальные монографии, посвященные печатным изданиям эсеров.

Вместе с тем сохранились многочисленные листовки, газеты и журналы, которые показывают размах печатной агитации эсеров. Они дают информацию о взглядах и настроениях региональных организаций ПСР, в том числе и рыбинской, что называется “из первых рук”. Одним из таких периодических изданий являлся печатный орган местного отделения Волжской судоходной организации ПСР (ВСО ПСР) – “Рыбинский затон”.

Возникновение ВСО ПСР связано с деятельностью Волжского союза судоходных служащих и рабочих, созданном в Поволжье в конце 1905 г. В начале 1906 г. эсеры активизировали агитационную пропаганду среди рабочих водного транспорта. Образование ВСО ПСР относилось к первым числам июня 1906 г., когда стали действовать несколько пароходных и пристанских групп. Центр организации находился в Нижнем Новгороде. Нижегородский комитет ПСР утвердил выборный руководящий орган ВСО – Бюро. Были утверждены отделы ВСО в ряде верхневолжских городов, в число которых вошли Рыбинск, Ярославль, Кинешма, а в октябре 1906 г. к ним присоединились города Среднего и Нижнего Поволжья – Казань, Саратов, Царицын и Астрахань. В “Известиях” Волжской судоходной организации ПСР”, которые выходили в Нижнем Новгороде, говорилось о деятельности Рыбинской организации ВСО и о её намерении издавать свой журнал².

В третьем номере “Муромского листка” – органа Муромской группы ВСО ПСР – также имелись сведения о деятельности эсеров в Рыбинске. Там отмечалось, что “организация возникла очень недавно. Несмотря на это, дело идёт вперёд замечательно быстро. Точно определить число членов организации пока не удалось. Есть надежда основать особый отдел”³.

Действительно, вскоре был образован Рыбинский отдел и в марте 1907 г. он уже стал выпускать свое гектографированное периодическое издание – “Рыбинский затон”. Этот печатный орган выходил в самом конце первой российской революции 1905 - 1907 гг. и в первые месяцы третьеиюньской монархии. Четвёртый (последний) номер “Рыбинского затона” был издан в январе 1908 г. В номере, относящемся к периоду первой российской революции, видны отзвуки борьбы с максималистами (наиболее экстремистски настроенное крыло ПСР, выступавшее за беспощадный террор к врагам революции и не соглашавшееся на его приостановку): “Рыбинская группа с.-р. заявляет, что отныне она не имеет никакого отношения к оппозиционным фракциям партии с.-р.”⁵.

В первом номере “Рыбинского затона” от 26 марта 1907 г. обращает на себя внимание следующее заявление: “Редакция настойчиво рекомендует членам организации волжских судоходных служащих завести связи с товарищами – грузчиками, т.к. по нашему глубокому убеждению они вполне присоединятся к нашей организации ввиду того, что жизнь этих несчастных людей ничем не отличается от жизни рабочей лошади у плохого хозяина. Все связи просим сообщать своевременно в Рыбинский отдел В.С.О. ПСР”. Этот отрывок ярко показывает стиль печатной пропаганды партии социалистов-революционеров и свидетельствует о стремлении использовать любой предлог с целью проведения революционной агитации.

Революционное нетерпение Рыбинского отдела ВСО ПСР ярко видно в статье “Что теперь делать?”. В ней из верной оценки обстановки (“Положение Государственной думы ... чрезвычайно шаткое”) и заимствованного у кадетов требования “ответственного министерства” (“Нам нужно правительство, ответственное перед народом”) делался скоропалительный вывод: “Терпение лопнуло ... Настаёт момент народного восстания ... Нам нужна земля и воля! Товарищи, вооружайтесь – час расплаты близок! ... Да здравствует весь трудовой народ!”⁶

В заметках “Мысли судоходного служащего”, “С натуры”, “Сказка и присказка” говорилось о тяжёлом труде матросов, о необходимости борьбы под знаменем ПСР за улучшение своего положения. Название статьи “Право за жизнь” в устах социалистов – революционеров звучало особенно актуально. В нём обосновывалась террористическая тактика: “... Жизнь человека не стоит для правительственной сволочи ни гроша ... На белый террор правительства народ должен ответить беспощадным красным террором ...”⁷

Таким образом, “Рыбинский затон” является важным источником о деятельности Рыбинского отдела ВСО ПСР, показывает каждодневную практику партийной работы, раскрывает умонастроения членов местной леворадикальной организации. Данный печатный орган раскрывает основные направления пропаганды и агитации рыбинской эсеровской организации, политические взгляды местной группы с.- р. в период первой российской революции и в начале реакции.

Примечания

1. См.: Ерофеев Н.Д. К вопросу о численности и составе партии эсеров накануне первой российской революции // Непролетарские партии России в трёх революциях. М., 1989; Леонов М.И. Эсеры в революции 1905-1907 гг. Самара, 1992; Он же. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997; Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993; История политических партий России / Под ред. А.И. Зевелева. М., 1994; Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996; и др.
2. См.: Известия Волжской судоходной организации ПСР. Нижний Новгород. 1907. № 2. Март.
3. Муромский листок. 1907. 1 февраля.
4. Подробнее о деятельности максималистов см.: Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989; и др.
5. Рыбинский затон. 1907. 26 марта.
6. Там же.
7. Там же.

Рязанцев Н.П., канд. ист. наук
г. Ярославль

РЫБИНСК В 1920-Е ГОДЫ: ГУБЕРНСКИЙ ГОРОД С УЕЗДНОЙ СУДЬБОЙ?

С точки зрения торгово-промышленного и культурного потенциала, численности населения и географического положения Рыбинск уже в XIX в. далеко выходил за рамки рядового уездного города Ярославской губернии. По таким показателям, как объем товарооборота, он значительно превосходил Ярославль и занимал второе место на Волге после Нижнего Новгорода.

До революции рыбинские власти, осознавая далеко не уездный характер города, тем не менее, не поднимали вопрос о повышении его административного статуса. После октября 1917 г. эта проблема была обозначена новыми властями почти сразу. Такой постановке проблемы способствовала и начавшаяся в стране административно-территориальная реформа, которая позволила части бывших уездных городов стать губернскими центрами. Так возникли, к примеру, Иваново-Вознесенская и Череповецкая губернии.

На очередном этапе административно-территориальной реформы усилия рыбинских властей совпали с интересами центральной власти. По постановлению Президиума ВЦИК от 3 февраля 1921 г., из Ярославской губернии была выделена Рыбинская губерния в составе пяти уездов – Мологского, Мышкинского, Рыбинского, Пошехоно-Володарского и Угличского¹. По постановлению Президиума ВЦИК от 25 апреля 1921 г., в состав Рыбинской губернии вошли также Весьегонский и Краснохолмский уезды Тверской губернии².

Впервые в своей истории Рыбинск стал губернным городом и приобрел, казалось бы, неплохие перспективы для своего дальнейшего развития. Но для центральной власти, как нам представляется, это выделение новых губерний было всего лишь административным экспериментом, результаты которого были не вполне ясными и зависели от многих обстоятельств.

Прежде всего, отметим, что статус Рыбинской губернии в глазах Центра был все-таки ниже статуса старых губерний. Это видно даже по официально утвержденным штатам руководящих губернских партийных органов. Например, все губернии Верхней Волги вошли в 1921 г. в первую группу губерний, в которых штат губернских комитетов партии составлял 15 человек (из них 10 – ответственные работники и 5 – технические), а штат уездных комитетов партии составлял 8 человек (5 ответственных и 3 технических). И только вновь образованная Рыбинская губерния вошла во вторую группу, где штат губкома партии составлял всего 11 человек (7 и 4), а штат укомов партии - всего 6 человек (4 и 2 соответственно)³.

Очень трудно в Рыбинской губернии шел процесс становления новых губернских органов власти взамен старых уездных. Анализируя деятельность партийных органов вновь созданной губернии, Орграспредотдел ЦК РКП(б) назвал осенью 1921 г. положение в Рыбинской губернии критическим. По данным отдела, только в течение октября в губернии возникло более 70 конфликтных ситуаций, касающихся вопросов управления⁴. Причину этого власти видели в крайне низком уровне кадрового состава аппарата управления. Один из руководителей Рыбинского губкома РКП(б) отмечал в январе 1922 г., что “ответственные советские и партийные работники составляют ограниченную количеством группу” в аппарате власти. Он же дал такую характеристику госаппарату губернии: “И плох он, и направлять, организовать его некогда, одна задача, сложнее и труднее напирает на другую...”⁵

Дефицит квалифицированных управленческих кадров в Рыбинской губернии был настолько велик, что рыбинские власти в полной мере использовали для выхода из этой ситуации положение декрета 1919 г., который установил порядок допуска “отбывающих наказание в местах заключения... специалистов... на работы по своей специальности в советские учреждения”⁶. Рыбинские власти не просто привлекали для работы в государственных учреждениях лиц из мест заключения, но брали на службу в губернские учреждения, в том числе и в губисполком, даже бывших белых офицеров, находившихся в Рыбинском концлагере. Часть этих офицеров проработала в советских учреждениях около полугода, после чего в марте 1922 г. Президиум губисполкома ходатайствовал о “продолжении срока их оставления на службе в губисполкоме ввиду их профессионализма и хорошей работы”⁷. А один из руководителей Рыбинского губисполкома К. Бухарин даже считал, что после одного года службы в советских учреждениях эти люди должны быть сняты с особого учета⁸.

Еще сложнее обстояли дела с формированием низового советского аппарата в губернии. Рыбинский губернский отдел управления по результатам проверки уездного соваппарата за первый год работы отмечал, что “часто отделы и учреждения несколько раз берутся за одно и то же дело и, наоборот, свои непосредственные задачи оставляют без внимания”, у большинства работников “отсутствует всякий авторитет среди населения уезда, многие работники скомпрометировали себя... выпивками, пьяными дебошами и взяткой”⁹. Из обследованных отделом осенью 1922 г. тридцати одного волисполкома и сельсовета Весьегонского уезда работа двадцати одного была признана неудовлетворительной¹⁰. Аналогичная картина была во всех уездах губернии.

Осознавая ненормальность такого положения, Рыбинский губисполком на своем заседании 15 июля 1922 г. предусмотрел целую серию мер по укреплению советского аппарата на местах. Главным пунктом решения было “усиление административного нажима на лиц, руководящих местными органами – волисполкомами, райсоветами, сельсоветами в деле подчиненности и выполнения заданий вышестоящих органов”¹¹. Административный нажим принимал форму настоящих репрессий. Многие работники низового звена управления в качестве наказания подвергались аресту на срок от 7 до 15 суток. Отдел управления направлял таких работников в Рыбинский концлагерь, а после его реорганизации - в Принудительное бюро.

Эти меры не давали нужного эффекта. Губернский отдел управления в отчете за каждый месяц работы указывал на значительное число руководящих работников в каждом уезде, которые были отстранены от должности, перемещены на другую работу или уволены по собственному желанию. Тем не менее, сформировать нормально функционирующий аппарат управления в Рыбинской губернии не удалось, а помощи из Москвы или Ярославля, как можно судить по сохранившимся архивным материалам, не последовало.

По постановлению Президиума ВЦИК от 15 февраля 1923 г., произошло объединение Рыбинской и Ярославской губерний с центром в городе Ярославле. Территория Весьегонского и Краснохолмского уездов снова отошла к Тверской губернии¹².

История губернского города Рыбинска закончилась, почти не начавшись. Нам представляется, что неудачу этого начинания нельзя объяснить исключительно нерешенностью проблем управления в губернии или экономическими аспектами, которые в данной работе не были затронуты. В конце концов, подобные трудности имели место практически везде, а не только во вновь образованных губерниях. Причину, видимо, следует искать в том, что центральная власть на этом этапе административной реформы взяла курс на старые, традиционные формы территориального устройства, которые были проверены почти в течение полутора веков и доказали свою жизнеспособность в самых разных исторических условиях.

Примечания

1. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1921. № 9. Ст. 65.
2. СУ РСФСР. 1921. № 37. Ст. 200.
3. Известия ЦК РКП(б). 1921. № 12. С. 41.
4. Там же. С. 52-53.

5. Филиал Государственного архива Ярославской области в г. Рыбинске (РФ ГАЯО). Ф.Р. 4. Оп. 3. Д. 7. Л. 268, 170.
6. Декреты Советской власти. Т. 7. М., 1975. С. 422-423.
7. РФ ГАЯО. Ф.Р. 4. Оп. 3. Д. 2. Л. 7.
8. Там же. Л. 8.
9. РФ ГАЯО. Ф.Р.4. Оп. 3. Д. 7. Л. 168.
10. Там же. Ф.Р.2. Оп. 1. Д. 249. Л. 318.
11. Там же. Л. 125 об.
12. СУ РСФСР. 1923. № 14. Ст. 187.

Кудряшов К.А.
г. Ярославль

ТОВАРНАЯ БИРЖА ПЕРИОДА НЭПА

Создание организованного рынка – сети товарных бирж – происходило в годы НЭПа по инициативе торговой общественности (местных торговых организаций) при поддержке Советского правительства. Первая биржа была открыта в июне 1921 г. в Саратове, а уже 29 декабря 1921 г. состоялось открытие центральной товарной биржи в Москве.

Чисто кооперативную биржу постепенно сменяет смешанная: с участием органов ВСНХ. Согласно постановлению СТО от 23 августа 1923 г. “О товарных биржах” биржи учреждались Комиссией по внутренней торговле при СТО или по ее собственной инициативе, или по ходатайству заинтересованных учреждений, предприятий, лиц. Самочинное учреждение бирж, наблюдавшееся до принятия этого постановления, более не допускалось.

Первоначально биржевой товарооборот был слабым, количество посещений и биржевых сделок – незначительным, так как биржи саботировались государственными организациями. Решающее значение для развития биржевого оборота сыграло постановление СТО от 1 сентября 1922 г. “О регистрации внебиржевых сделок государственных предприятий и учреждений”¹. Оно вводило обязательную регистрацию внебиржевых сделок. Всем предприятиям, подчиняющимся ВСНХ, было предписано предъявлять каждую партию товара на биржу, и в случае отказа биржи от принятия товара продавать его свободно, но по ценам выше биржевых.

Регистрация сделок о купле-продаже на биржах приравнивалась к нотариальному засвидетельствованию, осуществлявшемуся согласно декрету СНК от 1 августа 1921 г. в нотариальных столах губернских отделов юстиции и уездных бюро юстиции. Совершение же сделки государственными объединениями и предприятиями между собой или с частными лицами, но незасвидетельствование таковой в нотариальном порядке, влекло за собой недействительность таких договоров на основании ст.29 Гражданского Кодекса и ст. 25 Положения о нотариате и, кроме того, за неисполнение этого лица, руководящие учреждениями или предприятиями, привлекались к ответственности как за преступление по должности по 108 статье УК².

Наивысший скачок роста биржевой сети и оборота наблюдается с весны 1923 г. Это следует связать с существованием в СССР института обязательного членства. Согласно декрету СНК СССР от 10 апреля 1923 г., тресты находящиеся в подчинении центральных органов власти обязаны были состоять членами биржи и регистрировать на ней свои оптовые сделки. Декретом СНК СССР от 17 июля 1923 г. эта обязанность была распространена и на тресты, находящиеся в управлении местных органов власти.

Увеличение биржевого оборота прослеживается и по данным Ярославской губернии. Биржевой оборот по губернии только лишь за второй квартал 1924/1925 гг. увеличился против первого квартала на 48,34%. Вместе по биржевым и внебиржевым сделкам оборот увеличился на 37,01%. Как по Рыбинской, так и по Ярославской биржам значительное место в оборотах занимала государственная торговля и кооперация. Частные обороты по Ярославской Бирже составляли 2,3% общих, Рыбинской – 25,9%. Остальная часть целиком ложится на госторговлю и кооперацию³. Следует отметить и влияние сезонного фактора на интенсивность биржевых товарооборотов. Обыкновенное сезонное затишье на биржах наблюдалось в июне месяце. Небольшое понижение оборотов наблюдалось в период с октября по декабрь. Например, биржевые и внебиржевые обороты Рыбинской Товарной Биржи за октябрь – декабрь 1924 года составляли 1.806.659 руб. против 1.291.478 руб. за июль – сентябрь того же года. Здесь нужно отметить осеннее бездорожье, повлиявшее на понижение оборотов и большой спрос крестьянства на промтовары в последнем квартале года в связи с реализацией сельскохозяйственной продукции⁴.

С внебиржевых сделок взимался регистрационный сбор, имевший тенденцию к постоянному увеличению. В январе 1923 г. на Ярославской Товарной Бирже он составлял 0,25% от суммы сделки, а в отношении учреждений, не регистрирующих внебиржевые сделки в 3-х дневный срок, устанавливался штраф в размере 2.500 руб. за каждый просроченный день с каждой сделки⁵. Гербовый сбор по торговым сделкам, совершаемым вне бирж, составлял 0,2%, а по совершаемым и регистрируемым на бирже – 0,1%⁶. Таким образом, проводимая политика была направлена на осуществление связей предприятий и учреждений с местным рынком через биржу.

Биржа позволяла вести статистический учет сделок, давала представления о рыночной конъюнктуре, способствовала созданию организованного рынка. Функционирование вспомогательных институтов бирж способствовало не только удешевлению и облегчению товарооборота, но и создавало систему информации о реальном обращении товаров в масштабе всего национального рынка. Следует особо отметить гигантскую работу бирж по устранению неразберихи в ценах. Публикуя ежедневно сведения о реальном уровне цен в

различных регионах страны, биржи содействовали выравниванию цен. Постепенно в развитии биржевой торговли возрастала регулирующая роль государства.

С усилением курса на создание системы государственного управления экономикой, товарная биржа все более рассматривается как дополнительный инструмент реализации экономической политики государства. Начавшаяся проводиться государством политика экономии и рационализации торгового аппарата привела к ликвидации в феврале 1927 г. Ярославской товарной биржи. Ее функции с 1 июня 1927 г. осуществлял уполномоченный иногородний биржевой маклер Московской Товарной Биржи – Заборский. Он ежедневно посылал многочисленные запросы как товарным биржам и их уполномоченным, так и непосредственно кооперативным организациям в города, где не было Бирж и маклерских пунктов, стараясь найти предложения по недостающим товарам и заключая по ним сделки. Сведения о потребностях и предложениях рынка Ярославской губернии, о заключенных сделках и причинах, помешавших заключению таковых, излагались им в докладах ежемесячно отсылаемых в Москву⁷.

Большая работа по оздоровлению рынка и внедрению наиболее рациональных навыков и методов торговли, проведенная на протяжении первой половины 1920-х гг. была сведена к нулю. Биржа как орган торговой общественности прекратила свое существование в рамках формирующейся системы перспективного планирования.

Примечания

1. Крюкова С. Опыт становления рынка в период НЭПа // Вопросы экономики. 1991. № 2. С. 146.
2. ГАЯО Ф. Р-254. Оп. 1. Д. 451. Л. 67.
3. ГАЯО Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 54. Л. 204.
4. Там же. Л. 348.
5. ГАЯО Ф. Р-254. Оп. 1. Д. 451. Л. 22.
6. Там же. Л. 44.
7. ГАЯО Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 456. Л. 10.

Шильников А.С., Шестерин А.С.
г. Ярославль

ЯРОСЛАВСКАЯ КАРОНИМИКА (XVIII-XXI ВВ.)

Одна из динамично развивающихся вспомогательных и специальных исторических дисциплин – каронимика – предметом своего исследования имеет историю “поименования” кораблей и судов.

Видимо, впервые имя, как теперь можно считать, связанное с городом Ярославлем, появилось на корабельном борту весьма необычным образом. Известно, что по корабельному штату 1777 г. на верфях был заложен ряд линейных кораблей, названных именами древнерусских князей. “Ярослав” строился в Архангельске, где одновременно на верфях ладилась фрегаты, которым также присваивались “княжьи имена”. Оказалось, что фрегат и линейный корабль носят одинаковые имена. Тогда фрегату, как меньшему по рангу, дали “уменьшительное” название – “Ярославец”. Он был построен в 1784 г. и переведен на Балтику, где в 1788 г. у мыса Суруп еще до объявления войны был захвачен шведской эскадрой. В ходе знаменитого Выборгского сражения 22 июня 1790 г. русские моряки отбили у шведов “Ярославец” и тем самым вернули честь боевому кораблю.

Имя линейного корабля “Ярослав” было передано новому линкору постройки 1799 г., когда старый парусник был уже разобран. Новый “Ярослав” в конце службы именовался также и “Ярославлем”. В 1805 г. “Ярослав” был флагманом эскадры Д.Н.Сенявина на Средиземном море, участвовал в победных сражениях у Дарданелл и Афона.

Первым речным “Ярославлем” видимо следует считать волжский кабестан (капистон), построенный в 1860 г. и имевший паровую машину для канатной самобуксировки нескольких несамоходных хлебных барж со средней Волги до Рыбинска. Этот колесный кабестан прослужил около 15 лет.

Паровые суда морского торгового флота России конца XIX – начала XX вв., носившие имя Ярославля, получили его потому, что принадлежали обществу “Добровольный флот России” – резерву военно-морского флота. Суда этой кампании носили имена городов (т.н. “городская” серия). Паровой “Ярославль” был построен во Франции, пришел в Одессу, был вооружен и в 1882 г. стал уже крейсером – получил славное имя “Память Меркурия”, под которым нес службу на Черном море (его заменил знаменитый крейсер “Очаков”). Второй паровой “Ярославль” был построен в США (1878 г.) и числился в русском флоте до 1885 г. как вспомогательный крейсер “Европа”. После разоружения, переименования и передачи “Доброфлоту” этот “Ярославль” ходил на линии Одесса-Владивосток, а в 1890 г. был подарен Черногории. В 1910 г. пароход вернули России и под названием “Европа” он служил на Балтике, будучи плавбазой подлодок вплоть до 1918 г., когда был захвачен белофиннами. Третий паровой “Ярославль” был построен в Англии, в 1896 г. куплен “Доброфлотом” и в качестве транспорта участвовал в походе II Тихоокеанской эскадры под командованием З.П.Рожественского. Позже пароход трудился на линиях, а в I мировую войну вновь стал военным транспортом, был арендован английским флотом, а в 1918 г. захвачен англичанами. По требованию пароход был возвращен в РСФСР, позднее, в 1924 г., продан на слом в Германию.

В составе речной Вислинской флотилии в 1915 г. на реке Неман действовал вооруженный колесный пароход "Ярославна", а на озерах Финляндии в составе Сатакундской военной Флотилии посыльное судно (вооруженный пушечный пароход) "Ярослав". Названные суда представляли "княжескую" серию.

Славные имена позднее украшали корабли и суда СССР. Из морских судов известен рыболовный мотобот "Ярославль", который был построен в начале 1941 г. в составе "городской" серии. В годы Великой Отечественной войны мотобот служил тральщиком на Северном флоте, ходил в десант 28 апреля 1942 г. на мыс Пикшуев, а по окончании "огневой вахты" вновь трудился на рыбном промысле. В послевоенный период имя "Ярославль" на океанских просторах носил также сухогруз, полученный в 1948 г. по германским репарациям и работавший до 1969 г. на дальних линиях Сахалинского морского пароходства.

Грузопассажирский пароход "Ярославль" вновь появился на волжских просторах в начале XX в. После национализации под новым именем "Фридрих Энгельс" пароход до 1950 гг. работал на Волге. В 1908 г. для фирмы Нобель строится нефтеналивная баржа "Княжна Ярославна". Позднее имя "Ярославна" было дано парусной яхте, построенной работниками Ярославского моторного завода. Это имя яхта носит поныне. Название "Ярославль" носил грузовой теплоход проекта 567, относившийся к типу "Шестая пятилетка". Речной теплоход "Ярославль" был построен в 1958 г., трудился на Волге и в 1992 г. разобран в Нижнем Новгороде.

В начале Великой Отечественной войны на Ярославском судостроительном заводе (далее – ЯСЗ) в 1942 г. по собственным чертежам были построены 35 катеров серии "Ярославец" (Я-5), а в 1943 г. – еще 8 катеров (Я-6). Это были катера - универсалы, они воевали как "морские охотники" и тральщики на морях, озерах и реках, защищали Сталинград, освобождали советские республики и народы Европы. В 1950 г. ЯСЗ улучшил конструкцию катера. На заводах СССР было построено св. 500 единиц судов с общим наименованием "Ярославец" для ВМФ, морского и речного флотов. Катер постройки 1962 г. носил имя "Ярославец" в качестве собственного и служил в Яруправлении "Волготанкер". Преемниками этих катеров считают корабли проекта 1463. Головное судно, построенное на ЯСЗ в 2001 г., стало учебным кораблем Ярославского клуба юных моряков и речников им. адмирала Ф.Ф.Ушакова и получило "родовое" имя – "Ярославич".

В годы войны на средства молодежи и горожан была построена подлодка М-104 "Ярославский комсомолец", которая воевала в составе Северного флота, потопила один транспорт противника, служила на Черном море в 1944-1952 гг. Ее преемницей по названию была подлодка проекта 641, служившая на Севере (1966-1990 гг.). Существовал замысел перевода подлодки по водным путям в Ярославль с целью создания в городе корабля-музея, который не был осуществлен по ряду причин. В 1988 г. новая субмарина Б-808 была наречена "Ярославль" в соответствии с вековой "городовой" традицией и начала службу на Северном флоте.

В 1981 г. на ЯСЗ был построен сторожевой корабль ПСКР-810, позднее получивший наименование "Ярославль", который служит в Прибалтийском пограничном округе. В строю Балтийского флота России ныне служит сторожевой корабль "Ярослав Мудрый". Эти названия – способствуют возрождению исторических традиций отечественной карониимики и вне всякого сомнения, представляют интерес для исследователей.

Панов Л.С.
г. Вологда

ЖУРНАЛ "СЕВЕР" – ОРГАН СЕВЕРНОГО НАУЧНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ (1923–1928)

Во второй половине 1922 г. Вологодское отделение Государственного издательства решило приступить к изданию журнала, мыслившегося как орган северного научного краеведения¹. К тому времени прекратилось издание выходивших в 1914–1917 гг. "Известий Вологодского общества изучения Северного края", а выпуск сменившего их в начале 1922 г. в качестве органа ВОИСК журнала "Северный край" остановился после третьего номера из-за отсутствия средств. Отделение Госиздата и редакция вновь образованного журнала обратились к правлению ВОИСК с предложением о сотрудничестве, на что был получен положительный ответ правления общества².

В течение последующего 1923 г. вышли первый, второй, и сдвоенные третий и четвертый номера журнала. Тематика публикаций выходила за пределы собственно Вологодской губернии в ее тогдашних границах и касалась многих районов российского Севера. Первые выпуски вызвали большой интерес и высокие оценки. Так, краевед и писатель И. В. Евдокимов размышлял в рецензии на два первых выпуска журнала "Север": "...Наименование журнала краеведческим даже несправедливо суживает его диапазон: это – общерусский журнал, научно выдержанный, строгий и серьезный, целая энциклопедия знаний захватывающего интереса". Далее рецензент характеризовал отдельные статьи: А.А. Введенского о доме Строгановых ("молодой профессор высших петроградских учебных заведений... с блестящей эрудицией исправляет исторические ошибки Соловьева и Ключевского, совершенно по-новому освещая "именитых людей Строгановых", игравших исключительную роль в истории Московского государства XVI и XVII столетий"), Л.И. Андреевского об историке А.Е. Мерцалове ("является нужнейшим дополнением к мало обследованному вопросу о хозяйственной жизни России в XIX веке") профессора И. В. Гревса "К живым образам истории и культуры русского Севера" (написана "с присущим маститому ученому мастерством, оставляет сильнейшее впечатление о памятниках художественной культуры Севера") Как на достоинство рецензент указывает на начало публикации журналом в качестве приложения "Библиографии Севера" и на иллюстрирование журнала линогравюрами с памятников вологодской старины художников Н. П. Дмитриевского и Н. И. Варакина³. Журнал "Краеведение" уже в своем самом первом номере откликнулся на выход первых номеров "Севера", назвав членом его редакционной коллегии И. А.

Перфильева (председатель), Л.И. Андреевского, Н.В. Ильинского и Я.И. Кузьмина (члены коллегии) наиболее энергичными деятелями в области северного краеведения⁴.

Критически оценивал второй выпуск «Севера» находившийся тогда по приговору ВЧК в архангельской ссылке бывший редактор «Известий ВОИСК» В.Н. Трапезников. Дав уничижительную оценку большинству статей и продемонстрировав мимоходом осведомленность обо всей вышедшей в Вологде за годы его отсутствия краеведческой литературе, рецензент желал редакции «более критически относиться к доставляемому ей материалу, подчас компрометирующему научность сборника». Положительно были отмечены только статьи А.А. Введенского «Происхождение Строгановых», Д.И. Деларова «Северная область, как центр молочного хозяйства Европейской России» и Н. Березина «Каменный уголь для Севера»⁵.

Откликнулся журнал «Краеведение» и на выход сдвоенного 3–4 номера «Севера»: «Мы, по справедливости, должны сказать, что «Север» является лучшим современным краеведческим журналом в России. Прекрасная внешность, приличная бумага, четкая печать создают впечатление основательного «столичного» журнала. Содержание рецензируемого выпуска еще больше укрепляет это впечатление. Задачи северного краеведения выявлены всесторонне, научно и жизненно⁶. Тем временем, с начала 1924 г. Госиздат прекратил свою деятельность в Вологде, вскоре состоялся первый областной краеведческий съезд Севера, постановивший считать журнал «Север» органом вновь созданного Северного бюро краеведения. Однако от его имени был выпущен только один, пятый номер журнала, затем издание прекратилось.

Чтобы исправить положение, ВОИСК выдвинуло план возобновления издания журнала «Северный край». Этот вопрос обсуждался на заседании президиума правления общества 28 сентября 1925 г. Было решено поручить Редакционно-издательской комиссии с привлечением к заседаниям в ней заинтересованных учреждений детально обсудить этот вопрос, о намерении Общества была извещена Академия Наук⁷. Между тем краеведческое движение претерпело очередную реорганизацию. Северное бюро краеведения прекратило свое существование, и организация краеведческой работы вновь сосредоточилась в ВОИСК. 30 октября 1925 г. глава Бюро Л.И. Андреевский сообщал правлению ВОИСК о передаче им обществу всех дел Северного бюро и редакции журнала «Север». Спустя полмесяца на очередном заседании президиума правления дела были приняты⁸. На этом же заседании было принято к сведению отношение Центрального бюро краеведения о том, что оно поддержало перед Главнаукой ходатайство Общества об ассигновании ему пособия на издательство и что само оно не может финансировать Общество на это дело¹⁰.

12 декабря 1925 г. президиум вновь вернулся к рассмотрению вопроса о судьбе редакционного портфеля журнала «Север». Принятое решение позволяет судить о том, что правление общества склонилось к тому, чтобы принять в свое ведение журнал «Север» и не возрождать «Северный край». Секретарю правления С.Н. Самарину и сотруднику В.С. Макшееву было поручено привести в полную ясность дела бюро и его журнала, а также расчеты с подписчиками, авторами рукописей и другими лицами и учреждениями, имевшими к ним отношение. Было решено также непременно выпустить за счет общества очередной номер журнала «Север», статьи для которого были уже сданы в набор в типографию «Северный печатник»¹¹.

Однако очередной, шестой номер журнала «Север» вышел только в 1927 г. Во вступительной редакционной статье к нему объяснялись причины столь долгой задержки. Отсутствие материальной базы, неустойчивость организационных форм дополнялись разобщенностью местных краеведческих сил, борьбой двух течений в краеведении, закончившейся победой нового направления, подчинявшего движение задачам изучения естественных производительных сил края и ставившего его в зависимость от партийных и государственных органов. В этой же статье делалась попытка охарактеризовать состояние краеведческого движения в целом¹².

В 1928 г. ВОИСК выпустил последний, сдвоенный 7–8 номер журнала «Север». Ликвидация краеведения как общественного движения, фактически совершившаяся уже к концу двадцатых годов, привела и к ликвидации краеведческой периодической печати. В целом, журнал «Север», издававшийся при крайне сложных политических, организационных и финансовых условиях, поддержал лучшие традиции вологодского и всего северного краеведения, много сделал для изучения природы и истории края и оставил значительное наследие краеведам последующих поколений.

Примечания

1. Север. 1923. Книга I. С. VII.
2. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 4339. Оп. 1. Д. 15. Л. 30. Л. 66.
3. Иван Евдокимов. «Север». Орган научного северного краеведения. Книга I. 248 стр. Кн. II. 304 стр. Издание Вологодского областного отделения Госиздата. Вологда. 1922–1923 гг. // Печать и Революция. 1923. № 7. Декабрь. С. 243–244.
4. Краеведение. 1923. № 1. С. 72.
5. Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. 463. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–5.
6. Краеведение 1924. № 4. С. 481–482.
7. ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 21. Л. 33 об.
8. Там же. Д. 33. Л. 11 об.
9. Там же. Л. 12.
10. Там же. Л. 11 об.
11. Там же. Л. 13.
12. Север № 2 (6) Вологда, 1927. С. I.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ В 1920-Е ГГ.

В период становления советского государства молодое советское правительство столкнулось с целым рядом серьезных проблем, одной из которых стал вопрос национальных регионов. В данной работе мы хотели бы посмотреть, как формировался статус национальных образований на примере Советской Карелии.

В отечественной историографии практически отсутствуют работы, посвященные формированию статуса Советской Карелии в составе РСФСР. Только Ю.Килин в своей монографии "Карелия в политике советского государства"¹ обратился к положению Карелии.

В работе нами были использованы материалы Архива Внешней Политики, Российского Государственного Архива Социально-Политической Истории и Государственного Архива Российской Федерации².

Оформление статуса Советской Карелии проходило в условиях военного противостояния только что получившей независимость Финляндии и РСФСР. Причем представители Финляндской Республики рассчитывали на вхождение в ее состав всей Карелии, а некоторые даже говорили о "Великой Финляндии" до Уральских гор. Советские руководители стремились закрепить за собой карельские территории, прекрасно видя их стратегическое значение. В течение 1918-1919 гг. на земли Советской Карелии неоднократно совершались нападения с финляндской стороны, и только подписание Юрьевского мирного договора закрепило Восточную Карелию за РСФСР.

Правительство Финляндии попыталось использовать мирный договор в своих целях, заявляя, что советские лидеры нарушают целый ряд его статей (речь шла о предоставлении автономии Карелии и праве наций на самоопределение)³. Финляндская сторона предлагала обратиться к Лиге Наций и вынести на ее рассмотрение спорные вопросы (а именно ст. 10 и 11 Юрьевского мирного договора). Представители РСФСР заявляли: автономия уже существует, указывая при этом на Карельскую Трудовую Коммуну⁴, а карелы сами приняли решение о вхождении в РСФСР (существовавшие в период военных действий олонекское и ухтинское правительства, настаивавшие на вхождении двух этих волостей в состав Финляндии рассматривались как белофинская провокация). Существование Карельской Трудовой Коммуны позволяло советскому правительству опровергать все претензии со стороны Финляндской Республики, а обращение к Лиге Наций воспринималось исключительно как акт враждебный⁵. И если советские лидеры во всех нотах в адрес МИД Финляндии настаивали на том, что факт карельской автономии налицо, то финляндская сторона отрицала это, требуя выделения Восточной Карелии в особую автономную территорию, которая соответствовала бы территории, населенной карелами, и пользовалась бы правом свободного самоопределения народов.

Споры о статусе Восточной Карелии продолжались на протяжении 1920-1930-х гг. Следует отметить, что с середины 1930-х гг. советские руководители, в частности, И.В.Сталин, делали ставку на присоединение, по крайней мере, части Финляндии к СССР. Об этом свидетельствуют и эксперименты с языком (основным языком делали то русский, то карельский, то финский), и переговоры, проводимые в 1938-1939 гг. с О.В.Куусиненом о создании под его руководством Карело-Финского Советского государства, а затем Народного Правительства Финляндии в период "зимней войны", и возникновение 31 марта 1940 г. Карело-Финской Советской Социалистической Республики.

Если обратиться к реакции населения Карелии на игры двух государств вокруг ее статуса, то сразу же встает закономерный вопрос: представители каких национальностей преобладали в Советской Карелии и ее властных органах?

На протяжении 1920-х гг. на территории 41 волости Олонекской и Архангельской губерний, городов Петрозаводска, Кемь и Олонец проживало 60% карел и 37% русских (3% составляли представители прочих национальностей). Из 26 членов Карельского областного исполкома 5 – финны, 9 – карелы, 1 – латыш и 11 – русские⁶. Примерно такое же соотношение прослеживается и в местных исполкомах. При этом, возглавлял областной исполком финн по происхождению, большевик т. Гюллинг, а все его заместители были русскими.

Из отчетов карельских властей перед Народным Комиссариатом по делам национальностей видно, что местное население на протяжении 1920-х гг. не доверяло представителям советской власти в Карелии, многие просто бежали в Финляндию. Естественно, одна из причин такого отношения – активная агитация финляндской стороны, которая распространяла сведения о нарушениях прав карельского населения, о притеснениях со стороны русских, голоде. Но была и другая причина – действия советских уполномоченных в Карелии и политика центра на данных территориях. В первую очередь, свою роль сыграло решение в отношении Ребольской и Поросозерской волостей, жители которых просили о переходе их земель в состав Финляндии, по Юрьевскому договору возвращенных РСФСР. Мнение населения в данном вопросе не было учтено. Разгром олонекского и ухтинского правительств, выступивших за присоединение к Финляндии, также показал способы действия советских лидеров. В самой же Карелии в начале 1920-х гг. разразился страшный голод (об этом свидетельствует переписка Гюллинга с наркомнацем), советское правительство не могло разрешить данную проблему, зато Финляндская Республика оказывала продовольственную помощь (в ряд волостей поставлялись мука и мясо), выделяла денежные средства на нужды пострадавшего населения. Данный факт воспринимался карельским населением в пользу присоединения к Финляндии. Конечно, не стоит забывать и о постоянных нападениях с финляндской стороны на территории Советской Карелии, однако эти нападения воспринимались многими местными жителями как попытка с оружием в руках присоединить Карелию, поэтому финские отряды и получали поддержку у карел.

Таким образом, ситуация в Советской Карелии в 1920-е гг. прекрасно иллюстрирует, во-первых, как создавалось советское государство, во-вторых, как использовались основополагающие решения ВЦИК и СНК в действительности, в-третьих, как население национальных регионов реагировало на действия советских властей.

Несмотря на принятие «Декларации прав народов России», ее основное положение о праве наций на самоопределение вплоть до полного отделения выполнялось лишь в отношении крупных образований (как, например, Финляндия), да и то с расчетом на позднейшее присоединение к Советскому государству. На региональном уровне пожелания коренного населения (в частности карел) не учитывались. Автономия Карелии, как и многих других образований, была чисто декоративной и использовалась в политической игре для демонстрации доброй воли советского государства.

Примечания

1. Килин Ю. Карелия в политике советского государства. 1920-1941. Петрозаводск, 1999. 276 с.
2. АВП. Ф. 135; РГАСПИ. Ф. 5; Ф. 159; Ф. 522; ГАРФ. Ф. Р. 1318.
3. АВП. Ф. 135. Оп. 7. Д. 5. Л. 76.
4. По декрету ВЦИК и СНК от 4 августа 1920 г. была определена территория Карельской Трудовой Коммуны.
5. АВП. Ф. 135. Оп. 7. Д. 1. Л. 40; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2207. Л.18, Л. 33.
6. ГАРФ. Ф. Р. 1318. Оп. 1. Д. 238. Л. 6.

Воронцов Б.Н., канд. ист. наук
г. Рыбинск

РЕНЕССАНС ЯЗЫЧЕСТВА И ЯЗЫЧЕСТВО РЕНЕССАНСА

Выступая на юбилейном X Всемирном Русском Народном Соборе, Патриарх Всея Руси Алексий II сказал: «Не стоим ли мы на грани нового языческого ренессанса, при котором твердое стояние на камне веры предков будет повсеместно признаваться нежелательным? Стремительные перемены, происходящие в общественном сознании, академической мысли, законодательстве, политической теории и практике, образовательных концепциях и иных формах человеческой деятельности призывают к тому, чтобы церковь и окормляемые ею народы ясно выразили свое отношение к этим новым явлениям современности» [1].

Отмеченные изменения являются следствием распространения в обществе идей либерализма (= безграничной свободы), пришедших к нам с массовой культурой. Массовая культура привела к росту аморализма и бездуховности, настроений нигилизма, эгоизма, индивидуализма под флагом развития индивидуальности, личностного начала в человеке. Однако, как отмечает отечественный философ В.Г. Федотова, в действительности это «индивидуализация без производства индивидуальности, личности, формирование эгоистического индивида, думающего только о себе» [7; 6]. Поэтому слова «новый языческий ренессанс» в устах Патриарха, конечно, не случайны.

Массовую культуру с полным основанием можно назвать нео-языческой. Это эстетическая, чувственная культура, исповедующая культ тела – в отличие и в противоположность духу. Призвание, дело всей жизни человека массы сводится к удовлетворению «основного инстинкта». В этом, собственно, и состоит свобода, как он ее понимает. Если И. Кант считал, что человек принадлежит к двум мирам: эмпирическому и умопостигаемому, – то массовая культура знает только природно-определенного, эмпирического индивида, существующего исключительно «здесь и сейчас». Бытийственные, экзистенциальные проблемы остаются вне поля его зрения, чужды его сознанию и языку. Массовая культура осуществляет поворот к Повседневности. Отечественный философ В.Н. Порус в этой связи пишет: «Повседневность – «спальный вагон» мегаполиса Культуры, здесь люди отдыхают от участия в «сценариях истории», написанной под диктовку Мирового духа. Но нельзя без конца отдыхать, не то станешь уж слишком примитивным. Чтобы не утратить более-менее достойную сложность, следует чередовать отдых и труд души, попеременно то отдаваясь творчеству, выбору и прочим горным порывам, то возвращаясь на «бытийную родину», в ее «грошевой уют» [3; 31]. Массовая культура отрицает мораль и основные христианские добродетели: Любовь, Жалость, Милосердие; ее добродетелями становятся семь смертных грехов. Богами массовой культуры являются Вакх, Пан, Дионис. Она исповедует вакхическое кружение, экстаз, оргазм. По словам одного видного представителя массовой культуры, XXI век должен стать веком оргазма. И, как кажется, дело действительно идет к тому. Будучи по своей сути материальной и эгоистической, тем самым фактически отрицая Христа, массовая культура исповедует и проповедует откровенную мистику: колдовство, заговоры, хиромантию, астрологию, экстрасенсорику, магию и пр. – то есть все то, что Церковь считает богопротивным делом.

Носителем массовой культуры является новый тип личности – эстетический человек. Если вспомнить С. Кьеркегора: эстетический человек – первая, начальная ступень в духовном развитии личности, то получается, что история идет в обратном направлении – от человека религиозного к человеку моральному и от него к человеку эстетическому, что равносильно признанию духовной деградации человечества. Нынешний эстетический человек – при всей его массовидности, одномерности – чем-то похож на ренессансного человека (предмет его гордости) – прежде всего «широтой», беспринципностью взглядов, бесстыдным отрицанием всех моральных запретов.

Мы не случайно вспомнили человека Ренессанса, поскольку ренессанс язычества, о котором говорил Патриарх Всея Руси, фактически в значительной степени оказался возрождением языческих черт Ренессанса.

Обыватель, который кое-что слышал о Ренессансе, привык говорить об этом периоде европейской истории исключительно с восхищением. Действительно, это была своеобразная культурная революция, отмеченная выдающимися достижениями в области искусства. С Ренессансом связан новый взгляд на человека; это был крупнейший шаг на пути его индивидуализации, становления в качестве автономной личности. Однако, этот процесс раскрепощения человека носил крайне противоречивый характер. По существу Ренессанс был верхушечной, элитарной культурной революцией. Низы общества никак не были затронуты этим мощным идейным течением. Процесс индивидуализации осуществлялся в самых грубых, варварских, безжалостных формах откровенного эгоизма. Гуманизм Ренессанса носил эстетический характер: он восславил творческие возможности человека, поставил его наравне с Богом, но был совершенно равнодушен к моральным проблемам. Ренессанс можно назвать языческим периодом в истории христианской Европы; отсюда культ Красоты, человеческого тела, отсюда же и многие пороки, перенятые от древних.

В свете сказанного легко объяснимо различное отношение к южному Ренессансу, различная его оценка. Уже северную Реформацию можно рассматривать как контр-Ренессанс. Ф. Ницше, ярчайший представитель эстетической культуры, восхищался этой эпохой. Он первым открыл Истину Ренессанса: ею стал Сверхчеловек. А вот А.А. Ухтомский, напротив, резко критически относился к южному Ренессансу. Приведем некоторые его высказывания на этот счет: "Возрождение началось с бурного заявления, что стало неинтересно и неумоготу более сдерживать инстинкты и натуральные позывы к ширению; поэтому надо более их не сдерживать, пора убрать узду! Надо дать свободу желающему довериться "природе" и своим телесным побуждениям... Человек Возрождения пожелал вернуться к "естественности"... Все безгрешно, все естественно, не может быть худо и зло, что красиво..." [5; 220] По словам выдающегося ученого и глубокого религиозного мыслителя, в Возрождении безмерно раздули "тело", ухаживая за ним, лелея плоть и в то же время смешивая ее с отбросом, отрицая в отношении нее всяческие обязательства" [6; 252].

Пафос Ренессанса, то есть "желания жить вслепую, на коротких рефлексах, заполнив ими все существующее" [5; 239], периодически будоражит сознание людей в истории. Вот и сейчас либеральная, преимущественно творческая, интеллигентная подымает на щит ренессанского человека. В этом отношении в высшей степени показательна статья доктора филологических наук В.И. Мильдоне "Русский Ренессанс, или Фальшь серебряного века", опубликованная в журнале "Вопросы философии" [2005, №1]. Автор подвергает критике по существу всю литературу "золотого века" за то, что она отступила от принципов русского Ренессанса, заложенных Пушкиным, "Русскому Ренессансу, – пишет он, ссылаясь на Валерия Брюсова, – свойственно "артистическое любование сверхчеловеческими элементами в человеке, преклонение перед процессом и результатом творчества..." [2; 41] Этот ренессансный Сверхчеловек появляется как ответ на угрозу потери человеком того, что составляет его сущность [2; 46]. Он противостоит безымянным скифам, тому маленькому человеку, "во славу которого с таким воодушевлением и страстью писала русская критика свыше ста лет" [2; 48-49]. "Но равную интеллектуальную ответственность несут писатели / мыслители XIX в., начиная с Гоголя, решившего, будто литература призвана исправлять общество и саму действительность, в ином случае писателю надо оставить свое ремесло" [2; 48]. По Мильдону, русская литература XIX в. не там искала "лишнего человека"; в действительности таковым является как раз "маленький человек". В этом отношении автор выгодно отличает литературу "серебряного века" (который сам он называет "золотым"), отстаивавшую приоритет личных интересов перед интересами державы, народа, родины, национальной и религиозной принадлежности, которые рассматривались только как средства, способные (либо нет) обеспечить или хотя бы гарантировать индивидуальное бытие [2; 43].

Человека (пусть даже ренессанского), который открыто противопоставляет свои интересы интересам общества, принято называть эгоистом. Мильдон с этим не согласен. Оказывается, этот человек – не эгоист, а истинный индивидуалист, поскольку он "исходит из понимания самоценности человеческого бытия и потому не может рассматривать других индивидов орудиями" [2; 43]. Ну, правильно: человек всегда должен быть целью и никогда средством. (И. Кант). А чтобы все убедились, что он не эгоист, автор продолжает: "В умышленно парадоксальной форме (чтобы привлечь внимание к тому, что пробивало себе дорогу) новую для России антропологию выразил Достоевский в "Записках из подполья": "Мне надо спокойствия. Да, я за то, чтобы меня не беспокоили, весь свет сейчас за копейку продам. Свету ли провалиться или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне всегда чай пить" [2; 46-47]. Вот и договорились. Это, оказывается, и есть ренессансный Сверхчеловек. Тут, как говорится, ни убавить, ни прибавить. Поистине, когда человек весь отдается лжи, его оставляют ум и талант.

Резонно спросить: "Отчего это в кругах либеральной (политической и художественной) интеграции затосковали по ренессансному человеку?" Дело в том, что, как считают эти люди, Россия развивалась по ошибочному пути: ей нужен был ренессансный, творческий, продуктивный человек-индивидуалист, а она озаботилась "маленьким человеком" – коллективистом. Развитие индивидуальности человека, а следовательно, и развитие общества в целом возможно, якобы, только на основе идеологии индивидуализма. Тем самым либеральная интеллигенция получает оправдание своего эгоизма и своих претензий на политическое, экономическое и духовное руководство обществом.

А как же быть с "издержками" либерализации и демократизации? С ростом насилия, аморализма и бездуховности? Они попросту игнорируются как неизбежная "плата" за свободу. При этом делаются ссылки на: 1) объективный характер происходящих изменений, неостановимость процесса индивидуализации личности (то есть попросту распространения эгоизма); 2) лабильность "природы" человека, невозможность установить, какие именно нормы соответствуют ей; 3) специфическое понимание смысла истории в каждую эпоху. А отсюда "успокоительные" советы: "...Развитие современной технологической культуры вносит существенные перемены в традиционные представления о культурных ценностях и нормах поведения. Можно сколько угодно возмущаться

“развращенностью” современной молодежи, но о возврате к порядкам “Домостроя” не может быть и речи... Вместо того, чтобы горько вздыхать по поводу разврата и невежества молодежи... и устрашать людей картиной смертельных судорог культуры, ...не лучше ли обратиться к философскому осмыслению новой структуры ценностных и нормативных установок, которые складываются в условиях информационного общества?” [1; 59]

Совет А. Кармина обратиться к философскому осмыслению новой структуры ценностных и нормативных установок хорош. Но вот беда: такое осмысление может привести и к менее “оптимистическим” выводам. Полагать, что если из Космоса образовался Хаос, то из Хаоса непременно возникнет Космос, – это неоправданная самонадеянность, основанная на слепой (теперь уже философской) вере в некие законы Истории. Прямое, жесткое требование следовать идеям либерализации прав и свобод личности может завести человечество в Никуда. Это и вызывает беспокойство русской православной Церкви и всех приверженцев традиционной морали, высказанное на X Всемирном Русском Народном Соборе Патриархом Всея Руси Алексием II и многими другими выступающими. Так, митрополит Кирилл сказал: “Нельзя плакать по поводу возрастающей ксенофобии в тот момент, когда мы открываем возможности для человека, который не сдержан никакими нравственными силами, разрушать святыни, оплевывать свое отечество, разрушать свою культуру... Нравственность едина и неделима... Православные верующие готовы принять мировоззренческий выбор других народов, но они не могут молчать, когда им навязываются чужие нормы, противоречащие основам православной веры” [1; 1].

Литература:

1. Кармин А. Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 2006. № 2.
2. Мильдон В. И. Русский Ренессанс, или Фальшь серебряного века // Вопросы философии. 2005. № 1.
3. Порус В. И. Обжить катастрофу. Своевременные заметки о духовной культуре России // Вопросы философии. 2005. № 11.
4. Советская Россия. 6 апреля 2006 г.
5. Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник. Рыбинск: Рыбинское подворье. 1997.
6. Ухтомский А.А. Доминанта души. Рыбинск: Рыбинское подворье. 2000.
7. Федотова В.Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России // Вопросы философии. 2005. № 11.

СОДЕРЖАНИЕ

Тихомиров Н.В. Из истории музейной деятельности Рыбинского отделения Ярославского естественноисторического общества	5
Спиридонова Е.В. Керамические игрушки из археологического фонда Рыбинского музея	8
Кисина Ж.В. Визитные и рекламные карточки в коллекции Рыбинского музея	12
Мызникова М.Д. Виды монастырей в коллекции Рыбинского музея	14
Тишинова О.Ю. К истории семьи Бухаркиных	17
Смирнова Т.А. Мемориальный музей А.А.Ухтомского (история и перспективы развития)	20
Барышникова Ю.Е. Экслибрисы второй половины XIX – начала XX вв. из собрания Музея истории г. Ярославля, связанные с историей Ярославля и Ярославской губернии	23
Белова Е.М. Н.Н.Венедиктов – учитель, садовод, музейщик	30
Коновалова Н.Е. Образы российских самодержцев и вождей Советской страны в фарфоре (на примере коллекции Рыбинского музея-заповедника)	35
Цепляев С.Е. Музейная экспозиция и посетитель	41
Отт Л.В. Деятельность Рыбинского музея-заповедника по привлечению и обслуживанию туристов	46
Сидорова И.М. Сфера социально-культурных услуг как приоритетное направление государственного регулирования	51
Салова Ю.Г. Братья Золотаревы о развитии образовательных экскурсий в начале XX в. (по материалам журнала “Русский экскурсант”	56
Минькина Л.А. Археологические исследования губернских ученых архивных комиссий (на примере Ярославской и Костромской ГУАК)	59
Морозова Д.П. Дореволюционные архивы г.Рыбинска	61
Гарин Э.В. Создание родословной схемы для отдельно взятого церковного прихода по метрическим книгам	67
Степкина Т.А. Книжные редкости из частных библиотек начала XX в. в современном собрании библиотеки им. Энгельса	71
Рыкунова И.И. Итоги работ 2005 г. на памятнике археологии Усть-Шексна	77
Кадиева Е.К.	

Керамические клейма на сосудах XII-XIII вв. с поселения Усть-Шексна 81

Марасанова В.М.

Административно-территориальные реформы XVIII столетия
в Верхнем Поволжье 86

Михайлова Г.Б.

Огарковское культурное гнездо в истории Рыбинского края
(XVIII – начало XX вв.) 89

Мельник А.Г.

К истории почитания преподобных Феодора и Павла, основателей
Ростовского Борисоглебского монастыря 97

Крестьянинова Е.И., Никитина Г.А.

К вопросу об истории застройки и планировке Ростова 102

Белова Н.В.

Дом и усадьба приходского священнослужителя в конце XVIII –
начале XX века (на материалах Ярославской епархии) 108

Овсянников С.Н.

Церковное зодчество в Ярославской губернии первой половины
XIX века и деятельность архитектора П.Я.Панькова 111

Фролова Т.В.

Возраст супругов в русской городской семье в XIX в.
(на примере г. Ярославля, Ростова, Рыбинска) 117

Максимов А.В.

Клад медных монет из деревни Знамово 123

Киселев А.В.

Рассказы о знахарях и колдунах в Ростовском районе 126

Козлов А.Б.

Рукопись мещанина А.П.Боярченкова 133

Шубина С.А.

Китай глазами ярославского миссионера 138

Нуждина А.А.

Санитарно-бытовое состояние деревни Верхнего Поволжья
на рубеже XIX-XX вв. 142

Бикташева Н.Н.

Из истории здравоохранения г. Рыбинска (XIX – начало XX вв.)
(Санитарное состояние и санитарные врачи) 144

Соболева О.Ю.

Благотворительность как зеркало нравственности общества:
деятельность благотворительных общественных организаций
в Ярославской губернии на рубеже XIX-XX вв. 148

Гожалимова О.С.

Благотворительная деятельность рыбинского биржевого комитета
в начале XX века 153

Степанов К.А.

Деятельность ростовского земства по открытию Стрельского училища
в конце XIX – начале XX вв. 158

Иерусалимская С.Ю.

Статистические источники по начальному народному образованию
Ярославской губернии второй половины XIX – начала XX вв. 164

Невиницын Р.А.

Материальные аспекты издания провинциальной газеты
конца XIX – начала XX вв. (на примере "Северного края") 167

Давыдова Н.А. О состоянии церковно-певческого дела в России в период с 80-х гг. XIX века до 1916 г.	171
Алексеева А.В. Социокультурная характеристика председателей Рыбинской уездной земской управы (1865-1917 гг.)	176
Шустрова И.Ю. “За бездоказательностью жалобу оставить без последствий”: Материалы волостных судов Ярославской губернии как источник для изучения семьи и семейного быта	181
Александров Н.М. Неземледельческий отход ярославских крестьян и его влияние на социокультурную жизнь пореформенной деревни	188
Бородин А.В. “Специальные службы” Ярославского акцизного ведомства в борьбе с незаконными поставщиками алкоголя в Рыбинске начала XX века	191
Кузин С.Н., Шокин С.Д. Рыбинск в системе российского провинциального образования (конец XIX – начало XX вв.)	195
Лобанова М.А. Описи имущества усадьбы Петровское как источник по изучению усадебного быта	199
Михайлова М.А. Карабиха в начале XX века: предпринимательская деятельность Некрасовых	202
Иванова О.В. Мужская гимназия в жизни А.А.Ухтомского: у истоков творчества	205
Иерусалимский Ю.Ю. “На белый террор правительства народ должен ответить беспощадным красным террором” (эсеровская газета “Рыбинский затон” в 1907-1908 гг.)	207
Рязанцев Н.П. Рыбинск в 1920-е годы: губернский город с уездной судьбой?	210
Кудряшов К.А. Товарная биржа периода нэпа	213
Шильников А.С., Шестерин А.С. Ярославская каронимика (XVIII-XXI вв.)	216
Панов Л.С. Журнал “Север” – орган северного научного краеведения (1923-1928 гг.)	218
Страхова Н.В. Проблемы определения статуса Советской Карелии в 1920-е гг.	221
Воронцов Б.Н. Ренесанс язычества и язычество Ренесанса	224

Генеральный спонсор Рыбинского государственного историко-
архитектурного и художественного музея-заповедника -
ООО «РыбинскЭлектроКабель»

Спонсор ООО «Элекон»

XI Золотаревские чтения

Материалы научной конференции
(16 ноября 2006 г.)

Ответственный за выпуск:

А.В. Знаменский

Компьютерная верстка:

Л.В. Журова

Сдано в набор 16.09.2006. Подписано в печать 8.11.2006.
Формат 60x84/16. Шрифт Arial. Усл. печ. л. 13,7. Тираж 150 экз.

Подготовлено к печати и выпущено в издательском центре
Рыбинского государственного историко-архитектурного и
художественного музея-заповедника
152901, г.Рыбинск, Волжская наб., 2